

© Павел Шуф, 1983

Художник Алексей Сухарев

Ташкент. Издательство "Ёш гвардия", 1983

Павел Шуф «Тайна Лысой горы»

Первая повесть трилогии «Записки Балтабаева-младшего»

Семь футов под килем!

Признаться, менее всего в «сухопутной» книге Павла Шуфа я ожидал встретить эпизод, связанный с морскими приключениями. Однако уже название одной из начальных глав — «Человек за бортом» — заставило меня, моряка, насторожиться. И не напрасно... Занятную и поучительную историю гибели чайного клипера рассказывает сельским ребятам матрос-отпускник Акрам. А побудила Акрама припомнить эту байку «аварийная ситуация» в классе. Мечтая любой ценой вырваться в правофланговые, горе-активисты ломали головы, как бы избавить отряд от балласта — отстающих, прогульщиков, хулиганов всех мастей, — и не изобрели ничего лучшего, как попытаться спровадить их в другой класс или школу и ударить в звонкие литавры победы... Вот тут-то моряк и рассказал «рационализаторам», что однажды получилось, когда честолюбивые капитаны океанских чайных клиперов затеяли гонки и ради облегчения судна побросали за борт матросов. Свой грустный и одновременно сердитый рассказ-притчу Акрам завершает лукаво: «В щепки корабль разнесло, груз пучина поглотила. Полморя бы в крепкий чай превратилось, но — вода была холодная — заварки не получилось».

И хотя рассказывал моряк преданье старины глубокой, ребята отлично понимали, что история эта имеет прямое отношение к их классу, к их сегодняшним думам и заботам...

В героях повести «Тайна Лысой горы» юные читатели, конечно же, узнают себя. Повесть и рассказывает о том, как мальчишки и девчонки из узбекского поселка, придумав Академию Добрых Услуг, начинают уже не придуманные, а самые настоящие важные дела. Мне кажется, автору удалось показать яркие и разные ребячьи характеры, их умение бороться за мечту и за дружбу.

Множество удивительных приключений выпало на долю ребят из поселка Катта-Караван, организовавших эту необычную Академию Добрых Услуг.

У семиклассника Володи Балтабаева, от имени которого ведется повествование, жизнь беспокойная, но крайне содержательная. Впрочем, задиристый редактор сатирической стенгазеты и не ищет покоя. Любопытный, честный, принципиальный мальчишка страстно вникает во все, порой непростые вопросы, которые ставит стремительная жизнь и перед ним самим, и перед его одноклассниками. В острых конфликтных ситуациях, где требуются решительные действия и подлинное гражданское мужество, у героя ярко проявляются черты борца, способного увлечь за собой товарищей из родного поселка, поддержать слабых, помочь прозреть и подняться оступившимся. И если бы в один прекрасный день я вдруг получил письмо и от главного героя книги «Тайна Лысой горы» Володи Балтабаева, я ответил бы ему, пожалуй, так же, как отвечаю многим ребятам. Я бы написал ему так: «Начни не с командования. Начни с черновой работы. С реальной помощи людям. Будет у тебя два или три надежных — не за страх, а за совесть — помощника, уже хорошо. Станешь делать настоящее дело — их появится больше. Была тяжелая война. Победа. Прошли послевоенные пятилетки. Неузнаваемо изменилась страна. Попробуй сейчас наколи дров, когда повсюду центральное отопление, принеси воды, когда в домах водопровод... Но стремление ребят сегодня, сейчас, не дожидаясь, когда они станут взрослыми, нести людям добро — это стремление живет и в прошлое не уходит».

Вот как написал бы я Володе Балтабаеву. Но в моей почте не было его письма. Да и с советами я малость опоздал... И все же за Балтабаева и его отряд я спокоен — ребята из поселка Катта-Караван пошли в трудный поход, чтобы найти Свое Дело, и они нашли его сами. А поэтому и им, и их единомышленникам я желаю успеха. Как говорят на флоте: «Семь футов под килем!»

Контр-адмирал Тимур ГАЙДАР
(1983 г.)

Светлой памяти отца — участника Великой Отечественной войны

А в т о р

ЕСЛИ БЫ королева Марго не швырнула нам тяжелую перчатку...

ЕСЛИ БЫ начинающий гроссмейстер Марик Егоров не угодил в собственную же матовую сеть...

ЕСЛИ БЫ не пришлось гнать в город самосвал с макулатурой, чтобы малость подновить знаменитый афоризм...

ЕСЛИ БЫ наш капитан Стелла Хван не замыслила скормить акулам группу упитанных и аппетитных учеников...

ЕСЛИ БЫ не операция «13—30»...

ЕСЛИ БЫ злющая корова Киса вела себя прилично и не спровоцировала принудительный марафон...

ЕСЛИ БЫ не спасительная идея открыть в поселке АДУ...

ЕСЛИ БЫ, наконец, нашу некогда пышную гору не прозвали обидно Лысой...

Короче говоря, ЕСЛИ БЫ не вереница бесконечных приключений — эти записки не смогли бы появиться на свет. А ведь все Айгуль — сестра моя старшая. Надоумила: «Надо бы вам, ребята, собрать да записать все ваши истории. Жалко, если пропадут.

Ясное дело — жалко. Но легко сказать слово «Вам...» Попробуйте нашего Арика Дворянского или, к примеру, Кулака к бумаге цепью привязать. Да они, как норовистые мустанги, любой кол вырвут и живо на волю в прерии умчат. А вот на горемыку-Балтабаева можно, видишь ли, и это взвалить.- Мол, коли ты редактор стенгазеты, так значит впустую не аukai, а сразу всю бумажную поклажу на себя надевай как рюкзак.

А может, и стоит?.. В смысле — рюкзак надеть... Хлопотно, конечно. Но зато будет и у нашей АДУ своя летопись.

Впрочем, погодите! Вы ведь, еще не знаете про нашу АДУ! Но стоит ли забегать вперед? Может, все по порядку?..

ГДЕ ИСКАТЬ 13-30?

Васька Кулаков такие щелбаны отпускает — потом два дня причесываться больно. Оттого его «уважительно» Кулаком кличут — самый сильный из ребят в нашем поселке. Батыр!

Ученик он, честно говоря, никудышный. Кулак, на мою беду, позади сидит, поэтому придумал для меня совершенно дурацкую кличку — Вариант. Мы ведь один вариант контрольной пишем. Вот так и живем — на контрольной за десять минут до звонка толкнет ручкой меж ребер и зловеще шепчет:

— А ну, Вариант, подай чуток вправо, я на обгон пошел... Сверить хочу — так ли я решил.

Я-то отлично знаю, что сверять ему нечего. Малодушно подвинусь, а он живо все срисует и к тому же первым сдавать несет... Я ужасно злился на себя и каждый раз давал себе слово, что больше это не повторится. Но потом меж ребер вонзалась ручка, и пока боль утихала, Кулак уже успевал все «сверить»... Однажды я подумал: а не подсунуть ли мне Кулаку на очередной контрольной липовое решение — вот смеху будет. Я уже заготовил было листок с абсолютной белибердой и стал ждать контрольную. Погоди, Кулачище, ты у меня сверишь — сам рад не будешь.

Но моим коварным планам не суждено было осуществиться. Расплата настигла Кулакова совсем не здесь... А все — Сервер Мамбетов. Это ему пришла в голову идея — провести в поселке турнир «А ну-ка, пацаны!». Кулак, как обычно, сначала поднял нас на смех.

— Ер-рун-да! — плюхнул он. — Голыми руками что ли турнир проводить будем? Штанги нет, батутом и не пахнет, боксерские перчатки — и те прохудились, хотя... Он самодовольно повертел кулаком: — Хотя я лично обойдусь и без перчаток!

— Погоди! — бросился к нему Сервер. — Зачем штанга и батут? Можно свою интересную программу составить.

— Кто больше урюка слопает, что ли? — хохотнул Кулак.

— Почему урюка? А вот, к примеру, посостязаться, кто на одну удочку больше всех рыбы выудит — разве не интересно?

— ...Или кто быстрее всех десять задачек по алгебре решит! — язвительно вставил я.

Кулак затрясся:

— Мне твои задачки, Вариант, и в школе жить не дают. А за рыбалку — голосую...

И мы открыли свой турнир. Кулак, ясное дело, по многим видам чемпионом стал. Громадный камень, что у мамы Сервера, тетки Марьям, царственно покоился зимой на бочке с соленой капустой, он сорок восемь раз выжал, а булыжник, заменявший нам ядро, лихо забросил через дувал в сад. И радостно смеялся над нами, когда наши каменные ядра гулко плюхались в пыль, не долетая даже до дувала. И щедро раздавал незадачливым дискоболам свои противные щелбаны. Оставался рыболовный конкурс, и наша ватага дружно двинулась на коллектор. Мы с Сервером рядышком стали, чуть поодаль — Юрка Воронов, а остальные разбрелись кто куда. А Кулак пристроился на самом хорошем месте — там, где коллектор из озера воду пьет. Так сразу и отрубил:

— Мое место! Кто рядом станет — три щелбана вне очереди.

Каждый возмущался про себя, но помалкивал: с Кулаком спорить — головы не сносить.

А клев все не шел. Я начал нервничать, и скоро, смотав удочку, пошел вверх по течению. Дойду, думаю, до камышей — может, там повезет. Только леску распустил — слышу тарахтенье за спиной. Оглянулся я и вижу, что подкатывает к моим камышам брезентовый автомобиль. Вышел из машины бородатый дядька, а второй стал ему подавать мешки, лопату, кетмень и огромный сачок. Разгрузившись, они подошли ко мне и бородатый рявкнул:

— Чего здесь делаешь, браконьер? Дуй отсюда, да поживее!

Я опешил.

— Я ведь на одну удочку ловлю... Турнир у нас...

— Хочешь, чтобы мы в школу сообщили, как их пацан истребляет народную рыбу?

Я краснел и не находил что ответить. Они захохотали. Бородатый сказал:

— Ладно, попугали и хватит. На первый раз, считай, дешево отделался. Никому тебя не продадим, но и ты, смотри, помалкивай. Мотай поживее — один плавник здесь, другой — там. — И он показал в сторону озера.

Я вновь смотал удочку. Настроение было препаршивое. Пока я вот так разгуливаю, ребята, поди, по кукану целому наудили. Вот ведь принесло этих двоих.

Бородатый, тем временем загребая кетменем, рубил земляную перегородку, а второй орудовал лопатой. И тут я понял их хитрый замысел. Так вот, значит, как они собираются рыбу ловить! Ведь если разрубить насыпь, вода быстро уйдет из коллектора и рыба останется в плену у тины. Эдак можно все озеро слить и сто мешков рыбой набить! Я отшвырнул удочку и бросился к ним:

— Что же вы делаете, вода уйдет, рыба вся погибнет!

Бородатый застыл с поднятым кетменем. И смотреть на него такого было, честно говоря, страшновато... Мне показалось вдруг, что он замахивается не на узкую насыпь, которая держала воду в узде, а на все наше озеро — на рыбу, на воду, на все наши будущие рыбалки.

Бородач зарычал, будто мотор его драндулета:

— Карим, займись этим сопляком — не то я за себя не р-р-р-ручаюсь!

Свирепо глядя исподлобья, тот направился ко мне. Я побежал и еще долго слышал их победный смех.

— Сервер! — закричал я. — Юрка! Кулак! Скорее, ребята!

Сервер зло зашкворчал:

— Чего разорался? Рыбу распугаешь...

— Кончай ловить... Там браконьеры! — я выхватил удочку из рук Сервера, выдернул крючок из воды. — Насыпь разрывают. Сейчас воду будут спускать!

Сервер побледнел и шепнул:

— Не ори — они узнают, что нас много. У меня есть план... Значит так: мы все будем браконьеров задерживать, а ты, Пескарь, за батеи в поселок беги, он ведь у тебя инспектор рыбоохраны?

— Общественный! — кивнул второклассник Колька Воропаев. Пескарем мы его за щуплость кличем.

— Это все равно... Беги... Только, гляди — мы больше часа не продержимся.

Пескарь скрылся за холмом, мы поспешили к насыпи.

— Вон они! — показал я издалека.

Браконьеры тоже заметили нас.

— Ага! — закричал бородатый. — Теперь сразу пятеро!

Мы переглянулись. Сервер пригляделся:

— Не поселковые это, чужие.

— Из города приехали, — кивнул я. — Ближе подойдем?

Мы хорошо видели, что насыпь уже сильно разрыта, вода, всхлипывая, сбегала вниз, к оврагу. А наш прожорливый овраг и десятью озерами не напоишь. У ног браконьеров громоздилась уже солидная кучка сазанов.

— Что делать? — шепнул я Серверу. — Разве ж таких бугаев удержишь...

— Не возникай, Балтабаев! — шикнул Сервер, — Возьмем не числом, а умением.

И он закричал:

— Вы откуда, граждане-браконьеры? За что озеро наше выпить хотите?

Бородатый сжал ручку кетменя и процедил:

— Исчезни, пацан! Хуже будет...

— Верно! — подхватил Сервер.— Хуже будет... вам. Хотите, Уголовный кодекс помогу в памяти освежить?

— Убирайтесь! — рявкнул бородач, потеряв терпение. — Вот кетменем по башке освежу — будете знать.

И вдруг самый сильный из нас, Кулак, испуганно дернулся и зашептал:

— Уходить надо, ребята! Куда нам с ними тягаться!

Я бы не сказал, что грудь каждого в эти минуты распирала смелость, но непривычно пугливый голос Кулака почему-то вселил в нас уверенность. Быть может, потому, что никогда раньше Кулак не пугался, а пугал. Я с удивлением взгляделся в Ваську и мне вдруг показалось уже совсем невероятное — будто он стал чуть ниже ростом. Но Васька Васькой, а надо было что-то предпринимать — озерко наше, рыба погибали на глазах. Поэтому я нагнулся и поднял с земли твердый комок сухой глины:

— Все равно не дадим хозяйничать тут! Лучше сами уезжайте.

И швырнул комок в бородача. Он ловко отбил атаку широкой стальной ладонью кетменя. И тогда мы обрушили на них лавину глины. Дядьки здорово разозлились и даже погнались было за нами. Да только куда им в своих огромных сапожищах за нами, финалистами турнира, бегать. Пустая затея. Они, чертыхаясь, возвращались, а мы шли следом и вновь атаковали неприятеля.

Браконьеры скоро поняли, что в таких сложных условиях не порыбачишь. Бородач уверенно подошел к куче выуженных сачком сазанов, отложил в сторону пять здоровенных рыбин и закричал:

— Пацаны, ваша взяла. Давайте поладим миром, по-хорошему. Поделится побратски. Вот вам каждому по штуке. Смотрите — акулы, а не сазаны. Берите и тащите поскорей на кухню к своим мамкам — уху стряпать!

Неожиданно для всех нас Кулак жарко зашептал:

— Ребята, а ведь дяденьки дело говорят. Давайте возьмем, а? Ведь никто не узнает... И все сразу станем чемпионами — вон какие рыбины!

Мы онемели, услышав такое. И тогда Кулак, не дожидаясь нашего ответа, замахал руками и закричал:

— Пять мало. Десять давайте — по две на рыло...

Бородатый усмехнулся:

— По две на рыло говоришь? На аппетит ты, братишка, не жалуюсь. Ну ладно, ссориться не будем — тащи сюда свое рыло и забирай добычу. Ваша взяла...

Кулак с опаской двинулся к рыбной куче, а мы замерли с зажатыми в руках комьями глины, оглушенные таким предательством. Когда Кулак был уже совсем близко, бородач кивнул на рыбную кучу:

— Бери по две на рыло — нам не жалко...

Кулак проворно нагнулся, и тут произошло вот что — бородач прыгнул к Ваське и цепко схватил его за ухо. А правой... Мы не смогли удержаться от восторженного рева — правой он обрушил на тыквоголового Кулака увесистый щелбан! Такой и сам Кулак отпустить пока не умел. Потом еще один... и еще...

— Вот... Вот тебе по три на рыло! — приговаривал бородач. — А вот и по четыре!

Кулак пытался вырваться, истошно визжал, как старые баянные меха — со свистом и скрежетом, но его держали крепко — как сазана на крючке.

— Вот тебе за глину! — приговаривал бородач. — А вот и на уху! Кушай на здоровье!..

Тут мы увидели, что Пескарь ведет отца. Точнее — это отец вез Пескаря на багажнике велосипеда.

И мы снова дружно обрушили на противника град сухих комьев глины — браконьеры едва успевали отбиваться.

Сервер смахнул со лба пот:

— Кажется, продержались до подхода основных сил...

И куда только подевалась воинственность браконьеров? Изнуренные долгой перепалкой с нами, завидев инспектора, они позабыли разом обо всем на свете и бросились к машине. Когда дядя Андрей подрулил к нам, уже и след их простыл.

— Номер машины записали? — заволновался дядя Андрей.

Мы переглянулись. Вот так горе-вояки! О главном-то забыли! Ведь запиши мы номер машины, и браконьеры уже не ушли бы от наказания. Растяпы, ох и растяпы!.. Настроение у нас свернулось, как перестоявшее молоко. Каждый из нас был зол на себя. Надо же — считали себя победителями, а нас вокруг пальца обвели. Правда, у насыпи лежали и мешки, и сачок, и лопата с кетменем — в панической спешке противник оставил нам трофеи. Но разве кетмень — это отпечатки пальцев? Попробуй по кетменю найти хозяина...

Кулак лежал в стороне, обхватив голову руками, и всхлипывал. Когда мы подошли к нему, он поднял голову и попытался улыбнуться. Но мы его улыбку резко отбили — как хрупкий теннисный шарик после робкой подачи.

— Уехали, да? — плаксиво спросил Кулак, осторожно ощупывая багровое ухо. — Браконьеры несчастные...

— Васька-то чего лежит? — удивился дядя Андрей.

— Свои его бросили и уехали, — сказал я. — Оставили на милость победителя.

Мы схватили «трофейные» лопату и кетмень и, сменяя друг друга, быстро залатали брешь в насыпи и заперли воду. Потом долго стояли и смотрели, как упруго упирается вода в запруду, наваливается, и отбегает назад.

— Ребята, — шепнул я. — А ведь мы озеро спасли... И рыбу..., И камыши...

И мы захохотали, вспоминая, как испугались браконьеры нашей меткой глины.

— Вставай, трофей! — сказал я Ваське. — В поселок пойдём.

Кулак поднялся — чумазый, перепачканный, жалкий. В руках он цепко держал по сазану.

— Ты чего это? — удивился Сервер. — Проголодался?

— А зачем добру пропадать, — огрызнулся Кулак. И тогда я вспылil не на шутку, подскочил к дяде Андрею и взмолился:

— Дядя Андрей, дайте, пожалуйста, ружьишко, надо этого браконьера доставить по месту жительства.

— Без баловства? — строго спросил дядя Андрей.

— Без... Честное пионерское — без...

— Тогда держи, — сказал он, извлекая из ружья патрон.

Я схватил ружье и приказал Кулаку:

— Пройдемте, гражданин!

Так вот и шли в поселок после турнира: впереди Васька, вздымая руки, испачканные рыбьей чешуей, а потом и все мы.

— Куда тебя доставить? — спросил я Кулака, когда мы подошли к окраине. — В школу к директору или к бате под ремень?

Васька захныкал:

— Никуда не надо, ребята. Я больше не буду... А проклятую рыбу эту чтоб я сто лет не видал.

— Рыба не виновата, — оборвал его Сервер. — Сам жадный.

— Отпустите, ребята! — снова заканючил Кулак. — А я за это одну важную вещь скажу,

— Это какую же?

— Да номер машины.

— Запомнил, что ли? — ахнул я.

— А я и не запоминал. Просто заметил, что 13—30. Ровно — сколько мне лет и сколько человек у нас в классе...

С той поры Кулак почти позабыл про свои распроклятые щелбаны. Да и Кулаком-то мы его теперь зовем лишь по привычке — разве забудешь, как он озерко наше предал? Только вот что я заметил: позора своего он нам же простить не может. Оттого и злой ходит. А кто ему виноват? Сам Кулачишко и виноват... Кулачо-нок... Кулачусенький...

Ну, а насчет браконьеров — мы здорово в тот раз просчитались, когда думали, что поймать их — дело двух дней. Прошло немало времени, прежде чем мы снова напали на их след. Да и нашли то их, честно говоря, не совсем мы. Но это уже другая история.

КАК ВЫБИРАЛИ ОТЦОВ ОТРЯДА

— Володька, в кино пойдешь? — Это Айгуль, сестра моя, студентка.

— Не-а! — отвечаю. Я, кажется, догадываюсь, почему она прямо-таки взашей прогоняет меня в кино. — И чего ты сегодня такая добренькая? Подозрительно...

— Ну пойдь, Володь! Я тебе денег дам — и на билет, и на мороженое. А хочешь, и Сервера возьми, — уговаривает сестра.

— Не могу — послезавтра выборы отцов отряда.

— Кого-кого? — удивленно переспрашивает сестра.

— Отцов... Могу объяснить и популярно — совет отряда будем выбирать. Видишь — объявление о сборе писать собираюсь. Да и стенгазету надо сделать.

И я стал раскладывать на полу листы ватмана — я всегда рисую, устроившись на полу. Зазвонил телефон. Айгуль сняла трубку и защебетала, прикрывая рот ладошкой. Но я все равно слышал ее пугливый щебет.

— В семь приходи... Будут... И папа будет,

— Алишер, что ли? — спросил я, не поднимая головы. — Жених беспокоит?

— Не твое дело! — огрызнулась Айгуль. — И не подслушивай чужие разговоры.

— Во-первых, я не подслушиваю. А во-вторых, ты мне не чужая, а законная сестра... И в-третьих, дорогая, догадываюсь, почему ты меня в кино решила любой ценой спровадить на весь вечер. Свататься, что ли, прибудет твой Алишер? Собственной персоной...

Айгуль зарделась и убежала на кухню. Всегда вот так: как семейное торжество — норовят меня подальше упрятать. И чего Айгуль меня испугалась — не стану ведь на стул под ее жениха кнопки подкладывать. Он и без того сегодня как на иголках будет вертеться. Сдалось мне ваше сватовство — у себя весь вечер проведу, работы по горло. Я зло водил по листу плакатным пером, одновременно придумывая, чем заполнить стенгазету и как украсить ее. А другая половина головы в это время лениво пыталась вообразить, как пройдут выборы.

...И вот как они прошли.

Алла Сергеевна пригласила к доске Стеллу Хван — она нами в пятом командовала.

— Ну-ка, Стеллочка, доложи, для начала, товарищам о проделанной работе.

Стелла только того и ждала — схватила изрядно помятый листочек и вышла к доске.

— Думаю, — заворковала она, — год мы даром не потеряли. Сто процентов ребят дружно перешли в шестой — это самое главное. Металлолома собрали целых пять тонн. Сорок два дерева посадили, двух старушек охватили теплотой и заботой и принесли им радость. Что еще... Ага, вот — починили в детсаду игрушки малышам! — постепенно робкое ее воркование переходило в уверенный клеткот...

Алла Сергеевна вздохнула:

— Все у тебя?

— Если хотят, — пожала плечами Стелла, — пусть вопросыки задают, отвечу.

— Ответишь? — возмутился я и даже почему-то оглянулся, будто это не я сам, а кто-то меня больно толкнул и приказал:

— Говори, Балтабаев!

Позади, конечно, никого не было. И теперь все взгляды сошлись на мне. Я выпалил:

— Гладко доложила — не придерешься!

— А ты хочешь придраться? — покосилась на меня Стелла.

— Не хочу. Но надо. А то что же получается?.. Если сейчас мы промолчим и твой докладик проглотим — значит, все в порядке? Значит, снова тебя в председатели?

Алла Сергеевна протестующе подняла руку и сердито сказала:

— Балтабаев, ты почему так агрессивен настроен? Чем ты недоволен?

— Сейчас скажу, мама! — выкрикнул я и осекся: — То есть не мама... Я хотел сказать — Алла Сергеевна...

Вот так всегда — называю ее мамой в самый неподходящий момент. Очень это неудобное дело, когда классный руководитель — собственная мать. Да-да, представьте себе — Алла Сергеевна моя мама. Непосвященные думают, что у меня не жизнь, а сплошная самса тандырная. Куда там — совсем наоборот. Самую жуткую задачку она вызывает решать у доски не кого-нибудь, а меня. Трудовой десант? Изволь, Володечка, возглавить, обеспечить, претворить и доложить! Я ведь у нее в классе настоящая Золушка. Это так папа меня называет: «Ну как, — говорит, — Золушка, вызывали? Не подвел нашу любимую Аллу Сергеевну?» Папа с мамой еще в студенческом стройотряде познакомился, когда в Москве учился.

Однажды Кулак мечтательно вздохнул:

— Завидую, Балтабаев! Своя рука в учительской. Сила!

— Тебе бы такая радость — каждый урок у доски стоять, — обиделся я.

Мне бы в другой класс перевестись — так и это невозможно. На всю школу только один наш шестой и есть. Хоть оставайся на второй год. Вот какая это радость: иметь мать — классного руководителя.

— Начнем со ста процентов, — сказал я. — Верно, в шестой перешли все. Но только давайте скажем спасибо «добреньким» учителям — это они весь год подсуживали Ваське Кулакову и Арику Дворянскому. А возьмите Юрку Воронова... Вроде ничего себе ученик, но только от его английского произношения выть на луну хочется. Да нашего Юрку вместо динамита на рыбалку брать нужно. Если ты, Юрка, пять английских фраз у берега океана скажешь — вся рыба со смеху лопнет и всплывет. Океан мигом убьешь!.. Ведь сколько раз долдонили тебе — тре-ни-руйся! И что же — добился своего! У нашей англичанки Тамары Петровны нервы слабые — вот она Юрку и не вызывает, здоровье бережет. А в конце четверти, глядь, невесть откуда троечка стоит. Да за эту троечку тебе, Юрка, если по-честному, пахать и пахать...

Послышались смешки. Я продолжал:

— Теперь о металлоломе... Верно, сдали мы всем классом пять тонн. Но сколько из этих пяти тонн собрали сами?... От силы двести кило. А остальное отец Сервера Мамбетова привез на самосвале. Услышал он от Сервера, что мы металлолом собираем, и устроил нам бескровную победу в общешкольном смотре — привез кучу железа.

— Так уж и двести... — попыталась возразить Стелла. — Мы больше собрали.

— И ничего не больше. Ты вспомни — две старые кровати, безносый чайник, какие-то ржавые трубы... Да, чуть не забыл: Грызун две гири приволок, когда его брат в армию уехал служить. Так и те ведь сначала сдали на наш счет, а потом в спортзал уволокли — лишний инвентарь не помешает. Так было, Грызун?

Мубар Ахмедов с аппетитом грыз кончики ногтей и делал вид, что не слушает меня:

— Так было, Мубар?

— Правильно, — сказал Грызун. — Я принес две гири.

— Не о том речь! — отмахнулся я. — Где они сейчас — в спортзале ведь, а не на куче металлолома?

— Верно.

— Так почему же ты не попросил, чтобы килограммы эти вычеркнули из сводки?

— Что ж я, враг отряду? Переть в школу такие тяжелые железки и ничего не записать?

— Лучше бы ты их себе оставил и по утрам занимался — было честно.

— А ты честно ведешь себя? — взвилась Стелла. — Да ты ведь настоящий враг класса, раз такое позволяешь. Извините, Алла Сергеевна, но ваш сын просто не любит свой класс.

Тут уж я не выдержал.

— Нет здесь никаких сыновей! — жестко сказал я, буравя Стеллу глазами и наталкиваясь, как вода на запруду, на ее упругий встречный взгляд. — Я говорю как редактор стенгазеты. Да и ни при чем тут сыновья.

— Спокойнее, Балтабаев, — попыталась успокоить меня мама. — Веди себя прилично и не забывай, что Стелла еще и девочка.

— Нет, она еще и волшебница, чародейка! — сказал я.

— Что имеешь в виду?

— А вот что... У нее, как у факира, словно по мановению волшебной палочки, черное становится белым, а кислое сладким. Сейчас докажу... Вот ты, Стелла, говоришь, что мы посадили сорок два дерева... Верно, было одно такое мероприятие. А про второе, самое главное, мы ведь забыли? Не так ли?

— Какое еще второе? — покосилась на меня Стелла. — По озеленению поселка мы наметили лишь одно мероприятие — посадку сорока деревьев. А посадили целых сорок два — чем же ты недоволен?

— Лучше бы посадили десять, да сберегли! — выдохнул я. — Ты когда была последний раз у чайханы, где мы деревья эти сажали?

— Я чай не пью.

— То-то же... А надо было посмотреть — там сейчас не деревья, а дровишки растут — в самый раз на растопку огня под казаном чайханщика Азима-ака. Он бы и сам уже давно поломал их на прутья, да только стыдно ему, пионеров обижать не хочет. Забыли мы про деревья, не поливали — они и вымерли подчистую.

— Да разве это я виновата? — всхлипнула Стелла. — За трудовые десанты... у нас... Воронов отвечает. У него спроси.

— Может, Воронов, около этих деревьев произношение по инглишу отработывал, коли они засохли? — хохотнул Васька Кулаков. — Тогда и удивляться незачем.

Алла Сергеевна подошла и тронула Юрку за плечо:

— Давай, Воронов, тебе слово.

— А я не просил! — удивился Воронов.

— А тебя товарищи просят. Сбор отряда ведь. Ты скажи — прав Балтабаев или напраслину на актив отряда возводит? Что с деревьями?

— Засохли деревья... — уронил Юрка. — Чего выкручиваться — недоглядели... Весной посадили, а летом про них начисто забыли. Хлипкие они, деревья-то... Месяц не польешь — вот уже и готовы. Тю-тю!..

— Так надо было осенью новые посадить, — миролюбиво подсказала Алла Сергеевна, будто этот совет мог сейчас иметь какое-нибудь значение.

Воронов опустил голову:

— Подходить к чайхане стыдно. Там на тахтах аксакалы сидят и чай пьют — засмеют нас. Они в свои древние времена руками тень добывали, колодцами всю землю чуть ли не насквозь сверлили, чтобы у противоположного океана воду взаимы брать. А мы... вот... арычной воды натаскать не сумели... Эх! — Юрка уныло махнул рукой. — Жалко деревья.

Все подавленно молчали: каждый чувствовал вину и за собой.

— Стелла, ты садись, — сказала Алла Сергеевна. — Разговор, похоже, долгим будет.

Я тряхнул головой, будто бодая воображаемого противника, и задиристо спросил:

— Можно продолжать?

— Давай уж, — уныло махнула рукой Стелла.

— Старушки — и вовсе особая статья. Наши уважаемые тимуровцы Замира и Костя, действительно, окружили старушек теплотой и заботой, забежали разочек

к бабусям и попили у них чаек со сливовым вареньем.

— Неправда! — гневно выкрикнул Костя, решительно поднимаясь. — Сливого варенья не было.

— А какое было?

Захлопав ресницами, Костя выронил:

— Урюковое... У обоих...

В классе — хохот.

— Дела не меняет, — продолжал я. — Это вы, если честно, себя, а вовсе не их охватили.

— А мы не виноваты, что так получилось, — пробубнил Костя. — Сами посудите — газ у них есть, воду из колодца насос качает. Беда - не знаешь, чем помочь.

Вздыхнула и Замира. Мудро, дескать, толкует Костя — плохо, что такие нынче благоустроенные дома у старушек, совсем негде тимуровцам развернуться, — самих впору выручать...

— Нашли бы, да не захотели дела искать, — отрубил я. — А вам и искать-то не нужно было. У бабки Натальи во дворе своих четырнадцать урючин... Так она, думаете, варенье из своего урюка варила? Как же — на базаре покупала. Анекдот...

— А почему? — удивленно протянул Костя. — Разве ей не хватает?

— А ты хотел, чтобы она сама на дерево полезла? Вот и падает урюк, пропадает. Вот так-то, товарищи любители варенья. Могли бы подумать, как собрать урожай...

— Зато у бабушки Ханифы урючины не растут! — торжественно объявил Костя. — У нее вообще сада нет. — Зато у нее есть внук Рафаэлька! — в тон ему сказал я. — Родители Рафаэлькины сейчас по морям плавают, договор у них такой — консервы прямо в море на плавучем заводе делают... А бабушка Ханифа внука Рафаэльку со своими-то большими ногами за километр в детсад водит. И обратно столько же... Что, скажешь — не дело?

— Даешь ты сегодня жару, Балтабаев, — заворочался за партией Васька Кулаков. — Прокурор! Всех уложил наповал, — и Васька противно засмеялся.

— погоди, Кулак, сейчас твоя очередь отчитываться, — успокоил я его.

— А я чо?.. А чо я?... — пожал плечами Васька. — я не активист, я простой смертный — с меня и спросу нет.

— погоди увливать. Сейчас выясним, с кого спрос за игрушки.

— Это какие еще? — сморщился Кулак.

— Да те самые, как сейчас доложила Стелла, которые починили мы в саду... Ну так вот, Васенька, игрушки мы чинили по твоей милости. И качели тоже. Ведь угораздило же тебя взгромоздиться на них. Покататься захотелось крошечке! Ясное дело — треснули качели, как спелый орех. А когда заведующая позвонила в школу, пришлось уже нам всем идти в детсад — ликвидировать, так сказать, последствия твоего там пребывания. Ты ведь качели сломал, а заодно еще и через песочницу прошел и игрушки потоптал. Так было дело? Сознаться, Гулливер несчастный!

Кулак молчал. Стелла Хван нервно теребила косички.

— Алла Сергеевна, — робко выдавила она. — А может, Балтабаев прав — плохая я председательница... Переизбрать меня надо.

— Не знаю... Отряду решать.

— Правильно, Алла Сергеевна! — подхватил я, и нахально продолжил: — У вас, наверное, и без нас дел хватает. Мы вас задерживать не будем, сами разберемся, вы не сомневайтесь!..

Она растерялась:

— Это что же, Балтабаев... Прогоняешь, что ли?

— Да нет, Алла Сергеевна... Просто я считаю, что мы сами должны во всем разобраться.

Мама нетвердой походкой подошла к столу, взяла журнал и согласилась:

— Что ж, правильно, люди вы взрослые, — сами и разбирайтесь.

И вышла из класса.

Ребята зашумели:

— Ну, даешь, Володька, мать спровадил...

Вскочил Сервер:

— Балтабаев прав: отчет у Стеллы гладкий, да только ухабов в нем столько, что все ноги-руки переломаешь. Что будем делать?

— А я знаю! — уверенно сказал я и все повернули ко мне головы. I

— Переизбрать отцов отряда нельзя. Их промахи — им и исправлять. Это проще всего свою работу на чужие плечи перекладывать...

Пошумели, поорали, но решили: совет отряда оставить в прежнем составе. Все же, что ни говори, были у нас и добрые дела. Только так уж получилось, что не о них у нас разговор пошел, а об этих... как их... об отдельных недостатках — вот о чем.

Домой шли молча. И только Васька всю дорогу подтрунивал над всеми сразу. Мне сказал:

— Слушай, Вариант, а я знаю, отчего ты у нас такой приставучий да въедливый. Всех ведь заклевал сегодня. А из-за фамилии твоей все это! Из-за фамилии. Ты ведь — Балтабаев. А «балта» по-узбекски значит топор. Вот, получается, ты и рубишь напропалую, сплеча, — щепки вокруг себя сеешь. Все засмеялись. А я сказал: — Если на то пошло — у тебя фамилия куда моей пострашнее.

Домой я пришел поздно. Калитка была заперта. Стучать не стал — перелез через невысокий заборчик. Мама проверяла тетради. Я долго стоял позади нее, не решаясь заговорить. Потом глухо пробубнил:

— Мам... Ты не обижайся... Просто скованные мы очень, когда не одни... Я это давно заметил. Нам и спорить не хочется, когда взрослые в классе — будто и не наш сбор вовсе, а мероприятие, порученное учителю... Ты не обижайся...

Мама подняла голову, сняла очки и со вздохом привлекла меня к себе.

— Я-то что... А как ребята — не разозлились на тебя за правду?

— Не думаю, чтобы обрадовались... Но только за правду, если она несладкая, можно лишь на себя сердиться. Так ведь, мама?...

Мать вдруг резко оттолкнула меня:

— А сам-то хорош! Всех раскритиковал, а сам где, спрашивается, был, когда вся эта ерунда у вас происходила?

Я молчал. Крыть было нечем.

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

Сколько раз убеждался в великой мудрости пословиц... Очень скоро после того сбора пришлось мне со вздохом припомнить такую: «Любишь кататься — люби и саночки возить». Вот ведь как получилось: раскритиковал я работу совета отряда в дым, а мне ребята по справедливости сказали:

— Куда же раньше-то глядели твои глаза, где отлеживался сердитый твой язык?

А в результате теперь я не только редактор сатирической стенгазеты «Улыбка», но еще и в учебный сектор избран. А это значит, мимо Васьки Кулакова мне теперь не пройти. Он теперь, оказывается, на моей совести. А у него в журнале двоек больше, чем

урюка в садике нашей подшефной бабки Натальи. И стряхнуть их совсем не просто — они за Ваську как припаянные держатся.

А тут у нас в школе новое соревнование объявили — на правофланговый отряд. Приуныли мы не на шутку. С нашим Кулаком далеко не уплывешь. Если к нему еще и Аркадия Дворянского пристегнуть — и вовсе наш корабль на якорь станет. Стал совет отряда думать, как жить дальше. Стелле Хван дали первое слово — отец отряда как-никак. Хоть и девчонка, а отец...

— А чего тут думать, — обреченно вздохнула Стелла. — Кулаку свою голову не пересадишь.

— Это твою-то, с косичками? — усмехнулся я, пытаюсь хоть немного рассеять общее уныние.

— А хотя бы и не мою — хотя бы Серверскую.

— Не получится! — отрезал я. — Будет реакция отторжения — не приживется у Кулака мудрая голова Мамбетова. Отомрет...

Сервер обиженно шмыгнул носом. Ясно — голову пожалел.

— Что же нам делать? — спросила Света. — Ведь опозоримся...

— Д-а-а-а... — мечтательно протянула Стелла. — Вот если бы Кулака перевели от нас куда-нибудь... Тогда и проблем бы не стало — вот было бы здорово!

— Сказки это! — махнула рукой Замира. — Ненаучная фантастика. Куда же его переводить, если на весь поселок один наш шестой класс?

Положение было сложным. Кулака, действительно, некуда было девать: врос в наш класс, как сорняк, сколько ни дергай и ни рой — все равно по весне воспрянет.

— Если бы только Кулак... — снова вздохнула Стелла. — А куда девать Дворянского? Арик считает себя личным заклятым врагом грамматики. Алла Сергеевна

врукопашную бьется с его диктантами и сочинениями — в них орда ошибок и нелепиц. Как быть с Ариком? Куда бы и его подевать?

— Ты еще про произношение Юрки Воронова вспомни, — подсказал я. — Тамара Петровна говорит, что, если Юрку выпустить на набережную Темзы, изумленные лондонцы, с которыми Юрка попытается установить словесный контакт, посчитают себя первыми наблюдателями космических пришельцев.

— Избавляться... Только избавляться! — покачала головой Стелла.

— Погодите! — вспомнила Замира. — Мы еще не говорили о Грызуне — у Мубара по физкультуре двойка... Об Андрее Никитенко — он часто пропускает уроки, потому что вечно горло болит... И о Гуле Мирзаулуковой еще не говорили, а ведь она книжки в библиотеку по полгода не возвращает.

— Дела-а-а-а! — протянула Стелла. — Не видать нам правофланговой ленты, как своих ушей — можно и не стараться.

Я спросил:

— Ну, а если бы пришел к нам волшебник и сказал: «О, досточтимый и мудрый совет отряда! Позволь помочь тебе избавиться от всех, кто тянет тебя назад и

мешает получить почетное звание...» — скажи, тогда стали бы мы соревноваться?

Стелла удивленно глянула на меня:

— Тогда и соревноваться было бы ни к чему — мы бы и без боя победили.

— Но ведь всякое соревнование — это бой! — хотел было возразить я, но не успел — в класс протиснулся Акрам, мой старший брат.

Когда Акрам еще учился в девятом классе, он был у нас в школе вторым вожатым. Получалось у него неплохо. Во всяком случае, так мама говорит. Школу он окончил три года назад и решил бороздить океаны. Акрам плавает матросом на сухогрузе и заочно учится в институте. Вчера приехал в длительный отпуск, и решил заглянуть в родную школу. Акрам пришел в своей любимой тельняшке, в которой он как в аквариуме — тельняшка полосатая, волны по ней бегут синие... Он белозубо улыбнулся:

— Разрешите пришвартоваться?

— Акрам пришел! — все обступили моряка.

— Вот, приплыл в родную гавань! — сказал Акрам. — Как вы тут поживаете? Не штормит?..

Все дружно вздохнули.

— Что такое? — удивился Акрам, завидя, как поскущнели наши лица. И тогда я вкратце рассказал о нашей беде.

Акрам улыбнулся.

— Говорите, балласта много на вашем корабле, за борт его хотите побросать, чтобы вперед вырваться? Занятно...

Он умолк, но только на мгновенье.

— Не по-океански рассуждаете, ребята! — задумчиво выдохнул он. — Я вот сейчас представил себе гонки чайных клиперов и подумал, что худо пришлось бы тем матросам, если бы вас к ним в капитаны определили...

— Какие гонки?.. Расскажи! — затеребили мы Акрама.

— Ну так слушайте, — с готовностью сказал он, довольный, что мы клюнули на наживу. — Было это в давние времена, когда капитаны соревновались, кто быстрее из далекой Индии в Лондон свой корабль с грузом бесценного чая приведет. Победитель получал солидный приз. Не знали матросы и капитаны покоя, глаз не смыкали, дни и ночи ловили парусами охапки ветров... И вот представьте себе теперь такую картину... Идут корабли нос в нос, корма в корму, уже и цель близка, а никто вырваться вперед не может. Что делать?.. И тогда один капитан хлопнул себя по лбу:

— Тысяча чертей! Есть идея!

И вот уже льется из мощной воронки рупора хриплый капитанский приказ:

— Боцман! Самого жирного матроса бросайте за борт!

Понятно вам, как рассуждал капитан? Швырнут они Билла или Джона на обед акулам, судно малость полегчает, вырвется вперед — пусть на дюйм, а вырвется.... Но вот уже и этого мало — не видно успеха, хоть и полетел за борт матрос. Капитан рычит:

— Боцман! И второго за борт!

Так всех матросов за борт и побросали. Словом, солидно облегчили команду, только капитан и боцман на палубе остались. А тут ураганом море задышало. Вот уже и барашки белые по зеленому джайляу волн побрели. А потом уже и не барашки — лошади, слоны, ихтиозавры... Стонет мачта, полощутся паруса, кренится судно.

— Эй, убрать паруса! — нервничает капитан. — Руби мачту!

А приказ выполнить некому — нет матросов на корабле...

Умолк Акрам. Все подавленно молчали. И только Стелла тронула брата за руку:

— Акрам, а что с тем чайным клипером стало?

Вздохнул Акрам и сердито посмотрел в глаза Стелле:

— Сама не догадываешься?... В щепки корабль разнесло, груз вода поглотила, полморя бы в крепкий чай превратилось, но хорошо, вода холодная – заварки не получилось.

Я кивнул:

— Мрачная картина... И у нас что-то похожее на те гонки получается. Всех за борт приготовились бросить, чтобы вперед вырваться. Что скажешь, Стелла?

— А я не понимаю, зачем нам Акрам про эти чайные гонки рассказал – у нас ведь не корабль, а класс, не матросы...

— Зато ты, - оборвал я, - очень напоминаешь мне того капитана.

— А ты – боцмана, - огрызнулась Стелла.

— Р-разговорчики! – зычно крикнул Акрам. – По местам стоять! Да, друзья, похоже, что ваш корабль дал серьезную течь... Давайте разберемся – неужели ваши матросы такие никудышные, что их только за борт и бросать, чтобы самим остойчивость сохранить и не перевернуться вверх дном?

— А чего в них хорошего? – запальчиво воскликнула Стелла.

Акрам поднял ладонь.

— Не торопитесь, товарищи капитаны. Обмозгуйте все как следует, может, и в них толк сыщете... Ну, а я в учительскую пойду – Тамару Петровну, кураторшу свою бывшую, повидать хочу и поздравить. Ей ведь в этом году полста лет исполнилось. Подарок везу, считай, от самого Нептуна, – и Акрам показал на чемоданчик, который оставил у двери.

— Полста лет? – переспросила Замира. – А что это значит?

Я презрительно скосил на нее глаза: вот ведь – простых вещей не знает.

— Совсем просто... Полста – значит пятьдесят, и ничего более. Привычка такая у моряков.

— Привычка?

— Ну, не привычка, а порядок. Сама посуди – станет капитан в машинное отделение команду отдавать, а колокол так выхрипит, что не разберешь, как сказал

капитан – «пятьдесят» или «шестьдесят». Сливается... Вот и решили на флоте говорить «полста», а не пятьдесят.

— А что в чемоданчике? – поинтересовалась Стелла. Акрам открыл чемоданчик и мы увидели огромный панцирь краба.

— Смотрите, какой красавец! Его и на стену можно прикрепить.

Акрам ушел, а мы стали думать, можно ли помиловать наших двоечников и прогульщиков и не бросать их за борт.

— Начнем с Кулака, – сказал я. – Кто готов сказать слово в его защиту?

— Здоровый он очень, – неуверенно протянула Замира. – Когда металлолом собирали, он у нас тягачом был – мы всем классом, как разведчики, рыскали по поселку и железо искали, а он его сразу же в школу уволокивал. Кулак, когда домой идем после школы, у шести девчонок портфели отбирает и несет.

— Воспитанный какой! – хмыкнул я. – Просто у него хобби – тяжести носить. Он бицепсы отращивает.

— Пусть себе отращивает, зато и классу польза!

— Ага! — подняла палец Стелла. — Кулака за борт пока бросать не будем. А как с остальными?..

— Поехали дальше! — сказал я. — Кто у нас следующий — Грызун что ли?..

— Он самый, — кивнула Стелла. — С физкультурой у Мубара неприятности — на турнике кулем висит, а от сектора прыжков в высоту у него и вовсе аллергия. Наш Грызун лишь один вид спорта признает — двоеборье с самсой и компотом. Для него буфет — лучший в мире спортзал.

— Шутки в сторону, — сказал я. — Есть идея... Мубар хорошо разбирается в математике — так? А что, если мы его и Ваську Кулакова в тандем соберем. Пусть он Ваську по математике подтягивает, а Кулак тем временем из Грызуна лишний жир вытопит. Кулак у нас настоящий олимпиец — гора мускулов. Специалист узкого профиля... Пусть на одном велосипеде едут и каждый на свою педаль нажимает.

А что, действительно идея! — загорелась Стелла. — Они ведь каждый в своем деле авторитет, и друг друга уважать станут.

Мы повеселели. Пошло дело — оставалось лишь придумать, что бы такое хорошее найти у Аркадия, Юрки, Андрея и Дили, чтобы не скармливать их акулам. Мы сидели уже, наверное, часа два, порядком устав, когда в окно вдруг заглянул с улицы Васька Кулаков.

— Чего заседаете, министры? Спать пора, малыши!

— По милости таких вот, как ты, и сидим! — сказала Света. — Скажи лучше спасибо, что мы тебя пожалели и акулам не бросили.

Кулак вытаращил глаза и на всякий случай испуганно оглянулся.

— Какие еще акулы?

— Зубастые! — сказал я и, подойдя к окну, добавил:— А ты не мешай, если цел остаться хочешь. Завтра обо всем узнаешь.

Васька пожал плечами и пропел, отходя от окна:

Нам акула нипочем, нипочем,

Мы акулу — кирпичом, кирпичом...

ПЕРЧАТКА КОРОЛЕВЫ МАРГО

Есть у нас стенгазета «Улыбка». Редактором — ваш покорный слуга. Так уж получается, что газету приходится делать самому. У нас так с первого дня повелось: ты, Балтабаев, редактор — ты и делай газету. И делаю. По воскресеньям. А утром, в понедельник, вывешиваю в классе.

В воскресенье после обеда прибежал ко мне Сервер — запыхался весь, грудь волнами ходит. Цунами, а не грудь.

— Ты улыбаться еще не начинал? — бухнул он, едва я отворил ему калитку. — «Улыбку», говорю, не закончил?

— Листы разложил, обмозговываю пока. — Я тебе тему принес, сейчас ахнешь. Не тема, а мозговая косточка!

— Тема — это хорошо! Главное — придумать тему,— согласился я.

— Придумать?! Ничего себе — придумать! Так отряд обманывать — это ж надо такое придумать!

— Постой, постой, — остановил я Сервера. — Брось стрекотать, объясни толком.

— Ну так слушай! — Сервер плюхнулся на стул и, увидев на столе прямо перед собой графин с водой, схватил его и жадно отпил.

— Слушаю! — напомнил я.

Сервер подался вперед и таинственно вымолвил:

— Ты знаешь, откуда я сейчас?

— Откуда же?

— Из Ташкента, — прошептал Сервер.

— А что ты там делал?

— За Юркой Вороновым следил.

Я рассмеялся:

— Он что же — шпион или диверсант? Следил... Умора!

— А ты сначала послушай, — нахмурился Сервер. — Ты заметил, что Юрка в последнее время из кожи вон лезет, чтобы отряд побольше макулатуры собрал?

— Ничего удивительного, — ответил я. — Юрка у нас за все трудовые десанты отвечает, может, ты забыл?

— Не забыл... А скажи-ка теперь, почему наша макулатура у Юрки в кладовке лежит? — Сервер испытующе смотрел мне в глаза.

— Ты что-то путаешь, товарищ Штирлиц, — усмехнулся я. — Отгадка — проще пареной репы. Не в пионерской же держать бумагу до прихода машины.

Это еще спасибо надо сказать Юрке, что уговорил родителей кладовку для нашей бумаги выделить. А в день сдачи мы ее всегда на тележке в школу привозим и взвешиваем. Забыл, что ли?

В доме мы были одни, но Сервер почему-то еще больше понизил голос.

— А зачем Юрка сегодня утром кипу бумаги в город повез? Не знаешь? Ну-ка, ответь...

— В город? — удивился я. — Вот уж не понимаю..

Сервер жарко зашептал:

— Так я ведь тоже ничего не понял, когда увидел ранехонько из окошка, что Юрка спешно несет кипу к первому автобусу, что в Ташкент идет.

— И ты спросил у него?..

— Как бы не так. Дай, думаю, погляжу, что это наш Воронов задумал. Выскользнул я из дома и тихонечко за Юркой двинул. Он в автобус с передней двери зашел, а я — с задней.

— И он тебя не увидел?

Сервер обиженно нахмурил брови:

— За кого ты меня принимаешь?.. И потом — ты ведь знаешь, как набит наш автобус в воскресенье. Стою позади, маринуюсь как огурец в бочке, и за Юркой поглядываю.

— И что же? — заторопил я Сервера. — Куда он бумагу вез?

— Сдавать — вот куда!

— Сдавать? — изумился я. — А зачем? Мы ведь в школе ее сдаем, когда машина приезжает.

— Он ее в Ташкенте на приемный пункт сдал, где бумагу, на талоны меняют.

— Какие еще талоны?

— Вот и я спросил — какие, когда Юрка отошел. У приемщика спросил — не у Юрки.

— И что сказал приемщик?

— Он сказал, что за двадцать кило макулатуры дает талон на «Королеву Марго» — через месяц книга будет в продаже. Понял теперь фокус-покус?

— Ловко! — потрясенно выдохнул я. — Это что же получается — мы втридцатером по поселку рыщем, чтобы макулатуру собрать, а Юрка себе на нее задарма всего Дюма собирает? Чистая работа.

Сервер заключил:

— Вот из города к тебе прямиком и пустился — для стенгазеты ведь какой фактик!

— Смеху мало, — согласился я.

— Карикатуру надо на весь лист нарисовать, — предложил Сервер. — Можно так сделать: нарисовать весы, которые держит в руках Юрка, на одной чаше — «Королева Марго», а на другой — мы, весь класс.

Я подумал и сказал:

— Можно так, а можно и иначе. Сам подумай. Ведь эта Юркина «Королева Марго» бросила перчатку нашей дружбе.

— Понял! — обрадовался Сервер. — Все понял!.. Королева Марго бросает перчатку всему классу. Кто кого... Давай, Балтабай, рисуй кривую улыбку

Юрки Воронова. Это завтра будет сенсация номер один!

Сервер стал наблюдать за моей кистью. Сначала я нарисовал чопорную королеву в огромных перчатках.

— Сними с нее одну перчатку, — осторожно подсказал Сервер. — Она ведь ее бросать нам должна.

Я хлопнул себя по лбу — верно, надо бы малость облегчить ручку королевы. Скоро карикатура на весь лист была готова.

— Не поймут мысль! — подумав, сказал Сервер. — Не понятно, кто она такая, — и он ткнул пальцем в королеву.

Я пожал плечами:

— Если хочешь, я могу на королевской мантии написать имя.

— Нет, — покачал головой Сервер. — Ты лучше теперь сделай, как будто эта королева на книжной обложке нарисована, а внизу напиши название книжки.

Я согласился. Когда была дорисована и книжка, в комнату вошла Айгуль.

— Ого! — удивилась сестра. — Дюма у вас уже в карикатуру угодил... А между прочим, у нас сейчас две «Королевы Марго» есть.

— Как две? — удивился я.

— Очень просто. Одна в собрании сочинений, а вторая отдельным изданием. Старенькая, правда...

И тут меня осенило.

— А где он, где — старенький Дюма? — воскликнул я.

— Пойду, покажу, — с готовностью согласилась сестра. Ее у нас лепешкой не корми и в кино не води — дай только про книги поговорить. Неудивительно — студентка пединститута.

Через минуту, держа в руках заветный томик, я сказал:

— Сейчас мы организуем психическую атаку на Юрку Воронова!

— А зачем? — захлопал глазами Сервер.

— Узнаем кто есть кто. Побежали...

Мы выскользнули на улицу. Юрку увидели издали — он развешивал белье.

— Привет, Юрка! — выдохнул я. — А мы тебе сюрприз приготовили, — с этими словами я протянул Воронову книгу и стал внимательно смотреть ему в глаза.

Ну-ка, самовыражайся, дружище!

Юрка поднял на меня растерянные глаза, тяжело вздохнул и молвил:

— Как плохо получилось...

Я кивнул:

— Плохо, Юрка, действительно, очень плохо.

Воронов продолжал:

— Раз уж так неудачно у нас вышло, отдам я тебе этот талон — может, хоть поменяешься с кем-нибудь.

— Ты о чем? — нахмурился я.

— Хотели мы тебе подарить ко Дню печати хорошую книжку — эту вот самую, но другую, по талонам за макулатуру... Ты ведь у нас редактор, министр по делам

печати — вот и решили мы со Стеллой Хван и другими членами совета отряда отметить твою работу хорошей книгой. Кто же знал, что у тебя этих королев больше, чем в библиотеке.

Я схватил Юрку за руки:

— Постой, значит ты нашу бумагу вез в город, чтобы для меня талон достать? Ты не ошибся?

— Ну да! — отстранился Юрка. — Не для себя ведь. Так все решили. Ко Дню печати. Жаль только, что не вышло сюрприза. Погоди...

Он помчался домой и скоро выбежал обратно, держа в руке фиолетовый квадратик.

— Держи. Твой все равно...

Я с ненавистью посмотрел на Сервера. Он стоял, втянув голову в плечи и, наверное, хотел, чтобы она, как складная, ушла туда вся.

— Яс-с-ненько! — прошипел я, сверля взглядом Сервера. — А тебе что-нибудь ясненько?

Сервер отступил, уныло роняя слова:

— Я это... домой пойду... Мамка огород... велела... полить... Засыхает...

— Нет, ты погоди... — я догнал его в три прыжка. — Держи, Штирлиц, теперь твоя очередь в город ехать. А получишь книгу — в библиотеку школьную сдашь. Пригодится.

— Ничего не понимаю, — развел руками Юрка. — Что происходит?

Психологический опыт, — буркнул я и заторопился: — Ладно, Юрка, мне домой пора. Я ведь еще стенгазету и не начинал. Не успею до завтра...

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Андрей Никитенко, тот, что часто уроки пропускает, у нас новичок — они из города к нам приехали. Андрейкин отец - техник толковый. Папа о нем так сказал: «Башковитый мужик!»

А Андрейка у нас хлипкий — болеет часто. Вот и отстает от программы. А сначала мы подумали, что просто сачкует. До чего ведь дело дошло — однажды я его в стенгазете за прогулы высмеял, а он — в слезы, как девчонка. На другой день его мама прикатила.

— Мне — классного руководителя! — сердито потребовала она.

Ее привели к моей маме. Но этого она, конечно, не знала.

— Алла Сергеевна! — жестко начала Андрейкина мама.— У вас в классе есть злостный хулиган, который травит Андрюшу.

— Да кто же это? — испугалась мама.

— Балтабаев... Редактор газеты «Улыбка»... Пишет все, что в голову стукнет... Вы-то сами хорошо знаете этого мальчика? Откуда в нем столько злости? Может, это у него наследственное?

— Злости?!... — мама испуганно отвела глаза. — Вот уж чего не замечала.

Андрейкина мама протестующе замахала руками:

— И не спорьте, милейшая Алла Сергеевна, уж мне виднее. Вы бы воздействовали на него, может, вам и с родителями Балтабаева надобно поговорить. - Она вздохнула и продолжила:

— Совсем, похоже, ожесточился мальчик, уж не травмируют ли дома его детскую психику? Вот он потом злость на других и вымещает.

Мама заторопилась:

— Хорошо, я поговорю с Володей. Простите, мне надо идти... Я поговорю...

— И с родителями его поговорите! — понеслось ей вдогонку.

...И поговорила.

— Возьмешь Андрея на буксир — строго приказала мне мама.

— По всем предметам? — испугался я.

— Начнете с математики — он ее совсем запустил. Критиковать каждый у нас мастак. А ты и вовсе первый язык класса — метр в длину, дециметр в ширину.

Попробуй помочь товарищу. Скажи спасибо, что Андрейкина мама пока не знает, кем ты мне доводишься. А то смех один получается. Я ведь обещала ей, что строго поговорю с собою самой...

Легко сказать — помоги. Я Андрея после уроков час уговаривал ко мне домой пойти. Обидчивый субъект попался... Пришли, наконец, и стали задачки решать. Девять штук решили, утомились.

— Отдыхать теперь будем, — сказал я.

Андрей подошел к моим книжным полкам, пробежал взглядом по коркам и говорит:

— Дай что-нибудь почитать, если, конечно, не жалко.

После таких слов поневоле самую лучшую книгу отдашь, чтобы за жмота не посчитали. Подумал я и достал ту, что сам вчера только в библиотеке взял — сам еще прочесть не успел. У меня есть свой метод хорошие книги отыскивать.. Если видишь, что книжка сильно потрепана или заново переплетена — эта наверняка интересная, успела побывать во многих руках. Этот прием у меня сто раз проверенный, я с его помощью кучу мировых книг прочитал про опасные приключения и вообще обо всем на свете. Жаль только, конечно, что книжка портится.

С такими вот мыслями достаю я с полки книжку с явными признаками занимательности на обложке и протягиваю ее Андрею:

— Держи, я ее прочел. Сила! Гляди, какая потрепанная!

Андрей при этих моих словах почему-то в лице изменился — выхватил у меня книгу из рук и назад на место пихает. А книга старенькая, еле дышит — несколько листиков выпали и на пол спланировали.

— Ты чего это, Андрей! — вскричал я. — Это ведь Жюль Верн, за ним все гоняются, мировая вещь!

А Андрей и не слушает. Зло тогда меня взяло — чего, думаю, истязает невинную книгу.

— А ну, перестань! — сказал я ему, окончательно рассвирепев. — Порвешь вконец.

Андрей враждебно глянул на меня. Конечно же, я никак не мог понять, почему Андрей рассердился. Хорошая книжка — про то, как подводная лодка «Наутилус» под водой все океаны просверлила. А сколько приключений!

Стал рассказывать содержание — обидно ведь за книгу, а Андрей вдруг говорит:

— Ты не думай, Володь, я против твоей книжки ничего не имею. Может, она и хорошая, но только я ее не возьму.

И замолчал — будто вспомнил вдруг что говорить об этом нельзя... От такой таинственности у меня даже голова закружилась. Начал я Андрея уговаривать, чтобы он, так сказать, пролил свет на свое загадочное поведение. Андрей повздыхал, малость и, наконец, начал:

— Это давно случилось, когда я еще в городе жил, в прошлом году. И была у меня любимая книга — «Остров сокровищ».

— Стивенсон?

— Точно... Ну так вот.. Ее у меня все почитать просили, в классе даже очередь установилась. Дело дошло до того, что я и сам однажды перечитать захотел, а ребята мне говорят: «записывайся в очередь». И каждый раз я ее терпеливо собирал, чинил. И вновь шла книга в дело.

— А что случилось дальше? — нетерпеливо воскликнул я, и Андрей продолжал:

— Подошёл день Восьмого марта... Накануне остались мы, мальчишки, после уроков и стали головы ломать, что девчонкам нашим подарить. Решили бросить жребий.

— Кому кого поздравлять? — догадался я.

— Вот именно! Пока ребята из шапки свои жребии вынимали, я успел обдумать свой подарок. Я так рассудил: подарить надо такую вещь, чтобы сразу было видно — человек ее от сердца оторвал. А раз так, — надо подарить «Остров сокровищ!»

Выпало мне поздравлять Катю Суровцеву. Вот кому, думаю, перешло теперь счастье эту книгу давать друзьям читать. Подклеил я книгу напоследок еще раз, аккуратно обернул, а потом, как и все остальные, положил на парту...

Андрей умолк.

— Ну и что же было дальше? — огорчился я. — Ведь ты на самом интересном месте остановился.

— Самое интересное место? — хмыкнул Андрей. — Слушай дальше. Когда Катя вошла в класс и увидела мою книжку с поздравительной открыткой на своей парте, она вдруг расплакалась, бросила ее на пол и стала топтать, всхлипывая при этом: «Всем девочкам... новенькие книжки... подарили... а у меня... какая-то... макулатура... Не хочу!»

Тут все, конечно, стали убеждать Суровцеву, что она неправа и что это ведь любимая книга всего нашего класса. Интересная — вон как истрепалась... А Катя и не слушает — еще больше злится, а книжку топчет и приговаривает:

— Я ее сделаю сейчас еще интереснее.

Потом Катя изо всех сил поддала книжку ногой и она полетела ко мне — бесформенная, как подстреленная птица. Починить я ее уже не мог...

Я не знал, что и сказать. А Андрей вдруг засуетился, заторопился:

— Я домой пойду, ладно?.. А за объяснение спасибо — я ведь, знаешь, еще в городе из-за болезни много пропустил, трудно мне сейчас.

Уже у двери он спохватился и неуверенно спросил:

— А эта книжка твоя... Ну, про подводную лодку которая... Что, и вправду, интересная?

— А ты посмотри сам! — обрадовался я.

Андрей осторожно взял книгу, а я, чтобы не смущать его, стал собирать портфель на завтра. Андрей увлекся и бережно перелистывал книгу, рассматривая картинки. А я чуть ли не на цыпочках ходил и все собирал и собирал свой портфель. Уже и не знал, что бы еще в него положить.

Конец этой истории дописал рассвет. Сквозь сон я услышал растерянный голос папы:

— Ничего не понимаю. Куда делась моя электробритва?..

Я спрыгнул с кровати, открыл портфель, глянул... Ну, конечно же, папина электробритва лежала там!

— Это ты в портфель бритву положил? — удивился папа.

— Нет, — вздохнул я. — К...катья Суровцева...

— Ваша ученица?

— Конечно,... не наша.

Хорошо, что папе некогда было разбираться в этом наборе слов.

ХОРОШО ПРОПЕЧЕННЫЙ СЮРПРИЗ

У нас, если хотите, еще почище история с подарком вышла.

Накануне Восьмого марта ребята ко мне пристали с расспросами:

— Володька, скажи, что твоя мама больше всего на свете любит?

Я честно отвечаю:

— Двойки любит ставить за глупые ответы у доски и такие же вопросы с места.

Стелла обиженно протянула:

— Зря ты так, Балтабаев. Тебе, можно сказать, счастье выпало — быть сыном нашего классного руководителя, а ты, можно сказать, не оправдываешь это высокое свое положение. Странный ты все же, Балтабаев. Скоро Восьмое марта — нам ведь надо Аллу Сергеевну поздравить. А как?.. Нужно ведь самое-самое подарить. А что для нее это самое — ты обязан знать.

— Это почему еще? — растерянно спросил я.

— Ведь ты сын ей, кому же лучше мамин вкус знать.

— Хорошо! — кивнул я. — Подумаю, повспомоинаю.

— Только быстро думай! До завтра, ладно? — взмолилась Стелла. — У нас ведь времени вовсе не остается.

Вечером я подсел к Айгуль.

— Слышь, сестра, а что наша мама любит?

— Зачем это тебе? — удивилась она.

Я рассказал.

— Ну раз так, — улыбнулась Айгуль, — посоветуй ребятам хорошенько урок выучить, чтобы все отвечали на пятерку — вот это и будет ей лучшим подарком.

Я запротестовал:

— Не пойдет! Ведь что получится может — мама станет сначала новую тему объяснять, а на опрос времени не останется. Этак она и нам праздник испортит.

— А вы заранее попросите, чтобы вызывала.

— Какой же это тогда будет сюрприз? — возразил я.

— Придумала! — воскликнула наконец Айгуль. — Нужно испечь пирог с яблоками — вот что наша мама любит больше всего на свете!

Мне стало грустно. Разве удивишь мою маму пирогом — она сама мастерица выделывать из теста разные вкусные штуки.

— Ничего ты не понимаешь, Балтабай-младший, — рассердилась Айгуль. — Ей не мастерство — старание ваше приятно будет.

— Ты уверена? — заколебался я.

— Абсолютно!

Наутро я выложил Стелле все, что услышал от сестры.

— М-д-а... — озадаченно протянула Стелла — Идея хорошая, а вот кто печь будет?

— Думай! — взбодрил я ее. — На то ты и отец отряда.

— А где яблоки сейчас взять? — совсем упала духом Стелла.

Стали мы раскидывать мозгами — авось в общие-то сети хоть одна рыбешка-мыслишка заплывет. И заплывала ведь! Самым удачливым ловцом оказался Костя Гришкин.

— Знаю, кто нам поможет! — завопил он. — Бабка Наталья — вот кто! У нее, наверняка, и яблоки есть — и сушеные, и моченые, и консервированные. Она ведь все лето варенья варит и компоты готовит.

— А значит и печь умеет отлично! — авторитетно подтвердил Мубар.

Все рассмеялись. Раз уж сам Грызун за бабушку Наталью голос подает, значит, и впрямь, руки у нее золотые.

— Значит так! — заговорщически понизила голос Стелла. — Берем муку, сахар, ну и все остальное и сегодня же пойдём к ней.

— Все сразу, тридцать-то человек? — усмехнулся я.

Стелла согласилась:

— Верно, всем там делать нечего, нужно назначить ответственных. Есть добровольцы?

На мгновение в классе воцарилась тишина, но уже в следующее поднял руку Грызун:

— Я готов пойти! Выручу, если надо!

— Ты? Уж очень сомнительная кандидатура.

— Это почему же? — обиделся Ахмедов.

— Ты до печи будущий пирог не донесешь — слопаешь его по компонентам.

Все засмеялись.

Грызун отошел в сторону.

— Не навязываюсь, сама иди, если другим не доверяешь.

Словом, посовещались мы и решили послать к бабушке Наталье Костю Гришкина — как тимуровца и к тому же личного шефа бабушки Натальи. Остальные должны побеспокоиться о продуктах. И еще вот что мы придумали — спрятать на дно пирога поздравительную открытку, чтобы зачитать ее вслух, когда разрежем пирог!

На другой день, после уроков, Костя Гришкин потащил к бабушке Наталье огромную кошелку с продуктами.

— Смотри, Костя, — напутствовали мы его. — Если бабушка Наталья откажется печь пирог — соглашайся на именную торт. Открытку и в торт спрятать можно. Кстати, ты не забыл положить в кошелку открытку с текстом?

Костя, упиваясь доверием товарищей, заверял:

— Все будет отлично, ребята. Вы ведь меня знаете.

И что же — в поздравительный день Костя, сияя, тайно приволок в класс огромный красавец-торт, и мы, ахая и восхищаясь, водрузили его на учительский стол.

Когда прозвенел звонок и вошла мама (она же — Алла Сергеевна), мы, дружно выстрельнув крышками парт, встали, чтобы ликующими взглядами проводить ее до стола. Она дошла до торта и, как мы и ожидали, остановилась в изумлении.

— Что это, ребята? — спокойно спросила она.

Мы упивались и торжествовали. Каждый из нас в эту минуту мысленно колотил себя в грудь, восклицая: «Ай, да мы!»

— Минуточку, Алла Сергеевна! — проговорил Костя и, выскользнув из-за парты, бросился с ножом наперевес к тарту. — Сейчас все прояснится... — с этими слова-

ми Костя эффектно поднял кремовую крышечку в тарте и достал заветную открытку, предусмотрительно обернутую полиэтиленом:

— Читайте вслух, Алла Сергеевна!

— Вслух? — переспросила мама и, не мешкая, начала читать. И если первые слова заставили нас насторожиться, то вскоре наши лица и вовсе вытянулись от

изумления.

Мама читала: «Дорогие мои мальчишки и девчонки! От всего сердца благодарю вас за ваш чудесный порыв — испечь для меня торт или пирог по случаю Восьмого марта. Спасибо, мои родные! Вот и я решила сделать вам встречный подарок. Надеюсь, торт у меня получился удачным, поэтому после уроков давайте все вместе пойдем ко мне домой пить чай с тортом. Приглашаю!»

Мы стояли как током пораженные. У Кости Гришкина челюсть отвисла, еще немного и она больно стукнулась бы об парту. Он сказал испуганно:

— Алла Сергеевна, а... можно... самому открытку посмотреть?

— Отчего же нет? — улыбнулась мама. — Можно даже еще один раз прочесть. Держи! — и протянула открытку Косте. Он спешно выхватил ее и глянул. Потом поднял изумленные глаза и прошептал:

— Потрясно, ребята! Все точно! Мистика какая-то — я ведь сам, сам этот торт в школу нес!

Мама засмеялась:

— Ну, что же вы погрустнели, ребята. Я ведь и вправду, вам очень благодарна, и приглашаю после уроков всех вас к себе домой, к самовару.

— Погодите, Алла Сергеевна, — взмолился Костя. — Пожалуйста, объясните нам, что произошло, С ума сойти.

— Все очень просто, — мама, улыбаясь, развела руками. — Иду я вчера домой, а навстречу мне бабушка Наталья:

— Алла Сергеевна, выручайте!

— Что случилось? — испугалась я.

— Тимуровцы мои мне пионерское поручение дали — торт испечь. Да только велели, чтобы торт высшего класса был, — сюрприз они, вишь ли, для кого-то задумали.

— И что же? — спрашиваю. Бабушка Наталья вздохнула:

— Да ведь я, дочка, варенье на сюрприз могу сготовить, да еще компот или курагу. А по тортам ты у нас главный в поселке специалист — про это все знают. Вот

и решила я тебя попросить — подсоби мне. Жалко ребят подводить — продукты они мне оставили, а сами завтра утречком за тортом придут. Доверие, стало быть,

оказали, и не простой торт заказали — вот открыточку в него положить велели. И текст уже написан. Не могу ребят я подвести — шефствуют они надо мной. Они ведь у меня каждый раз первые дегустаторы варенья нового урожая. И еще беседы политические среди меня проводят. Выручай, дочка!

Зашла я, словом, к бабушке Наталье. А увидела открытку и сразу же все поняла. Ну, а остальное, — мама еще раз улыбнулась. — Остальное было делом техники.

Мама глянула на часы и заторопилась:

— Ого, заболтались мы, ребята, урок еще и не начинали, а работы у нас много. Тему я задавала вам трудную и сейчас погляжу, как вы в ней разобрались. Надеюсь, по случаю Восьмого марта вы мне приготовили хоть один настоящий сюрприз? Без полиэтилена. Сейчас проверю.

Мама придвинула к себе журнал, раскрыла его и спокойно сказала:

— К доске пойдет Балтабаев. Приготовиться Тришкину Косте...

И клюнула пером чернильницу.

И ни одна бабка Наталья на свете не смогла бы сейчас выпекать у доски ответ вместо меня... Надо ли говорить, что в ту минуту, когда я шел к доске, я был готов разрезать Костю, как торт, на тридцать клинышек.

КЛЮЧИ ОТ СПОРТЗАЛА

Мои переживания продолжались лишь до большой перемены. Потому что на перемене меня отозвал в сторону Андрей Никитенко и упавшим голосом вымолвил:

— Беда у меня, Володя. Преступник я.

— Преступник? Это что-то новое!

Андрей закашлялся, а когда успокоился, дрогнувшим голосом сказал:

— Точнее — соучастник страшного преступления.

— Да что случилось-то? — я начинал терять терпение. — Торт что ли отравил? Гвоздей в него насыпал?

Андрей махнул рукой и еще больше понизил голос:

— Вчера из спортзала пропали баскетбольные мячи и теннисные сетки...

— А причем здесь ты? Уж не хочешь ли ты сказать...

— Именно это и хочу сказать! — резко прервал меня Андрей. — Не знаю, что теперь и делать.

— погоди! — спохватился я. — Что у нас сейчас? Урок, говорю, какой?

— А никакой. Тамару Петровну в город на совещание вызвали.

— Тогда побежали в сад, — предложил я. — Там обо всем и расскажешь.

Так я узнал историю одного преступления. Вернее, пока только половину истории, вторую половину мы тем же вечером дописали с Андреем вместе. Дописали и точку поставили. Жирную...

...За окном со скрипом плескался фонарь. Его раскачивал ветер, и по стене, набегая друг на друга, разрастаясь до гигантских размеров и вновь пятясь, неистово плясали тени деревьев. Андрей уже и глаза закрывал, а все равно чувствовал, как шастают они по комнате, спрыгивая с подоконника на пол, бесстрашно карабкаются на стены и потолок и вновь безмолвно тают в окне. Не спится Андрею. Весь вечер терпеливо ждал он Ваську Кулакова. Кулак не позднее десяти вечера должен был принести эти злополучные ключи. И вот не принес... «Ничего страшного, — успокаивал себя Андрей. — Просто заигрались ребята, увидели, что поздно, и решили не беспокоить, не будить. Ключи ведь, если разобраться, можно и утром вернуть».

Так-то оно так. Но почему-то не спится Андрею, беспокойно на душе. Вот ведь дернул его черт согласиться на льстивые уговоры Кулака. Теперь лежи вот так и переживай... Не нужно думать, что наш Андрей Никитенко — спортсмен экстра-класса, раз у него есть персональные ключи от школьного спортзала. Совсем даже наоборот. Андрей никакой не спортсмен, он руководитель фотокружка. А фотолаборатория, находится в одной из переоборудованных душевых нашего спортзала. Так получилось, что вручили ему заодно и ключи от спортзала — иначе ведь в лабораторию не попадешь. Таким большим человеком с собственным ключом в спортзал и личной фотолабораторией стал наш Андрей еще в сентябре. Прознал директор школы Мумин Ахмедович, что у Андрея есть удостоверение юного фото-инструктора, и пригласил в свой кабинет. Начал он издали.

— Обижаешь, брат, — сказал Мумин Ахмедович, положив руку на плечо Андрея. — Я по всему поселку, понимаешь, таланты ищу и найти не могу, а ты — молчок, в рот воды набрал.

Андрей опешил. О чем это Мумин Ахмедович толкует. А тот, улыбаясь, продолжал:

— Готов предоставить все необходимое тому, кто возьмется фотолабораторию в школе организовать. Мне бы только человека такого найти. Алла Сергеевна мне сказала, что у тебя есть удостоверение фото-инструктора. Это правда?

Андрей просиял:

— Правда, Мумин Ахмедович, правда! Я в Ташкенте в фотокружке занимался, три года.

— Вот и отлично! — заключил директор. — Сегодня же составь список всего, что нужно для фотолаборатории, а в воскресенье поедете на школьной машине в город — покупать товар. Согласен?

— Согласен, Мумин Ахмедович! — воскликнул Андрей. — Как не согласиться.

Так Андрей стал у нас личным фотографом школы. Здорово это у него получается. У нас, допустим, субботник, а наутро в вестибюле стенд ломится от фотографий. Вся школа сгрудится у стенда и рассматривает, любуется. А Андрей рядышком похаживает, славу впитывает, на глазах набухает, как губка.

Но больше всего на свете завидовали мы тому, что у Андрея есть еще и ключи от спортзала. Обладание этими ключами рисовало в нашем воображении самые заманчивые картины. Но Андрей всегда был неумолим — ключи никому не давал и пользовался ими, лишь когда нужно было попасть в лабораторию.

Но вчера к нему подошел Васька Кулаков и попросил дать ключи от спортзала.

— Не могу! — твердо сказал Андрей. — Не имею права.

— Значит тебе не дорога честь класса? — взвился Кулак.

— А причем тут ключи? — изумился Андрей.

— Очень даже причем! — горячился Васька. — На той неделе — соревнования по баскетболу и теннису, а мы готовы — хуже некуда. Потренироваться надо, чтобы не опозориться.

Андрей заколебался. Кулак знал, чем взять его. Как же, против чести трудно устоять. Стыдно ему стало прятать ключи от успеха. Нехотя полез Андрей в портфель:

— Держи... Когда отдашь?

Кулак обрадованно выхватил ключи.

— Сегодня же верну. Домой принесу — не позднее десяти. Спать не будешь?

— Не буду. Не курица.

Андрей и не думал в ту минуту, что окажется прав: спать, действительно, не довелось. Кулак не пришел. Утром по дороге в школу Андрей встретился с Фархадом Камиловым.

— Хорошо потренировались? — спросил Андрей.

— Ты о чем? — удивился Фархад.

— О тренировке вашей... Вы ведь вчера вечером с Кулаком к соревнованиям готовились.

— Кулака мы давно дисквалифицировали за неспортивное поведение. Он еще месяц играть не будет — до конца четверти. Ты что-то путаешь, Андрей.

Не верить Фархаду у Никитенко не было оснований — Камилов входил в баскетбольную команду шестиклассников. Ах, как казнил себя Андрей в эту минуту за допущенную вчера слабость — ведь Мумин Ахмедович просил его ключи от спортзала из рук не выпускать. И вот отдал. И кому — Кулаку... Первым его желанием было поскорее разыскать Ваську и высказать ему все.

В вестибюле толпа ребят окружила физрука, который, горячо жестикулируя, рассказывал какую-то страшную быль. У Андрея почему-то защемило сердце. Он подошел поближе и уловил обрывок фразы:

— ...а мячей нет, как не было... Теннисные сетки в угол брошены, а я хорошо помню — в шкафу оставлял. Кто же это в спортзале хулиганил?

— Странно! — вымолвила старшая пионервожатая Роза Хегай. — А ключ... ключ-то ваш где оставался?

Физрук ответил:

— Нигде не оставался ключ, вот он — всегда со мной...

Во дворе показался директор и физрук заторопился к нему:

— Мумину Ахмедовичу надо рассказать.

Андрей, поблуднев, спрятался в толпу и тут только поймал настороженный взгляд Васьки. Он протиснулся к Ваське и схватил его за руку:

— Где ключи? Все знаю — мне Фархад рассказал, какой ты у нас великий баскетболист.

— Жалко стало?.. На, держи — целехонькие.

— Целехонькие? — взорвался Андрей. — А спортзал? А мячи? А сетки? Что все это значит?

Кулак потащил его в сторону:

— Не кричи, услышать могут.

— А мне скрывать нечего! — запальчиво воскликнул Андрей. — Идем к директору, или я пойду один.

Кулак криво усмехнулся:

— Если у тебя котелок не варит, — иди, не держу. Только потом пеняй на себя. А с Фархадом... С ним у меня будет особый разговор. Не бойсь. — Кулак в долгу не останется!

— И ты еще угрожаешь? — щуплый Андрей готов был растерзать Кулака.

— Успокойся и послушай мудрый совет, — нравоучительно сказал Кулак. — Никуда не пропали твои мячи и сетки. Мы их для смеха в душевой спрятали, за перегородкой. Пусть поищут.

Андрей удивился:

— Так чего же ты молчишь — надо пойти и сказать.

— Чудак, как теперь скажешь? Сразу поймут, кто спрятал.

Кулак настороженно глянул на Андрея и сказал чужим голосом:

— Это не я... Это ребята из микрорайона... Ну, те, с которыми я вчера... Мы вничью сыграли. Дружки, словом, мои... Шутники они... Хохмачи.

— Хорошо потренировались! — съязвил Андрей. — Только не получается, Кулак, ничьей. Не получается.

— Ты не волнуйся,— зашептал Кулак.— Незаметно подбросим сегодня же вечером. А говорить никак нельзя... Ты сам посуди... Меня поругают — это одно, мне не привыкать. А тебе, старина, будет посложнее выкрутиться. Думай, Андрюха... Ключи кто дал? Ты дал... А стало быть, как это говорят... Ага — соучастник! Понимаешь — соучастник ты. Тебе ж доверие оказали, ключи дали, а ты директора вон как подвел. Какое ж тебе

после этого доверие будет, товарищ, руководитель фотокружка? Ведь отнимут у тебя ключи и лабораторию твою отнимут. Тю-тю любимому делу! Понимаешь?

Кулак противно хихикал, а Андрей все ниже опускал голову. Верно, влип в историю. Они играли, а он и близко не был, а проиграл.

— Да ты не переживай, — улыбался Васька. — Вечером все на место подбросим.

Вот какую грустную историю рассказал мне Андрей. Слушая его, я и сам разозлился на Кулака.

— Значит, Кулак предлагает тебе сегодня вечером снова проникнуть в спортзал? — спросил я Андрея. Уж очень хотелось что-нибудь такое придумать, чтобы утолить давнюю свою досаду на предательские выходы Кулака.

— Пойдем втроем,— сказал я наконец. Андрей хотел что-то возразить, и я, догадавшись, добавил:

— Не волнуйся, пойдете вы двое, а я позади. Незаметно...

Мы обговорили все детали предстоящей операции.

— Жаль только, что входить в зал вам придется вдвоем,— сказал я.— Не то он сразу заподозрит неладное... Ладно, не волнуйся, все равно перехитрим Кулака.

Насилу дождались мы вечера. Звезды высыпали на небо и замерли, будто кто-то высоко над облаками небрежно рассыпал их на бархатную скатерть неба, чтобы перебрать, рассортировать — да и забыл о своей затее и оставил сокровища на потеху зевакам.

Ровно в девять раздался осторожный стук в калитку.

— Кулак!— встрепнулся Андрей.— Это он.

— Выходи к нему и дуйте в школу,— шепнул я.— А обо мне не беспокойся. Главное не забудь: ключ оставишь в двери спортзала.

Я осторожно крался следом за Андреем и Кулаком. Мы приближались к школе. Все развивалось по нашему плану. Вот они подошли к спортзалу... Вот Андрей достал из кармана ключ... повернул дважды... дверь открылась и они оба скрылись в черной пустоте дверного проема. Я выждал минут пять, а потом, как мы и условились с Андреем, начал громко топтать в вестибюле и так потихоньку приближался к двери спортзала, оставшейся приоткрытой. Подойдя к двери, я зарычал, подражая голосу физрука:

— А кто это здесь опять в моей горнице хозяйничает?

Все получилось, как мы и предполагали. Кулак испуганно схватил Андрея за руку.

— Пропали мы!— зашептал он.— Физрук идет!..

— А я ведь дверь не закрыл,— сообщил Андрей, стараясь не расхохотаться.— И ключ в двери торчит.

Кулак совсем пал духом.

— Да ты что!— ахнул он.— Слышишь, как рычит — чисто медведь.

Андрей вздохнул:

— Что ж теперь делать, Кулак. Оба мы с тобой виноваты. Пришла, видно, пора отвечать. Чему быть — того не миновать.

— Надо что-нибудь придумать,— заволновался Кулак.

— Есть идея!— ответил Андрей.— Если хочешь, я побегу к двери и скажу физруку, что пришел поработать в фотолаборатории, а дверь спортзала просто забыл закрыть.

Кулак оживился:

— Беги скорее к двери, пока он нас обоих здесь не нашел!

И Андрей, ликуя, помчался ко мне. Когда он был уже у двери, я натужно пробасил что было сил:

— Посиди, Кулак, в моей берлоге до рассвета! А утром тебя выпустит на свободу физрук.

— Если, конечно, выпустит!— пискляво взвизгнул счастливый Андрей.

Мы резко захлопнули дверь и заперли ее на ключ. Все, теперь Кулак заплатит сполна за свои проделки!.. Васька, конечно, сразу понял, что его одурачили. Он подбежал к двери и стал толкать ее плечом, на все лады уговаривая нас подарить ему волю... И даже грозил, что отлупит обидчиков, когда руки до нас дойдут...

— Испугались мы тебя очень!— сказал я двери, нервно вздрагивающей под напором Кулака.— Завтра Мумин Ахмедович тебе популярно разъяснит, что такое хорошо и что такое плохо. Спокойной ночи, Кулак, мы пошли.

И тут мы услышали из-за двери судорожные всхлипы. Кулак плакал. Андрей растерянно глянул на меня:

— Плачет, что ли?

И тут Васька прорыдал в замочную скважину:

— Ребята... Я... больше не буду... Я... не виноват... Это дружки... Они мячи попрятали... От-к-ройте... п-по-жалуйста!

— Вот и отлично,— кивнул я.— Завтра все это директору и расскажешь.

Я потянул Андрея за руку:

— Пошли домой, комедия окончена!

Андрей сделал вслед за мной несколько неуверенных шагов и остановился.

— Ты чего? — разозлился я.— Кулака жалко стало? Андрей пожал плечами:

— Не знаю... Но почему-то жалко немножко.

— Пошли!— жестко сказал я.— И нюни не распускай. Ты вспомни, как он ухмылялся, когда одурачил тебя с ключом и вдобавок обозвал соучастником. Он — пожалел тебя?.. Пожалел?

Мы дошли уже до школьных ворот. И тут Андрей опять остановился и, пряча глаза, виновато сказал:

— Володя, может выпустим, а?

Я вздохнул и промолчал, а Андрей, ободренный этим, горячо продолжал:

— Ты сам подумай, что с ним завтра будет. Ведь из школы его исключат — факт.

— Исключат из школы?— переспросил я.— А что, вполне возможно.

— А куда он денется, Кулак-то? Другой школы в поселке нет.

— Некуда деваться...— согласился я.

Мы снова помолчали,

— Ты знаешь, Володя,— осторожно сказал Андрей,— мне кажется, что Васька уже наказан. Такой ведь не каждый день плачет?

И так мне стало нехорошо от этих жалостливых андюхиных уговоров, что я не выдержал:

— Ладно, беги, выпускай арестанта. Я вас здесь подожду.

НА ПРОВОДЕ — ТОВАРИЩ КУЛАКОВ

Самое время вернуться к рассказу о том, как мы с Андреем ездили в город за оборудованием для фотолаборатории... Было это вскоре после того, как директор вызвал Андрея и велел ему составить список всего необходимого. Он и составил. Когда подсчитали — оказалось почти на 250 рублей.

Мумин Ахмедович даже за голову схватился:

— Так много? М-да... Размах!

— Для начала хватит,— с достоинством ответил Никитенко.

— Ах, для начала?..— Мумин Ахмедович схватил карандаш и придвинул к себе список:

— Давай-ка еще раз посмотрим, что тут у тебя. Так, фотоаппарат — это нужно, без этого не обойдешься. Электроглянцеватель — две штуки... Постой, а зачем тебе два глянцевателя?

— Можно, в принципе, и один,— согласился Андрей.— Просто с двумя работать быстрее. В принципе.

Мумин Ахмедович решительно исправил двойку на единицу, приговаривая при этом:

— Это хорошо, Андрей, что ты человек принципиальный.

Словом, после тщательного изучения списка пострадали: один бачок для проявки пленки, две кюветы, сменный объектив, штатив-тренога и всякая мелочь. Новый список весил лишь 150 рублей.

— Совсем другое дело!— подвел итог Мумин Ахмедович.— В воскресенье и поезжайте.

Проведав, что Андрей едет в город, я напросился в спутники — хотел купить ватман, краски и карандаши. И еще — фломастеры. Без них стенгазета казалась мне мрачноватой. Андрей не возражал — вдвоем всегда веселее, и потом, я, хотя и не спец по части фотографии, но тащить-то купленное Андреем из магазина в машину вполне смогу.

Воскресным утром мы въезжали в Ташкент со стороны Паркентского базара. С улицы Пушкина, от самого памятника поэту, машина вдруг повернула направо.

— Другая дорога?— спросил я шофера.

— Метро строят!— лениво процедил Мурад — школьный шофер.— Смотрите!

Мы с Андреем оглядели диковинную машину, на которую показывал Мурад. Выбрасывая черное облачко при каждом выдохе, она легко, словно гвозди, пихала в землю толстые железобетонные сваи.

— Мост здесь будет,— объяснил Мурад.— Точно такой же, как через канал Актепа.

Андрей кивнул:

— Правильно, здесь строят вторую очередь метро. Скоро весь город можно будет за полчаса на метро объехать.

Я слушал молча: Андрей — бывший ташкентец, он про город все знает.

— Куда поедем?— спросил Мурад.

— В ГУМ,— сказал Андрей.— Там выбор хороший.

И мы покатали по улице Навои — мимо Аллеи парадов, мимо Панорамного кинотеатра и телебашни, взмывшей острием к белому пушистому облаку.

Тут меня толкнул Андрей.

— А вот цирк,— сказал он.

Огромная бетонная хлопковая коробочка, вокруг которой люди казались муравьями, показалась мне прекрасной.

— Давай подъедем поближе!— взмолился я.— Гляди, городские ребята в фонтане купаются... Давай, тоже искупаемся, а?

— Может, сначала дела завершим?—улыбнулся Мурад.

— Успеем еще,— настаивал я.

Мурад свернул к цирку и покатил на стоянку. Мы вылезли из кабины и я стал разглядывать здание цирка. Вот бы побывать здесь всем классом, подумалось мне.

И тут к нам виляющей походкой подошел какой-то джинсовый парень и развязно обратился к Мураду:

— Шеф, огоньком не брызнешь?

— Чего?— растерялся наш шофер.

— Зажигалка, говорю, имеется? Или — спички? Мурад зашарил в карманах, достал спички, чиркнул.

Парень прикурил одну за другой две сигареты.

— А зачем тебе две?— спросил я.

— Вторая не мне,— заулыбался парень.— Это для моей кадры. Вон она, у фонтана. А меня Бобом звать. А хотите — просто Боря. Для вас...

Мы увидели загорелую девчонку в ослепительно белых шортах. Через плечо у нее была перекинута сумочка с полыхавшей на солнце застежкой. Вдруг Андрей сильно сжал мне руку.

— Это она!— выдохнул он.— Катя Суровцева.

— Ты ее знаешь?— удивился я.— Какая Катя?

— Я тебе о ней рассказывал. Помнишь — книгу она мою топтала. Вот она — Катя...

Парень с любопытством слушал Андрея и не выдержал наконец.

— Кэт!— крикнул он и махнул рукой девчонке.— Хиляй сюда, тут я, кажись, нашел чуваков из твоей кодлы.

Катя сразу же отвернулась и медленно стала удаляться.

— Ты ошибся. Мы не из вашей кодлы, — сказал я. — А ты скорее иди к ней, а то другой твою «кадру» клеит.

— Не клеит,— скривился парень.— У меня батя в ГУМе пашет, фирменные шмотки достает. Она за меня крепко держится. Видите, на ней шорты и сумку? Батя достал!— и он с гордостью посмотрел на нас.

— Ты, Боб, все равно иди к своей Кэт поскорее,— посоветовал я.

— Боб ушел к Суровцевой, торжественно неся ей зажженную сигарету.

Мы молчали.

— Тебе ясно теперь?— сказал я наконец.— Она тогда не книгу твою топтала.

— А кого же?

— Себя...

Мое внимание привлек черный газик на стоянке у цирка — уж очень он мне напоминал что-то. Я сделал несколько шагов к машине, инстинктивно глянул на номер и... испуганно замер. Уже в следующее мгновение я подбежал к Андрею и начал тормозить его:

— Беги за милиционером, а я покараулю. Это они!..Они!..

Андрей выкатил глаза:

— Зачем за милиционером?

Пришлось объяснить:

— Помнишь, браконьеры к нам приезжали с кучей мешков и кетменем... Они это, я сразу узнал машину! Ты на номер посмотри: тридцать — это нас столько в классе, а тринадцать — это столько Кулаку было лет.

— Ну, тогда ладно,— нехотя протянул Андрей.— Пойду поищу.

— А чего искать. Во-он милиционер, ребят из фонтана прогоняет,— показал я.— Беги за ним.

Подошел милиционер.

— Кого вы тут поймали?— спросил он, переводя взгляд с Андрея на меня.

— Вот их машина!— показал я.— Они у нас в поселке хотели всю рыбу из озера увезти.

Милиционер неспешно обошел машину.

— А номер тот?— спросил он.

— Тот самый, товарищ милиционер. — Его Васька Кулаков запомнил.

— Ну что ж,— кивнул милиционер.— Будем ждать. Они, видно, в цирк пошли на дневное представление, раз машину на стоянке оставили. Полтора часика впереди — не меньше.

Андрей заволновался:

— А как же магазин?

Я Серdito глянул на него. Тут, понимаешь, преступников ловить собрались, а он про какой-то магазин канючит. Противно даже...

Подошел Мурад.

— Поехали что ли, друзья? Я уже в книжный магазин заглянул, пока вы цирк осматривали.

— Мальчикам придется задержаться,— сурово сказал милиционер.— Они нужны для опознания преступников.

— Вот это да!— восхитился Мурад.— На двадцать минут одних оставил, а эта уже в историю влипли.

Я хмуро отвечал:

— Это старая история, Мурад.

И тогда я подумал: а зачем держать здесь и Андрея, он все равно браконьеров не видел и узнать никого не сможет. Пусть едет с Мурадом в магазин, пока я побуду с милиционером.

— Поезжайте вдвоем,— решительно сказал я.— Мы и без вас справимся. Я вас здесь ждать буду. Вам двух часов хватит?

Они уехали, а мы с милиционером стали ждать. Он не ошибся — владельцы машины сидели в цирке, два отделения подряд хохотали над шутками клоунов, замирали от смелых трюков акробатов и... не подозревали, что их ждет и третье отделение — засада у машины. Когда из стеклянных дверей необъятной хлопковой коробочки хлынул народ, лейтенант Курбанов, так звали милиционера, велел мне:

— Ты в сторону отойди, а я с ними сам поговорю. Я зашел за могучий фонарный столб — за ним весь наш класс можно было бы спрятать.

К машине подошел мужчина в окружении ребятишек — мал мала меньше. Милиционер откозырял совершенно незнакомому мне мужчине и тот спешно полез в карман. «Документы будет проверять!»— догадался я и вышел из-за укрытия — прятаться было бессмысленно. Я подошел к ним и услышал, как мужчина, запинаясь и краснея, говорит милиционеру:

— Ну что вы! Я законно на стоянке машину оставил... А сам... Вот... С детишками на бегемота Жужу пошел... Давно обещал в цирк сводить.

Лейтенант Курбанов вопросительно глянул на меня, и я покачал головой:

— Не этот... У нас другие были. Милиционер опять повернулся к мужчине: Машину давно приобрели?

— Три года будет.

Лейтенант Курбанов вновь глянул на меня. Я сказал:

— И это не сходится. Они у нас недавно были.

— Не сходится, говоришь?— вспыхнул вдруг милиционер.— А может, это у тебя что-нибудь не сходится, а мы честному человеку голову морочим и перед всем городом позорим?

Я замешкался, не зная что ответить.

— Но... номер...— пролепетал я.

— Уверен, что этот?

— Абсолютно.

Милиционер вздохнул.

Что же нам делать теперь? Отпустим товарища? И тогда я бросился к мужчине, который нетерпеливо поглядывал на свои документы в руках лейтенанта Курбанова, и взмолился:

— Дяденька, помогите нам их найти!

— А кого вы все-таки ищете?— удивился он.— Ничего не понимаю.

— Браконьеров... Они в наш поселок на этой вот машине приезжали.

— На моей машине? Быть этого не может.

— Нужно у Кулака спросить еще раз,— сказал я.

— Это в поселок ехать?— с сомнением в голосе протянул лейтенант.

— Зачем же — можно позвонить.

Лейтенант Курбанов стянул фуражку и платком вытер пот со лба.

— Телефон — не проблема. Пройдемте в отделение — закажем разговор.

— Мне тоже идти?— заволновался мужчина.

Лейтенант мотнул головой:

— Можете пока погулять с детишками у фонтана. А документы я скоро верну вам. Вот только дозвонимся.

— Алло, девушка, соедините меня с Катта-Караваном,— попросил лейтенант... Срочно...

Я скосил глаза в окно — у фонтана резвились ребяташки. Вскоре ожил телефон. Лейтенант Курбанов спешно поднял трубку.

— Поселок? — спросил он. — Кто у телефона?.. Здравствуйте, Мумин Ахмедович, вас беспокоит лейтенант милиции Курбанов. Да, из Ташкента... Нет, вы не

пугайтесь, пожалуйста, ничего особенного не произошло, но нам с товарищем Балтабаевым очень нужна помощь товарища... товарища....

— Васьки Кулакова!— подсказал я.

— ... Товарища Василия Кулакова,— продолжил милиционер.— Как это — кто? Ученик из вверенной вам школы и, как нам стало известно, ваш сосед. Так вы пригласите его?.. Благодарю за хлопоты, без него нам тут истину никак не установить. Консультация его нужна.

Лейтенант Курбанов замолчал и стал ждать.

— Сейчас пригласит! — мигнул он мне. — Да-да, слушаю!— вздрогнул он вскоре.— Это товарищ Василий Кулаков? С вами сейчас будет говорить ваш товарищ.

С этими словами лейтенант передал мне трубку. Я растерянно схватил ее и ватными губами промямлил:

— Здравствуйте, товарищ Василий Кулаков!

— Ты что ли, Балтабаев?—удивился Кулак.—Во даешь, Вариант! На пятнадцать суток что ли попал?

Я сразу же опомнился и истошно заорал в трубку:

— Слушай, Кулак, какой был номер у той машина? Ну да, на которой браконьеры приезжали... Верно ведь — тридцать тринадцать? Правильно я цифры запомнил?

— Балда!— засмеялся Кулак.— Запомнил-то ты правильно, да только наоборот. Тринадцать тридцать у них было. Ты их встретил?

— Нет... ничего... спасибо... я просто так. В памяти хотел освежить... — и уронил трубку на рычаг.

Ах, как я ненавидел себя в эту минуту! Ведь скольким людям разом причинил неудобства. Лейтенанта оторвал от дела — раз; папашу с детьми задержал — два; Андрей один в магазине отдувается — три; директор школы за Кулаком бегал — к телефону звать — четыре, только один Кулак, считай, остался с прибылью. Я с досадой подумал и о том, что уже к вечеру весь поселок будет знать, что даже в милиции теперь не обойтись без Васькиной авторитетной консультации по телефону.

— Что, ошибка вышла?— сочувственно спросил лейтенант, и я виновато опустил голову.— Ничего страшного,— ободрил он меня.— Хороший человек хорошим человеком остался, а браконьеров вы еще поймаете... Хотите, я запрос сделаю? Гляди,— показал он в

окно, вострепнувшись.— Ребятишки расшалились не на шутку. Ого, двое уже и в фонтан полезли. Непорядок!

Лейтенант поспешно взял со стола свисток.

— Пошли, надо документы отдать. Кстати, сам и отдашь — держи. На душе легче станет, если сам отдашь,— и он подмигнул мне ободряюще.

... А еще через полчаса подъехали с покупками и Мурад с Андреем. Я устало плюхнулся на сиденье.

— Задержали?

— Задержали,— буркнул я.— Только это не они оказались.

— Ну-у...— протянул Андрей.— А я уже думал, что ты сегодня героем дня станешь.

— Кулак сегодня герой, — зло сказал я.

— Кулак?— удивился Андрей. — Это каким же образом?

— Приедем домой — сам услышишь,— сказал я.— Поселок, если хочешь знать, уже полчаса гудит от восхищения. Кулак теперь всю милицию по телефону консультирует, а наш Мумин Ахмедович — его личный секретарь. Ясно?

Андрей отпрянул от меня.

— Вот так-то!— вздохнул я и мрачно добавил:— А как товары? Все взяли?

— Угу!— испуганно кивнул Андрей.

КТО?

Не успели мы хоть малость позабыть историю с «Королевой Марго», как Юркина кладовка, в которой мы - хранили собранную отрядом макулатуру, подарила нам новое приключение. Скорее — огорчение.

В тот день Юрка Воронов разыскивал меня по всему поселку и не находил. И не мудрено — я был в фотолаборатории с Андреем Никитенко, где мы, хохоча и изобретая в красной темноте, придумывали фотошаржи для нашей стенгазеты «Улыбка». Уже вечером мы устало выползли во двор и в наступивших сумерках поселок показался нам огромной фотолабораторией, над которой висит тусклый фонарь луны, лениво высвечивая деревья и дома.

На Юрку мы набрели у моей калитки. Он уныло сидел на куче бревен. Увидев нас, резво подбежал:

— Сто лет ищущу, где шатаетесь? Он потянул меня за руку.

— Разговор есть. Секретный.

Андрей обиженно засопел и заторопился. А Юрка, казалось, и не обращал внимания на его обиду.

— Зачем ты так?!— с укоризной сказал я.— Андрей — хороший человек. А в своей фотолаборатории он и вовсе гений.

Юрка насупил:

— Все равно разговор не для гениев. Ты в отряде лицо официальное, член совета, отряда, редактор — вот с тобой и буду разговаривать.

Я оборвал его:

— Взятся говорить — так не тяни. Что у тебя случилось?

— Пойдем со мной — увидишь. И мы двинули к дому Воронова.

— Иди к кладовке, я сейчас фонарь вынесу.

Тугой луч фонаря упрямо уперся в темную дверь кладовки и, казалось, распахнул ее. А между тем это сам Юрка легонько толкнул ее плечом и она, крякая, отворилась.

— Гляди сюда! — с волнением сказал Юрка и направил свет фонаря на кучу макулатуры. Желтый кружок света блином лег на какие-то разломаченные тетрадки, с которых свисал странный красный хвостик.

— Что там?— спросил я.— Кончай загадки загадывать.

— Лезь на гору и потяни на себя — сразу поймешь. Я уже пробовал.

— И за этим ты ночью звал меня в кладовку?— возмутился я.— Может, мне еще и вашего кота Базилио за хвост потянуть?

— Потяни!— невозмутимо пожертвовал хвостом Базилио Юрка, и я ринулся на штурм бумажной горы. Ее вершину венчала стопка бумаги, перевязанная бинтом с аккуратным бантиком.

Я не поверил своим глазам — под бантиком лежал... галстук! Я дотянулся до стопки, стащил ее вниз и извлек галстук. Под ним, поверх стопки, открылась тетрадка.

— Посвети-ка еще,— попросил я Юрку и прочел: «Тетрадь по математике... Камилова Фархада».

— Вот и разгадка! — воскликнул Воронов. — Шерлоку Холмсу тут уже делать нечего.

«А может, недоразумение?— думал я, все еще не веря, что наш Фархад способен на такое.— Ерунда какая-то... С чего бы вдруг?..»

— Откуда все-таки здесь галстук?— спросил я.— Как это вообще понимать?

Юрка усмехнулся:

— Спроси об этом хозяина галстука, да и макулатуры тоже.

— Ты думаешь, кто-нибудь из наших?

— Вот чудак! Кладовка-то наша, кто же станет дарить нам бумагу задарма?— Юрку, похоже, начинала бесить моя непонятливость. Наверное, тот бегемот Жужу, из цирка, казался Юрке смышленнее...

И тут я рассмеялся:

— Слушай, Юрка, ну и бараны же мы с тобой,— до такой простой вещи не додумались!

Юрка непонимающе уставился на меня.

— Слушай,— затормошил я его.— Ведь он сам себя с головой выдаст!

— Как же?

— Без галстука завтра в школу придет! Вот ведь он — его галстук...

Юрка схватился за голову:

— А ведь точно!.. Ну, ты — прямо Шерлок Холмс...

— Чего уж там...— отмахнулся я.

Надо ли говорить, с каким нетерпением мы с Юркой ожидали утра. Первыми пришли мы в школу и стали с независимым видом прохаживаться во дворе. Никто, конечно же, не мог догадаться, что мы не гуляем, а осуществляем тайную операцию.

Вот появились Сервер Мамбетов и Гуля Мирзаулукова... Здесь все в порядке... Ага, вот и Андрей Никитенко!.. Но что это — Мубар Ахмедов — без галстука?!

Мы с Юркой обменялись понимающими взглядами и решительно двинулись навстречу Мубару.

— Где твой галстук?— нетерпеливо спросил я.

— Что ты?— шарахнулся в сторону Грызун. Юрка схватил Мубара за локоть и повторил:

— Где галстук?.. Говори... А то щас ка-ак... Грызун нервно зашарил по карманам и, к нашему изумлению, невесть откуда достал помятый галстук и резво приладил его.

— Вот... вот г-галстук!— его губы испуганно подрагивали.

— Что вы, р-ребята!..

— Что!... Что!..— передразнил я его.— Носить надо галстук, а не прятать в кармане, как бутерброд.

— Не успел надеть... Торопился...— Мубар боязливо поглядывал на наши все еще стиснутые кулаки.— Шутите, да?

— Смотри,— пригрозил я.— Угодишь в «Улыбку»— будет не до смеха.

И мы отошли от Мубара.

— Гляди,— насмешливо кивнул Юрка.— Их превосходительство Кулак следует по маршруту «родимый дом — родная школа».

— Тоже без галстука,— шепнул я.

Когда он приблизился к нам, мы отважно преградили Кулаку дорогу и я спросил:

— Галстук, небось, в кармане?

— А тебе-то что?— усмехнулся Васька.— Давно щелбана не получал, соскучился?

Глаза его издевательски смеялись, но я все равно заставлял себя говорить спокойно. Я сказал:

— Или сейчас же достань галстук, или будем говорить в другом месте. Я знаю, что говорю.

— Один на один говорить будем — или как? — уточнил Васька.— Здесь или за котельной?

Нас окружили ребята, живо привлеченные разгорающейся ссорой. Подошел и физрук.

— Что, бокс?— улыбнулся он.— Или каратэ? Могу и посудить. Кстати, перчатки не нужны? Могу вынести...

Увидев физрука, Кулак разом сник:

— А мы не деремся...

— Где галстук?— не уступал я.

Кулак снял ранец, открыл его и достал галстук.

— Вот он... Чего пристал?

Когда прозвенел звонок и вошли ребята, мы растерялись. Без галстуков были Дворянский, Марик Егоров, Фархад и Зульфия Закирова. Кто же из них?.. Я вышел к доске.

— Минуточку внимания!

— Балтабаев с утра всем взбучку дает! — хохотнул Кулак, но я пропустил его реплику мимо ушей.

— Ребята,— у нас случилось ЧП,— начал я и все поутихли.— Кто-то из нашего отряда вместе с макулатурой... сдал... свой пионерский галстук.

Я почему-то решил не говорить пока, как было на самом деле. Мне казалось, что никто нам с Юркой не поверит. Правда, Юрка предлагал заранее снова сделать стопку такой, какой она предстала нашим глазам в сарае... Но заставить себя увенчать галстуком бумагу я не смог.

Все инстинктивно потянулись к шее, ощупывая галстук.

Класс завертел головами, пеленгуя провинившихся. Зульфия, не ожидая приглашения, поднялась из-за парты.

— Я дома забыла,— пролепетала она.

— Это мы еще проверим,— заметил Юрка.

Марик гордо вынул галстук из кармана брюк.

— Ну а вы?— спросил я понуро стоящих у парт Фархада и Аркадия.

— Дома оставил,— буркнул Фархад.

— И я...— поспешил вставить Дворянский. Я посмотрел на Стеллу и сказал:

Ты председатель совета отряда, ты и говори.

— Отец ты наш!..— встрял Кулак, отбивая шутовские поклоны в сторону Стеллы.

Стелла покачала головой:

— М-да, товарищи. Мы яростно боремся за звание правофлангового отряда, а они еще и с галстуком не научились обращаться. Кто же из вас это сделал — признайтесь честно?

Все трое молчали.

— Разве признаются?— Стелла махнула рукой.— Пустая затея.

— Ничего, мы всех их сейчас пошлем по домам — поглядим, кто в галстук придет.

И тут в класс вошла наша англичанка Тамара Петровна.

— В чем дело?— спросила она по-английски.— Кого это вы с уроков демобилизуете?

Мы умолкли, смятые стремительным натиском чужеземной речи.

— Балтабаев, переведи, что я сказала,— велела она, подойдя к столу.

Я ответил запальчиво:

— А можно, Тамара Петровна, я лучше переведу, что я сказал?

— На английский переведешь?— одобрительно посмотрела на меня учительница.— Что ж, послушаем.

— Нет,— ответил я.— Переведу на русский.

— С русского на русский?— улыбнулась Тамара Петровна.— Оригинально.

Я вздохнул:

— Понимаете, они трое без галстуков пришли. И нам, понимаете, очень-очень важно, чтобы они сейчас же сбегали домой... — Я смотрел на

учительницу умоляющими глазами, и она дрогнула.

— Раз так — пусть идут!— сдалась Тамара Петровна.

Фархад, Аркадий и Зульфия скрылись за дверью.

О, что это был за урок! Не припомню случая, чтобы сидение за партой было для нас более мучительным, чем в тот раз. Мы с нетерпением поглядывали на дверь, дожидаясь ребят, плохо понимая, о чем говорит Тамара Петровна и вызванные ею к доске мученики. Не было сейчас для нас дела важнее истины — кто же все-таки уравнивал галстук с макулатурой... Первой, как мы и думали, появилась Зульфия, — она живет ближе всех, прямо у школы. На ней был галстук. Вторым был Арик — тоже в галстук.

Все было ясно — оставался лишь Фархад Камилов, и значит это его галстук мы нашли в макулатуре. Класс штормило. Все переглядывались и делились мнениями о поступке Фархада. Тщетно взывала Тамара Петровна к тишине. Да и нужна ли была нам сейчас тишина? Хорошо, если бы один Фархад без галстука оказался, а то ведь целая толпа народу. И это только у нас. А в других классах?.. И все ведь отделяются шуточками, смешками. Ведь что нас возмутило — вовсе не забывчивость, не младенческий склероз наших товарищей, а их равнодушие. Подумаешь, мол, галстук не надели... Здесь он, родимый, — лежит себе спокойненько в кармане или в портфеле.

Почему возможно такое? Почему?.. Вот что волновало нас больше всего...

— Можно?

Мы замерли.

В дверях стоял запыхавшийся Фархад. На нем был прекрасно выглаженный галстук.

— Садись, Фархад, — разрешила учительница. — Только долго ходил.

— Я искал, где галстук лежит, — лепетал Фархад.

Если бы не прозвенел звонок, Тамара Петровна, наверняка, пригласила бы в класс директора — шум поднялся невероятный. Легко сказать: у всех галстук — плюс галстук в макулатуре. В чем же дело? Кроссворд да и только!

Стелла закричала, перекрывая общий гул:

— Останемся после уроков. Проведем экстренный сбор. Никому не расходиться. Правда от нас не уйдет...

... — Случай ужасный, — сказала Стелла, открывая сбор. — Но еще ужаснее, что только сегодня мы наглядно увидели, как некоторые наши товарищи относятся к галстуку. А ведь это очень серьезно. Это ведь... как... эстафетная палочка от поколений борцов и тружеников... И вообще...

Стелла волновалась, щеки ее покраснелись.

— Ведь стыдно как, ребята! Мы торжественное обещание давали...

— Можно мне, Стелла? — поднялся я.

Хван кивнула и села на место, уступая боевые позиции.

— Предлагаю! — тяжело сказал я и умолк, как бы решив еще раз продумать то, что собираюсь сейчас сказать. И когда решение окрепло во мне, стало огромным и неудержимым, я сказал:

— Предлагаю исключать из пионеров каждого, кто без уважения относится к галстуку.

В классе воцарилась тишина — та самая, которой весь урок напрасно добивалась Тамара Петровна. А я продолжил:

— Кто-то из троих обманул нас. Но кто?

— Что ты имеешь в виду, Балтабаев? — тихо спросила Стелла.

— Могу объяснить, — кивнул я. — Кто-то из них успел взять взаймы галстук вместо того, которого и не было.

— У кого взял займы?

— Пожалуйста... У Зульфии братишка во вторую смену учится — могла взять галстук у него.

— Да ты что?— вскочила Зульфия.— Пойдем домой, спросишь у него.

— Погоди кипятиться... Может, и не ты. У Арика тоже есть братишка. Он ведь в пятом учится — так, что ли Арик?

— Так!— торжествующе сказал Арик.— Но зато пятиклассники, как и мы, учатся в первую смену!

— Верно, в первую,— согласился я и перевел взгляд на Фархада:

— А что у тебя?

— Сестра у меня,— пискнул Фархад,

— Лазокат, что ли?

— Она.

— Забавно!— покачал я головой.— Она же десятиклассница!

И вдруг Фархада будто подменили. Он поднял голову, расправил плечи — его словно мигом надули уверенностью и силой — так наполняют воздухом пустой баллон,

— Верно... десятиклассница...— сказал он, заворожено прислушиваясь к собственным словам и, вдруг угадав в них спасительный смысл, сказал с напором:

— Все правильно — десятиклассница! И уже давно не пионерка! И значит я не мог взять у нее галстук. Верно ведь?

— Ах, ты еще и в наступление пошел?— закипел я.— Помалкивал бы лучше.

Я поглядел на Юрку Воронова — чего, дескать, молчишь? Из-за твоей находки сыр-бор разгорелся. Юрка нехотя поднялся.

— История загадочная получается,— сказал он.— Есть галстук, но нет хозяина — все отказываются. Не знаю, что и подумать... Может, и случайность...— он развел руками и сел.

— Кончай собрание!— загромыхал Кулак. — Все ясно: слушали — постановили!..

Мы с Юркой шли домой подавленные и усталые. Юрка первым нарушил молчание:

— Мистика какая-то. Кота нет, а улыбка его осталась — как в сказке про Алису, помнишь? Чей же все-таки галстук?

Так размышляя, мы дошли до магазина. Я вспомнил, что у меня кончились краски, а Юрке нужны были тетради. Продавщица Хасият-апа, скучая, сидела на табуретке и читала журнал, а завидя нас, спросила приветливо:

— Тоже в Ташкент на слет отличников посылают? Поздравляю!

— А почему вы так решили, Хасият-апа?

— Был у меня сегодня один такой. Прибежал как на пожар и торопит: давайте скорей новенький галстук, Хасият-апа! Я удивилась — куда человек спешит? А Фархад мне и объяснил: его на слет отличников выбрали делегатом, вот он и решил галстук обновить, чтобы смотреться молодцом... Может, и вам галстук?

— Нет, Хасият-апа... мы просто так зашли...— заикаясь, сказал я...

Так мы узнали тайну, которую Фархад пытался скрыть от всех.

ЗАКОН ЕСТЬ ЗАКОН

Утром я зашел за Стеллой.

— Опять что-нибудь? — встревожилась она. Я невесело усмехнулся:

— У тебя, похоже, аллергия на меня: если пришел — значит плохую весть принес. Так, что ли?

— Знаешь, после вчерашнего сбора...— начала было она, но я спешно перебил ее, продолжив:

— ... который будет завершен лишь сегодня!

— Да ты что?!— воскликнула она.— Нас эдак и учителя засмеют, скажут — ну и шестиклассники, сутками заседают, как бюрократы: в прениях до обморока выступают, протоколы пишут.

— Не пишем мы протоколов,— угрюмо сказал я.— А вот что ты ответишь на такую новость: галстук, в котором вчера пришел Фархад, он купил в магазине!

— Это проверено?— встревожилась Стелла.

— Абсолютно! Хасият-апа подтвердила. Он нас всех обманул.

— Значит, все-таки это он сдал галстук с макулатурой?

— Гляди, что я несу,— сказал я. С этими словами я развернул лист, на котором дома написал объявление:

«Все! Все! Все! Сегодня после уроков состоится экстренный сбор, посвященный исключению из пионеров обманщика Фархада Камилова».

Стелла читала долго, я думаю, раз десять успела прочитать, прежде чем нашла, что сказать.

— Даешь ты жару!— возмутилась она.— Разве так можно? Еще и суда не было, а ты уже и приговор объявил. Полагаешь, надо его исключить?

— Не я — справедливость так полагает. И Торжественное обещание тоже...

— Наверное, ты прав,— вздохнула она. — Такое трудно простить. Но все равно... Может, недоразумение?..

— Прощать вообще не трудно!— отрезал я.— Но прощать такое — нельзя!

Когда я вывешивал в классе объявление, ребята окружили меня и засыпали вопросами:

— Неужели за вчерашнее?

— Он ведь принес галстук... Не сурово ли?

Я молчал.

Наконец прозвучал последний звонок и Стелла привела старшую пионервожатую Розу Хегай, которая не могла поверить, что мы собрались по такому решительному поводу, и поверила, лишь увидев объявление. Когда все уселись, Стелла, волнуясь, сказала:

— Экстренный сбор отряда, посвященный вот этому вопросу,— тут Стелла кивнула на плакатик, — объявляю открытым. Вчера мы долго говорили об отношении

отдельных пионеров к красному галстуку...

— О безобразном отношении! — уточнил я.

Роза укоризненно посмотрела на меня — помолчи, мол, будет еще и тебе слово.

— Поэтому,— продолжила Стелла,— говорить долго не придется. Фархад Камиров обманул нас, — сказал, что оставил галстук дома, а сам пошел и купил в магазине.

Трудно описать бурю, которая прокатилась по классу. Фархад вжался в парту.

— Это не все! — закричал я.— Вы забыли главное — он сначала сдал свой галстук с макулатурой, а потом еще и обманул нас.

— Пусть выйдет к доске, нечего прятаться!— так стали кричать все.— Вчера бойко держался.

— Иди сюда, Фархад,— пригласила его Стелла.— Держи ответ перед товарищами.

Фархад вышел как человек, который не выучил урок, и вот неожиданно вызван к доске.

— Не знаю, как получилось!— пролепетал Фархад.— Я бумагу бинтом связал... Хорошо помню. И отнес в кладовку,— все ведь туда относим. А куда галстук делся — и сам не понимаю. Он... в раздевалке вчера пропал... И тетрадка... тоже пропала...

— Ну, конечно!— хохотнул Кулак.— Тетрадка тебе в раздевалке плавки заменяла!

— Да не в раздевалке она пропала!— отчаянно воскликнул Фархад.— В классе... Вот тоже — к словам цепляется.

— А галстука почему поутру не хватился?— спросил я.

— Хватился, как не хватился!— возразил Фархад.— Как в школу пришел, сразу и хватился.

— Это когда мы спрашивать стали?

— Ну... А может, галстук со стула упал — и в стопку?.. Она рядом была.

— Это мы хватились, а не ты,— возразил Юрка.— Это во-первых. А во-вторых, уж больно аккуратно он упал — прямо под бантик. Снайпер, прямо...

— И тетрадки ты не хватился! — веско добавила Стелла.— Так что не выкручивайся.

— Да когда же успеть хватиться!— развел руками Фархад. — Вы же меня... Сразу...

— Разоблачили!— торжественно заключила Стелла.

Фархад молчал.

— А потом ты нас обманул и побежал новый галстук покупать,— сказала Стелла.

— А что я мог сделать?— заметался загнанный в угол Фархад.

— Правду сказать — вот что! — выдохнул я.— Правду! А ты — наврал... Гляди теперь вот сюда и читай,— я показал на Законы юных пионеров — они вывешены у

нас в отрядном уголке, на самом видном месте в классе.

— Сам читай, если забыл,— огрызнулся Фархад.

— Не выкручивайся, читай, вслух читай Законы наши!

Фархад согласился:

— Пожалуйста, могу и прочитать.— Он подошел к отрядному уголку, вздохнул и зашамкал:

— Пионер предан...

— Дальше... дальше...— остановил я его.

— Пионер готовится...

— Дальше.

— Пионер честный...

— Вот-вот, как раз то, что надо! Читай.

— «Пионер — честный и верный товарищ, всегда смело стоит за правду», — унылым голосом пробубнил Фархад.

— Ну вот, — сказал я. — А как ты считаешь — ты выполняешь этот закон пионеров? Ты — честный товарищ?

Фархад молчал.

— Тогда слушай, как считают твои товарищи — не выполняешь! А значит и Торжественное обещание не выполняешь? Так ведь?

Фархад виновато вздохнул и, набравшись духу, сказал:

— Зато я остальные законы выполняю. Так что общий счет один — семь. Так ведь?

Я покачал головой:

— Э, нет, Фархад. С законами так не бывает. Эдак любой вор на суде попросит прощения, ссылаясь на то, что он нарушил лишь одну статью Уголовного кодекса — ту, что карает за воровство, а все остальные оставил в покое. Так дело не пойдет...

— Я не вор! — отчаянно завопил Фархад. — Не я это!.. Не я!..

— Все ясно, — мрачно подвела итог Стелла. — Ставлю на голосование. Она обвела всех взглядом и четко произнесла:

— Кто за то, чтобы ... временно... исключить из пионеров Фархада Камилова — за невыполнение пионерского закона и Торжественного обещания и вообще за вранье и трусость, — прошу поднять руку.

Начали считать.

— Двадцать пять — за! — сказала Стелла.

— Кто против?.. Так — Кулаков против.

— Воздержались? — Итак, понятно, трое воздержались...

Фархад, хлопая глазами, смотрел на нас, будто не понимал, что происходит.

— Фархад Камилов! — голос Стеллы зазвенел тугой струной. — Пионерский отряд имени Лени Голикова большинством голосов исключил тебя из пионеров. За вранье и за плохое отношение к галстуку...

Стелла решительно подошла к вконец растерявшемуся, обмякшему Фархаду, развязала тугой узел и стянула галстук.

Фархад все еще не верил происходящему. А может, надеялся, что, как обычно, мы потребуем честного слова не повторять случившегося — и баста.

Фархад угрюмо спросил:

— А ч-что теп-перь будет со м-мно-ю?

Стелла кивнула:

— Законный вопрос... Отвечаю: будешь делом доказывать, что заслужил — примем. Так ведь, ребята? Только это не скоро будет. Очень не скоро. Ясно?..

— Отдай ему галстук, — сказал я.

— Как отдай? Мы ведь... — растерянно заморгала Стелла.

— Я не об этом. Пусть отнесет галстук обратно в магазин Хасият-апе.

Стелла протянула галстук Фархаду.

— На, беги, выручай свой рубль.

И тут лицо Фархада исказила гримаса. Он нелепо дернулся и выбежал из класса. Мы сидели подавленные происшедшим.

Поднялась Роза — вожатая.

— Что же, ребята, разговор у вас был серьезный. И продолжить его придется уже на заседании совета дружины. Надо бы всех наших фархадов к порядку

призвать, посмотреть, как у нас вообще все пионеры к галстуку относятся и как законы выполняют...

Я поднял руку:

— Роза, можно вопрос... Очень важный. Роза вздохнула:

— Верю, что важный... Сегодня ты, Балтабаев, вообще очень важный.

— Надо серьезно поговорить с Хасият-апой. Чтобы галстуки не продавала. Галстуки нельзя продавать. Нельзя!.. Нельзя!..

— Сложный вопрос,— вздохнула Роза.— Но, пожалуй, ты прав — надо подумать.

— Давно пора,— сказал я.

МАТ В ОДИН ХОД

Марик ходил важным индюком и всем нам показывал солидную бумагу. В бумаге, адресованной директору школы, было написано, что никто другой как он, Марик Егоров, ученик шестого класса Катта-Караванской средней школы имени Авиценны, приглашается в Ташкент на шахматный турнир. И хотя всем нам было чуточку досадно, что Марик выдает себя за важную птицу, мы радовались за него. Как же — шахматную честь школы будет защищать наш одноклассник. А это что-нибудь да значит. Не десятиклассник и даже не восьмиклассник — а наш товарищ и, можно сказать, современник.

Словом, в этот день все мы ходили героями. Это мы вырастили шахматиста такого высокого — аж поселкового — уровня! Потом Марик зашел со своей бумагой к директору и скоро вышел от Мумина Ахмедовича сияющий.

— Ну, что?— окружили мы Марика, и он, иронически оглядывая нас, покровительственно протянул:

— Конечно, разрешил... В среду отбываю в Ташкент на пять дней.

— Смотри, Марик, не подведи!— умоляли мы.— Хорошенько подготовься! Мы за тебя будем болеть.

— Болейте на здоровье! — милостиво позволил Марик.— А я уж как-нибудь за нашу общую честь постою.

— Посидишь!— уточнил я.— Шахматы ведь...

В среду мы всем классом провожали Марика к автобусу, а Стелла Хван даже принесла цветы.

— Ну вот еще... — сконфузился Марик. — Девчонка я, что ли, зачем мне цветы?

— А ты там на судейский столик поставишь. Где соревнования-то проходить будут?

— Ясно где — в Шахматном клубе.

Автобус взвизгнул, выдохнул облако горького сизого дыма и, пыля, резво покотил в Ташкент, а мы еще долго стояли и махали пыли.

— Тяжело ему будет одному,— вздохнула Стелла.— Трудно, когда нет рядом плеча друга.

— В шахматах не на плечо опираются, а на теоретическую подготовку,— солидно заметил Сервер Мамбетов.

Стелла упрямо тряхнула косичками:

— Все равно тяжело без зрителей, которые болеют за тебя.

— Раз так,— согласился Сервер,— можно поехать в воскресенье и поболеть за нашего Марика. Погодите, он сказал, что турнир продлится пять дней... Значит, это будут финальные игры — в самый раз потребуются...

Сервер скосил глаза на Стеллу и довершил:

— ... плечи друзей!

Мы решили, что поедем всем классом — вот это будет плечо так плечо! С трудом дождались воскресенья. К автобусу пришли все, кто смог — двадцать семь человек. Мы нетерпеливо торопили шофера:

— Скорее... Скорее, дядя Алишер! Там наш Марик, может, решающий бой ведет, а нас нет рядышком, Тяжело ведь ему.

— Болеть едете?— добродушно улыбался дядя Алишер.— Молодцы! Я бы, имея таких болельщиков за спиной, сто гроссмейстеров на лопатки уложил!

— Не опоздать бы только к началу игр,— вздохнул я.— Чтобы увидел, на сколько плеч он может опереться.

Высаживая пассажиров на городской автостанции, дядя Алишер предупредил нас:

— А вы не выходите — отвезу куда надо, сами-то вы полдня добираться будете. Где соревнования проходят?

— В Шахматном клубе. Это близко, за десять минут домчим. Подъезжая к клубу, мы увидели Марика — он шел в группе незнакомых нам ребят и о чем-то возбужденно рассказывал им. На его лице играла улыбка.

— Все в порядке!— облегченно выдохнул я.— Смотрите, как улыбается — значит, хорошо идет турнир.

Когда мы поравнялись с группой, я высунул голову из окна автобуса и крикнул:

— Марик, мы здесь! Даешь первое место!

Мы высыпали из автобуса, и, наскоро попрощавшись с дядей Алишером, бросились к Марик, засыпая его вопросами, обнимая и тормоша. Но удивительное дело — увидев нас, Марик почему-то изменился в лице: исчезла безмятежная улыбка, которую мы только что видели из автобуса. Марик отвечал нам нехотя, уклончиво и все время прятал глаза.

— Ты чего это, Марик?— насторожился я. — Или друзьям не рад, а мы ведь болеть за тебя приехали, помогать...

— Рад я,— тускло отвечал Марик, и голос его слегка дребезжал.

«Волнуется, наверное,— подумал я.— Может, плохо играл — вот и думает сейчас, что мы его ругать будем. Неловко ведь плохо играть, когда у тебя столько болельщиков».

Марик уныло спросил:

— А вы где болеть будете?

В зале, конечно,— сказал я.— Туда пускают?

— Не знаю,— Марик как-то неопределенно пожал плечами и вдруг сказал: — Там душно... Может, здесь где-нибудь пока погуляете... У Анхора... Или мороженое поедите, а?.. А я скоро выйду. Быстро сыграю.

— Да что ты говоришь!— воскликнула Стелла.— Мы ведь болеть за тебя приехали, а на речку и в поселке можно ходить.

Марик почему-то не ответил, неловко повернулся и побежал к поджидавшей его группе. Мы переглянулись.

— Что это с ним?— испуганно спросила Стелла.— Ничего не понимаю.

— А я понимаю, — вступил в разговор Сервер Мамбетов, капитан нашей баскетбольной сборной.— Это обычная вещь в спорте — перенапряжение называется.

Мы вошли и сели на свободные места в самом конце.

— Вон наш Марик,— показала Стелла.— За третьим столиком. Ух ты, какая каланча напротив!

— Верзила! — согласился я. — Такого голыми руками не возьмешь.

— Это вам не бокс, а шахматы,— мудро заметил Сервер.— Можно даже с Эйфелевой башней за столик садиться — здесь вам война голов, а не бицепсов!

На нас зашикали, потому что вышел демонстратор, и мы своей возней мешали остальным зрителям.

— Какое-то бессмысленное боление,— вздохнул я.— Сиди и смотри на сцену. Вот если бы заорать, как на футболе: «Марик, банку давай!..»

Стали мы болеть — скука, доложу вам, смертная, но вскоре мое внимание привлек театральный бинокль, к которому прикладывался дядечка, сидевший впереди меня. «Вот это вещь,— подумал я. — Все видно. Хоть бы разочек глянуть!..» — и неудержимо потянулся к дядечке и тронул его за плечо.

— Пожалуйста!..— взмолился я. — Дайте разочек глянуть!

Тот нехотя протянул мне бинокль, и ребята сразу же устремили на меня завистливые взгляды. Я поспешил приложиться к окулярам, и повел биноклем, отыскивая Марика. Ага, вот его сгорбленная фигура! Вот ведь какая сила — бинокль: кажется, протяни руку — и незаметно снимешь ферзя у долговязого противника Марика... «Интересно, с кем играет сегодня наш Марик?»— подумал я и перевел взгляд на табличку, стоявшую перед доской, за которой склонились шахматные рыцари. И вот что я увидел:

Рифат Загратдинов — Марик Егоров
(Кишлак Учкуприк) (Пос. Йигирма-Киз)

В первое мгновение я и не сообразил — что же в этой табличке нестерпимо резало глаза, и лишь перечитав еще раз, воскликнул:

— Там ошибка!

— Где ошибка? В чьей позиции?— обернулся мужчина, давший мне бинокль.

Не отвечая ему, я спешно протянул бинокль Серверу:

— Глянь скорее на табличку, там ошибка! Сервер долго вчитывался в текст и наконец оторвался от бинокля. Закусив губу, он процедил:

— Кажется, я что-то начинаю понимать в этой позиции. Понятно, почему Марик растерялся, увидев нас.

— Объясни, в чем дело?— возмутился я.

— Ну так слушай,— вздохнул Сервер и, наклонившись ко мне, зашептал на ухо:— Это не ошибка. Просто Марик играет за сборную наших соседей из поселка Йигирма-Киз. Поэтому и испугался нашего приезда...

— Да разве это возможно?— растерялся я, обезоруженный такой разгадкой.

Сервер вздохнул:

— Как видишь,— бывает.

— Что случилось?— потянулись к нам ребята, и я сказал:

— Приветствую вас, пылкие болельщики из поселка Йигирма-Киз!

Ребята переглянулись, а я, выждав минуту, грустно покачал головой:

— Да-да, я не оговорился. Марик играет не за нас, а за наших соседей. Нате, читайте его паспорт...

И я протянул бинокль Стелле.

— Ловко!— только и сказал она, передавая бинокль теперь уже Мубару.

Владелец бинокля заволновался, увидя, как поплыло по рукам его оптическое сокровище.

— Сейчас вернем,— успокоил я его.— Мы хотим хорошенько рассмотреть позицию.

— Ну что ж,— согласился дядечка.— Я подожду. В первый раз вижу таких страстных зрителей.

Мы решили, что будем сидеть до окончания финальной партии — уж очень хотелось нам теперь поглубже заглянуть в глаза Марику. Наконец к столику, где сидел Марик и Каланча, подошел главный судья, вскоре поднялись и партнеры. Марик устало улыбался; Незримый радиоголос объявил:

— В партии Загратдинов — Егоров победу на тридцать восьмом ходу одержал Марик Егоров из поселка Йигирма-Киз, занявший, таким образом, первое место в

личном зачете. Через пятнадцать минут состоится награждение победителей шахматного турнира сельских школьников.

Мы переглянулись.

— Ну что?— спросил я.— Поздравим друг друга с победой?

— Айда к нему!— зло сказал Сервер.— Я ему сейчас такой мат в один ход поставлю — всю жизнь фигуры собирать будет!

Мы зазмеились к сцене. Марик стоял уже внизу и отвечал на рукопожатия и поздравления незнакомых нам ребят. Увидев нас, он сразу же сник.

— Поздравляем!— сыпанул Сервер и, когда Марик протянул к нему слегка подрагивающую руку, демонстративно спрятал свои руки за спину.

— Ты что?— обиделся Марик.— Разве так поздравляют?

— Руки пачкать неохота,— ухмыльнулся Сервер.— Пусть тебе руки в Йигирма-Киз пожмут.

Марик вспыхнул, но ничего не ответил. Стелла вдруг заплакала. Сквозь слезы она выговаривала:

— А мы... мы... болеть за тебя... п...плечо друга...

— Ребята, я не виноват,— горячо заговорил Марик. — Честное слово! У соседей в поселке не хватило одного сильного игрока — вот они и предложили мне.

— Но в письме же ясно было сказано — ученик из Катта-Каравана,— остановил я его.— Тоже, выходит, вранье?

Марик замялся.

— Не знаю... Это без меня готовили.

— Ясно!—сказал я.— Без меня меня женили! Ты, Марик, сегодня сам себе мат поставил.

— В один ход! — уточнил Сервер.— Пошли, ребята, нас здесь, похоже, не ждали сегодня.

Марик вздрогнул:

— Пойдите, ребята, не уходите... Я... Они сказали, что, если я выиграю — мне второй разряд обеспечен.

— Второй разряд?— сощурился Сервер.— А почему ты его не зарабатывал, играя за родную команду?

— А у нас нет сильной команды,— сказал Марик.— Сто лет ждать придется.

— А ты не жди — воспитывай других, нас привлекай в команду. Вон, у меня тоже второй разряд по баскетболу. Так что же думаешь — я его зарабатывал, играя за какой-нибудь Владивосток? Как бы не так. Работаем мы! Борьба икр и бицепсов.

Я махнул рукой:

— Пошли, ребята, партия окончена — пора смахивать с доски фигуры.

К нам подошел незнакомый мужчина, а с ним и те ребята, что были с Мариком раньше.

— В чем дело, Марик?— спросил мужчина.— Кто это к тебе пристает? Уж больно агрессивно кулаками машут.

— Мои друзья, — тихо сказал Марик и уточнил:

— Из Катта-Каравана.

— Ах, земляки!— улыбнулся мужчина. — Ну тогда совсем другое дело. Поздравляйте, ребята, товарища. Отличного воспитали шахматиста!

Я выступил вперед и запальчиво выдохнул:

— Как шахматиста его можете поздравить вы, а вот как друга мы его не поздравим. Он сам себе мат в один ход поставил.

— Какой еще один ход?— растерялся мужчина.

— Предательский!— спокойно заверил я.— Про такой в ваших шахматных книгах не пишут.

Мы дружно заспешили из зала.

— Куда же вы, ребята?— едва не плача, воскликнул Марик.— Сейчас же награждать будут.

Я обернулся:

— Вот и получай свои награды, мешать не будем.

Мы вышли из шахматного клуба и только тут отдышались — так все разволновались.

— Поехали на автостанцию, — сказал Сервер.

В этот миг резко распахнулась дверь и к нам вылетел взъерошенный Марик.

— Ребята, и я с вами!— задыхаясь, выпалил он.— Возьмите меня отсюда... Пожалуйста... Давайте лучше и вправду свою команду создадим. Не нужен мне их второй разряд, я его и у нас заработаю.

— А как же награды?— неуверенно спросил я.

— Награды?— махнул рукой Марик.— Не надо мне наград — я с вами хочу.

И мы, крепко взявшись за руки, помчались к трамвайной остановке. Уже с остановки мы увидели у дверей клуба растерянную группу — мужчину в окружении ребят. Они потоптались у дверей и скоро вошли обратно в клуб.

— Трамвай идет!— обрадованно воскликнул Марик и торопливо зашарил в карманах.

— Стоп!— сказал Сервер, схватив его за руки.— Сегодня я угощаю билетами.

— А можно — я?— заискивающе заглянул мне в глаза Марик.

— Рано еще тебе угощать,— возразил Сервер и опустил руку в зазвеневший карман.

СНОВА ЛЕЙТЕНАНТ КУРБАНОВ

Урок английского начался с того, что Тамара Петровна вызвала к доске Юрку Воронова — исправлять последнюю двойку.

— Ты готовил текст?— сощурила глаза учительница. Юрка вздохнул и разложил учебник. — Бигининг плиз,— пригласила Тамара Петровна.— Начинай.

Юрка вздохнул и, задыхаясь, прочитал:

— Вхат из уоур намэ?

— Что ты тужишься?— скривилась Тамара Петровна.— Стелла, прочти как следует.

— Вот из ё нейм?— бойко отчеканила Хван и ловко поймала на лету одобрительный взгляд учительницы.

— Читай дальше,— обреченно разрешила Юрке Тамара Петровна.

Юрка вздохнул и послушно заворочал булыжники слов:

— Хав олд аре уоу?

Все засмеялись.

— Поздравляю, Воронов! Ты, действительно, исправил двойку. На единицу...

И тут в класс без стука вошел директор школы

Мумин Ахмедович.

— Проходите, товарищ лейтенант,— сказал он, обращаясь к кому-то, все еще стоявшему за дверью. И к нам вошел мой старый знакомый — лейтенант милиции Курбанов — тот самый, который помогал мне в Ташкенте около цирка караулить невинно пострадавшего из-за меня владельца газика.

— Садитесь, ребята!— махнул рукой Мумин Ахмедович и обратил взгляд ко мне:

— Балтабаев, встречай - это к тебе и твоим друзьям.

Я поднялся из-за парты, не зная, что говорить. Но заговорил сам милиционер.

— Нужна ваша помощь, ребята.

Он подошел к столу, за которым сидела изумленная Тамара Петровна, достал из кожаной сумки большой конверт и высыпал из него на стол фотографии.

— Мы нашли машину с номером, который уточнили по телефону. Помните, Мумин Ахмедович?

— Это я уточнил!— хвастливо сообщил Васька Кулаков.— Это я запомнил!— и он обвел класс гордым взглядом.

— Все верно,— кивнул лейтенант Курбанов.— Товарищ Кулаков помог нам уточнить номер машины — тринадцать - тридцать, и мы ее разыскали. Но прежде, чем передать дело в рыбоохрану, мы хотели бы, чтобы вы посмотрели на эти вот фотографии. Нужно исключить возможность ошибки.

Я подошел к столу, который был весь устлан сейчас фотографиями.

— Погляди, есть ли среди них знакомые?— предложил лейтенант.

Я без труда выбрал снимки браконьеров — бородача и его спутника.

— Хорошо,— кивнул лейтенант.— А теперь пусть подойдут те, кто был с тобой у озера.

Первым поднялся Васька, а за ним подошли к столу Сервер, Юрка, Мубар... Браконьеров узнали все. Лейтенант Курбанов перевернул указанные нами карточки: на их обороте стояли карандашные кресты.

— Все верно, они!— заключил милиционер.— Братья Шахабовы.

И стал собирать фотокарточки.

— А что теперь будет?— спросил я.

— Теперь этим будет заниматься уже рыбоохрана. И суд. Имейте в виду: возможно, вы еще потребуетесь как свидетели.

— А что?— вскочил Васька Кулаков.— Лично я всегда готов помочь правосудию!

Я не выдержал и процедил сквозь зубы.

— Тише, Кулак! Еще неизвестно, за кого тебя на суде посчитают — за свидетеля или за браконьера...

1:0 В ПОЛЬЗУ ЛИЧНОГО ПРИМЕРА

— На море,— сказал вдруг Акрам,— мамсикам и болтунам делать нечего.

— Это кто мамсик?— обиделся я на брата.

— А хотя бы и ты! — безжалостно усмехнулся Акрам.— Я ведь читал твою газету «Улыбка» — смех да и только.

Я насторожился:

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что ты только и умеешь, что пером и языком чесать, да товарищей критиковать. Можно подумать, что руки у тебя еще и не родились.

Я уставился на Акрама — яснее от его слов не стало. А Акрам продолжал:

— Ты ведь уже заклевал в своей стенгазете тимуровцев Костю и Замиру. Всюду у тебя плохие они — бабкам не помогают, а только варенье и самсу истребляют у них с завидной скоростью.

— Все верно!— запальчиво воскликнул я. — Им Грызун помогает.

Акрам резко поднял руку, и слова мои, будто наехав с ходу на этот шлагбаум, смешались и рассыпались.

Я умолк.

— Помолчи, — мягко сказал Акрам. — Молодой ты еще, салажонок. Послушай, что брат говорит — может, сгодится.

Я кивнул, дескать, говори — смиренно внимаю.

— Ну так вот, — вздохнул Акрам. — Личного примера не вижу.

— Это как еще? — растерялся я.

— Очень просто... Урюк, говоришь, у бабки Натальи воробьи рубают? А ты пробовал собрать его?

— Не я ведь тимуровец! — обиделся я. — Костя и Замира у нас за бабушку Наталью головой отвечают.

— А кто у вас за них головой думает? — улыбнулся Акрам. — У тебя ведь что получается — газета твоя критикует, а воробьи грамоте не обучены и газет не читают.

Я вздохнул:

— Как же подтолкнуть наших тимуровцев?

— Личным примером! — подхватил Акрам. — Личным примером, братишка, таких засонь только и расшевелишь.

— Ты уверен? — заколебался я. Акрам улыбнулся:

— А ты попробуй. И друзей подключи.

— Можно попробовать, — без всякого энтузиазма протянул я, представив себе, как нелегко будет мобилизовать на помощь бабушке Наталье тех, кто за нее «не отвечает».

— Ладно, — вздохнул я. — Попробую провести собрание, поговорю с ребятами.

Акрам вспыхнул.

— Собрание? — округлил он глаза. — Делов-то всего — приставить лестницу, да сто раз руку к ветке протянуть.

Он вдруг умолк, и, как мне показалось, утратил интерес к разговору.

На следующий день на большой перемене я подозвал к себе Сервера, Андрея и Ваську.

— Ребята! — нарочно громко сказал я, чтобы Костя и Замира наверняка услышали меня. — Есть важная работа: предлагаю сегодня помочь бабушке Наталье собрать урюк! Какое будет мнение?..

— Урюк? — изумился Кулак. — Разве Костя еще не слопал его?

— Шутки в сторону! — резко сказал я. — Идете или нет? Ночью пойдем...

Сервер с Андреем кивнули — согласны, мол. Комментарии излишни. А Кулак погладил себя по животу, ухмыляясь.

— Отчего же нет. Можно и поработать. Бабка-то спит...

— Сиди лучше дома! — взвился Сервер.

До конца уроков я искоса поглядывал на Костю и Замиру, готовясь снять плоды с моих хитроумных педагогических угодий. Судя по их безмятежным лицам, сев у меня прошел неудачно... «Ничего, — говорил я себе, — терпение и еще раз терпение. Акрам прав: надо помочь бабушке Наталье».

Договорились, что, сделав уроки, мы в двадцать два ноль-ноль тайно — точно как у Гайдара — выскальзываем из дома и собираемся у ворот бабки Натальи. Андрея Никитенко мы обязали принести фонарь. Темно ведь будет...

— Провели собрание, Ваше Бюрократие?— спросил Акрам, хлопнув меня дома по плечу. А я ведь думал, что он уже и забыл о нашем разговоре.

— Провели, Ваше Издевательство! — обиженно буркнул я.

— И что же решили?

— Решили принять меры.

— Ага!— подхватил Акрам.— Все ясно. Небось, и протокол вели? Представляю, что вы в него записали — «Об изыскании возможности оказания содействия бабке

Наталье в деле съема плодов — в дальнейшем именуемых урюком — во избежание поедания последних хищниками отряда воробьиных» — так, что ли?— Акрам захохотал.

Я обиженно уткнулся в тетрадь.

— Завтра узнаешь,— проворчал я.— Потерпи.

— Что ж, потерпим,— согласился Акрам.

В половине десятого я сослался на усталость и объявил всем, что иду спать. Плотно закрыв дверь, я осторожно вылез в окно и побежал к месту встречи.

Скоро все заговорщики собрались, кроме Андрея.

— Вечно у него что-нибудь!..— ворчал Сервер.

И тут мы увидели Андрея. Он бежал изо всех сил. Запыхавшись, он подбежал к нам и показал... красный фотофонарь, который используют при печатании карточек, чтобы несколько разогнать темень и при этом не засветить чувствительную бумагу.

— Это еще что?— изумились мы.

Андрей виновато залепетал:

— Я не виноват... Софит перегорел... Вот, решил хоть это захватить.

— Надейся на тебя...— рассердился я.— С твоим фонарем далеко не уедешь... В смысле — ничего не увидишь. Знал бы — хоть спички захватил.

Делать было нечего. Мы осторожно ступили во двор бабки Натальи. Бархатные сумерки плотно окутывали садик. Сквозь ветки деревьев зияли звезды — казалось, это они, а не урюк, оттягивают сейчас ветки деревьев. Я представил себе, как лезу по длинной-предлинной лестнице и наконец долезаю до спелых звезд, срываю их и складываю в корзину...

Мои мысли прервал довольно ощутимый удар локтем Андрея:

— Слышь, лестницу ищи, а я к колодцу пошел. Фонарь надо включить — у колодца розетка есть.

— Вот и включи — сразу лестница найдется,— прошептал я.

— Тогда давай искать вместе.

Наконец мы наткнулись на сруб, Андрей включил переносной шнур и мы потянули его к деревьям. Хватило в самый раз. Андрей торжествовал:

— Я же говорил.

— Погоди радоваться,— остановил я его.— Включай свой фонарь.

Фотофонарь затеплился красной тусклотой.

— М-да!—вздыхнул я.— С таким прожектором только урюк собирать.

— Его выше поднять надо,— сказал Андрей.— Где лестница? Давайте так — вы урюк собираете, а я вам свечу. Идет?

Мы расстелили под урючиной тряпки и приставили к стволу лестницу.

— Полезли, — шепнул я. — Я лезу первым, а ты, Андрей, следом за мной — светить будешь.

— А мы? — спросил Сервер.

— По очереди,— ответил я.— Все равно ничего не видно.

Мы с Андреем поднялись к самой, казалось бы, перспективной ветке. Я повесил ведро на сучок и огляделся. Ни одного урюка я не увидел:

— Вот черт!— заругался я.— Или воробьи уже слопали весь урюк, или твой фонарь имеет свойство освещать всё, кроме урюка.

Делать было нечего... Мы приставили лестницу ко второму дереву.

— Можно, я полезу?— с горячностью предложил Сервер. — У меня глаза, как у кошки.

— Ладно, лезь,— согласился я и потянулся к фонарю.— Давай, теперь моя очередь держать эту штуковину.

Андрей отдал мне фонарь и мы с Сервером полезли.

— Ну, что видят твои глаза?— спросил я, когда и сам увидел, что урюка нет и на этом дереве.

— Ничего не понимаю...— растерянно произнес Сервер.— Пусто, как в брюхе голодного циклопа.

— А ты потряси,— посоветовал снизу Андрей.— Если есть — вниз попадают.

Сервер вздохнул, крепко взялся обеими руками за самую толстую ветку и дернулся всем туловищем. Ветка вздрогнула и заходила вверх - вниз. Зашуршали листья, но урюкового дождя мы не услышали.

— Тише ты, — испугался я. — Только бабку разбудим.

— А ты уверен, что урюк... был?— засомневался Сервер.

Я вспыхнул:

— А ты уверен, что у твоих родителей есть сын по имени Сервер?

Мамбетов вздохнул:

— Куда же он тогда делся?

— Воробьи съели — ясно куда!— сокрушенно сказал я.— Будут они ждать, пока мы соберемся проявлять активную жизненную позицию.

— Не ехидничай!— прервал меня Сервер.— Остается два дела — сделать из сегодняшней ночи вывод на будущую весну и...

— И топать по домам!— заключил я.— Андрей, отключай свою коптилку.

Я влез через окно в свою комнату, как вдруг в темноте раздался голос Акрама:

— Как работалось, братишка? Собрали урюк?

И вслед за этим ярко вспыхнула настольная лампа.

— Я вздрогнул. Вот ведь мудрый! Узнал все-таки, что я уходил. И даже догадался — куда...

— А ты проникательный,— хмуро сказал я.— Только поздно мы собрались — воробьи там до нас поработали на совесть.

Акрам неожиданно для меня сказал:

— А вот Костя и Замира думают иначе!

— Это в каком смысле?— насторожился я.

— В самом хорошем... Прослышав, что вы собираетесь снова заседать, вместо того, чтобы взять ноги в руки и поскорее мотать к бабке Наталье, я встретил

после уроков Костю с Замирой и попросил их помочь мне...

— Так это вы собрали весь урюк?!

— Смышленный ты,— усмехнулся Акрам.— Так, да не совсем... Просто они были в восторге от того, как вы сконфузитесь, обнаружив, что уже все сделано до вас. Они рассказали мне, как ты группу свою агитировал, чтобы в ночное пойти, и мы решили вас опередить.

— А воробьи?— растерянно протянул я.

— Не без воробьев — много они урюка побить успели. Но все равно шесть ведер мы собрали... Это еще не все,— продолжал Акрам.— Бабка Наталья завтра

ждет вас снова — я сказал ей, что вы хотите косточки из урюка вынуть и по крыше его разложить — отличная будет на зиму курага. Не возражаете?..

— Я... нет... всегда готов!

— Вот именно!— остановил меня Акрам.— Во-первых, не надо всегда — надо когда надо. А, во-вторых, не надо ночью — можно и днем. Добра бояться не надо, а значит и прятаться незачем.

— Один ноль в твою пользу!— вздохнул я.

— Не в мою,— возразил брат.— В пользу личного примера.

КИСА СЕРДИТСЯ

Что и говорить, Акрам здорово обставил нас, бросив якорь в урюковом саду... Наутро, придя в школу, я не смел поднять глаза на участников нашей ночной экспедиции. Зато Костя с Замирой ходили петухами. Я долго терпел, но наконец не выдержал и подошел к Косте:

— Зря фасонишь, между прочим! Уж твоей заслуги и на грош нет. Это все Акрам затеял.

— Ты об урюке?— небрежно спросил Костя.— Так вот что я тебе скажу: брат у тебя — кошки ловчее, настоящий моряк. Он по деревьям, как по корабельным трапам и реям птицей порхал, мы за ним едва поспевали. Удовольствие смотреть, как человек работает.

— Ну и что же?..— прервал я его излияния.— Так все и будешь удовольствие от чужой работы получать?

— Я тоже работал,— надулся Костя.

— Хватит об этом. А вот как же с Рафаэлькой будет — с внуком Ханифы-апы? Небось, ждете, когда он женится или в институт поступит? Ведь еще на сборе говорили, что надо бы помочь Ханифе-апе отводить внука в детсад.

— Она нам не доверяет.

— Пойдем к ней вместе и уговорим доверять.

Костя вздохнул — похоже, его мало радовала хлопотная перспектива — стать человеком, которому доверяют.

— Пойдем,— уныло согласился он.

К Ханифе-апе мы пошли в воскресенье утром. Она возилась во дворе с коровой. Тугая струя молока дзинькала о дно подойника.

— Ханифа-апа,— начал я.— Вы почему Рафаэльку тимуровцам не доверяете? Они обижаются.

Корова косила на меня красноватым глазом. Глаз на черной корове был как яичница на сковороде — разве что не шкворчал. «У, злюка», — подумал я про корову.

— Да разве я обижаю!— заохала Ханифа-апа.— Я ведь по журналу «Здоровье» поступаю — хожу ради сердца своего, укрепляю его, значит. Километр в детсад, километр домой — вот уже и здоровья на целый день. Здоровья ради, детки мои, сама хожу с Рафаэлькой.

Мы были озадачены. Не станешь ведь Ханифу-апу отговаривать от желания настойчиво укреплять сердце ходьбой. Вот и будь после этого тимуровцем... Тут, действительно, ничем не поможешь... Корова нетерпеливо обмахивалась хвостом, склонив голову на бок и явно прислушиваясь к аппетитному дзиньканью подойника. И тогда меня осенило. Я толкнул Костю:

— Слушай, может, корову будем отводить?

— В д...детсад?— ошалело уставился на меня Костя.

— Балда!— разозлился я.— Кто ж корову в детсад водит — на луг, говорю, водить ее надо — пастись. Это тоже ведь отличная помощь.

Не дожидаясь ответа Кости, я наклонился к хозяйке:

— Ханифа-апа, можно, мы корову попасем на лугу?

— А не побоитесь?— улыбнулась Ханифа-апа.— Она у меня неласковая.

Я еще раз глянул в огненный глаз коровы и поежился — свирепый взгляд не обещал ничего хорошего.

— Как звать-то ее?— спросил я, заранее зная ответ, и осторожно положил руку на теплый коровий бок. Под рукой дышал вулкан.

— Кисой зову,— улыбнулась Ханифа-апа.

— Так мы попасем?— неуверенно спросил теперь уже Костя.— Можно?

Ханифа-апа поднялась с табуреточки, подойник был полон.

— Ну что мне с вами делать,— сказала она.— Конечно, не откажу — пасите, коли не можете без этого.

— Тяни Кису за веревку,— велел я Косте.— А я ее хворостинкой угощу, чтобы веселей шагала.

Я взял лозу и хлестнул Кису. Она вздрогнула и грозно наклонила голову.

— Тяни за веревку,— снова завопил я.— Видишь — в меня целит.

Костя потянул за веревку и корова нехотя пошла за нами, искоса поглядывая на меня.

— Ты ее не бей больше,— посоветовал Костя.— Шибко сердитая, с ней шутки плохи. Она и так дойдет.

Так и шли до самого луга. Костя, как бурлак на картине Репина, тянул толстую веревку, а Киса ленивой баржой плыла по проселку. Я нещадно лупил лозой макушки трав, распугивая кузнечиков и стрекоз.

На лугу мы вбили в землю колышек и привязали к нему веревку — пусть Киса теперь погуляет на привязи... Киса вела себя прилично — мирно брила наголо зеленую лужайку вокруг колышка. Припекало. Мы до одури наигрались и набегались. Легли в траву, вдыхая горький и пьянящий ее запах, от которого слегка кружилась голова. Костя сорвал сочную травинку, перекусил стебель и скривился — горько.

— Интересно все-таки получается,— задумчиво расфилософствовался он.— Вот корова ест такую горькую траву, а молоко получается сладкое. Здорово, да?

— Небось, молочка захотел?— поддел я Гришкина.

Костя перевернулся на спину и, заложив руки за голову, устремил мечтательный взгляд в облака, которые скучно брели над нами, словно белые коровы по синему лугу.

— Молочко — это хорошо!— согласился, после долгой паузы Костя. Он резко сел:

— Слушай, а ведь Ханифа-опа не рассердится, если мы немножко молочка попьем. Как ты думаешь?

— А где ты его здесь возьмешь?

— Чудак!— усмехнулся Костя и показал на Кису.— У нас тут по лугу целая цистерна молока бродит.

— Что тебе, дома молока не дают?

— Так то совсем другое дело. А тут — сами...

— Кису, что ли, подоить? А ты когда-нибудь пробовал?

— Не-а,— признался Костя.— Но что в этом особенного — раз и готово!

Я пожал плечами. Честно говоря, иметь дело с Кисой я почему-то не хотел.

— Разве что капельку,— неуверенно выдавил я.— Только, чур — доишь ты.

Костя обрадовался:

— Пошли к Кисе!

Киса возлежала на скошенной губами лужайке и обмахивалась хвостом, как опахалом. Глаза ее были мечтательно полузакрыты.

— Видишь, довольная какая!— шепнул я.— Наелась до отвала и настроение поднялось. А утром была злая, как собака.

Костя кивнул:

— Сейчас и у нас настроение поднимется. - Энтузиазма от его слов я почему-то не испытал.

— Сделай из газеты кулек!— приказал мне Костя, кивая на рулончик, торжественно стоявший у меня в кармане, как свежий букет в вазе. Я подчинился и стал прилежно скручивать газету в мини-ведро. А Костя осторожно потянул за веревку.

— Киса, Кисуля, вставай, маленькая!— заворковал он.

Корова и глазом не моргнула. Не глядя, она метко хлестнула Костю прямо по лицу. Костя отпрянул и продолжал подлизываться к корове:

— Кисуля, подъем! Вставай, Киса!

Он снова потянул за веревку, и Киса послушалась: нехотя поднялась и сонно уставилась на Костю, продолжая при этом болтать хвостом. Костя неуверенно шагнул к корове и издали погладил крутой бок, приговаривая:

— Смирная... ласковая... хорошая.... послушная...

Костя задабривал Кису, с каждым словом все теснее приближаясь к ней. Наконец он повернулся ко мне:

— Лезь под Кису и подставляй кулек.

— Да ты что?— возмутился я.— Это же корова, а не автомат с газированной водой! Ты что же думаешь — за рог потянешь — и она тебе кулек молока выдаст?

— Не кричи,— зашипел Костя,— без тебя знаю, что не автомат. Лезь, говорю, и подставляй кулек, пока она добрая.

— А ты?— недовольно спросил я.

— Доить буду, непонятно, что ли.

Я ползком забрался под Кису и, подставив кулек, шепнул:

— Готово! Лезь доить.

Костя осторожно полез под нее. Киса с интересом наблюдала за нашими манипуляциями.

— Начали, что ли? — неуверенно спросил Костя. Голос его дрожал.

— Начинай,— обреченно кивнул я.

Костя робко тронул вымя, но, видимо, сделал это совсем не так, как Ханифа-апа. Киса дернулась, дрыгнула ногой — и кулек полетел из моих рук, разорванный в клочья. Мы пулей выкатились из-под рассерженной Кисы и вскочили на ноги. Я мгновенно оценил боевую обстановку. Наше положение было безнадежным — мы проигрывали и в силе и в вооружении. Во всяком случае, ни я, ни Костя не располагали такими крепкими рогами, хотя они у Кисы и были подпилены малость. Киса утратила всякое благодушие и, тяжело дыша, презрительно осматривала нас, явно раздумывая, откуда ударить по врагу. Веревка туго натянулась.

— Сейчас кол вырвет!— крикнул Костя.— Бежим, пока не поздно.

Мы что есть духу припустились, по лугу. Мне казалось, что травы в сговоре с Кисой — они цепко хватили за ноги, словно хотели выдать нас рассвирепевшей корове. Легко вырвав колышек, Киса побежала за нами, а мы, позабыв обо всем на свете, мчались к дому Ханифы-апы. Взбежав на крыльцо, мы забарабанили в дверь:

— Ханифа-апа, Киса бодается!

Вышла Ханифа-апа.

— Я ведь говорила,— заохала она.— С Кисой не всякий сладит.

Она смело вышла навстречу вбегавшей во двор корове. Мы юркнули на террасу и сквозь дверную щелку испуганно глядели на Кису. А она ткнулась головой в передник Ханифы-апы и жалобно закричала:

— Му-у-у-у...

Мне даже показалось, что она хочет сказать: — Му-у-у-у учили меня... Му-у-у-у учили...

Но Киса оказалась благородной коровой — не выдала нас. Ханифа-апа привязала Кису и пошла к нам.

— Что, сыночки, перепугались?.. А я вам сейчас свеженького молочка налью. Подождите — я только Кису подою.

Костя замотал головой:

— Что вы, Ханифа-апа, какое там молочко — я его теперь месяц в рот не возьму!

Я глянул на Кису и удивился: она улыбалась, словно извиняясь за недавнее.

— Разве что по маленькой кружечке, — тихо сказал я — Набегались — аж во рту сухо...

— И Киса пить хочет,— сказала Ханифа-апа.— Надо ей водички налить.

Она взяла пустое ведро, но мы с Костей, не сговариваясь, бросились к Ханифе-апе и вцепились в ведро. Воду Кисе мы несли вдвоем.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В АДУ

После всех приключений с Кисой домой я вернулся под вечер.

— Ты где загулял?— сердилась мама.— Гляди, как отощал: скоро ты будешь не школьник Балтабаев, а испанский идальго Кожа-да-Кости.

— Мы молоко пили,— оправдывался я.— И самсу Ханифа-апа испекла. Вкусную.

Я говорил и неудержимо краснел. Вот ведь как получилось — сам попался на том, за что еще недавно критиковал других. Но, кажется, мама ничего не заметила. И только Акрам сказал:

— Всех коров один не перепасешь, всего урюка в поселке один не соберешь.

Меня насторожил тон, которым брат произнес это, и я вопросительно глянул на него. Акрам только того и ждал:

— Кустарно работаете,— хмыкнул он.— Вы — тимуровцы-любители. А тимуровцы у Аркадия Гайдара чем сильны были? Ну?!

И не дожидаясь моего ответа, Акрам продолжал:

— Организованностью... А вы — так, кустари-одиночки...

— Что же ты предлагаешь?

— Нет уж, ты сам предлагай.

— Может, нам Академию тимуровских наук в поселке открыть?

— Академии не надо. И диссертаций тоже...

— Тогда — тимуровскую Академию добрых услуг?— продолжал я. Эта мысль сразу же меня восхитила.

— Слушай! Кажется, в этом что-то есть! А?

— Похоже!— поддержал Акрам.— Считай, что полста процентов успеха уже в кармане. Главное — загореться и не потухнуть. Обмозгуйте все как следует.

Я долго не мог уснуть, обдумывая идею Академии, и чем ближе подкрадывался рассвет, тем больше она нравилась мне. Действительно, в том виде, как это было до сих пор, тимуровскую работу проводить в поселке больше нельзя. Сколько можно выслушивать смехотворные арифметические сводки о вымытых тарелках у подшефных старушек и о количестве переводов этих же старушек через перекресток, где машина проносится лишь раз в полчаса. Скучно и глупо. «Что можно сделать?— мучительно размышлял я.— Академии нужен постоянный дом. На первых порах можно из сарая Юрки

Воронова увезти всю бумагу и сдать, а сарай подновить, и здесь открыть Академию добрых услуг. И пусть весь поселок о нем знает. Надо кому урюк или вишню собрать — добро пожаловать в сельхозотдел: здесь живо сообразят, кого и когда напустить на фрукты... Отвалился кусок дувала — просим в наш строительный трест, залатаем глиной любые прорехи... Ну, а если радио поломалось, или, скажем, кастрюля прохудилась? Что ж, и от ремонта посложнее не отмахнется наша Академия. А раз так — то нужно ее делать общешкольной! Пусть в нее войдут ребята из всех классов, ребята постарше — и радио починят».

Я торопил рассвет, а он, как назло, не спешил... Я решил, что лучше всего выступить с докладиком по теме. Но, подумав об этом, мысленно прикусил язык. Я словно услышал укоризненный голос Акрама: «Лишь бы позаседать. Бюрократы несчастные...» Нет, решил я. — Надо сначала делом доказать, что это хорошая затея, а потом, глядишь, и другие классы загорятся. Поймут, что Академия добрых услуг — в сто раз лучше, чем нелепая погоня штатных тимуровцев всех классов за одними и теми же весьма немногочисленными старушками Катта-Каравана, которые вынуждены терпеливо подвергать себя заботе. Ведь что порой получается, — не шефы помогают старушкам, а наоборот — старушки выручают их. Сидит иной шеф и скучает. Нет работы.

— Бабуль, вам в магазин не надо?— спрашивает он.— А то я бы вас через дорогу перевел...

Заботливый, вроде, а сам про отчет думает — рапортовать-то надо.

Наутро я обо всем этом с жаром рассказал классу.

— Дело говоришь!— одобрительно кивнул Сервер.— Юрка, ты как насчет сарая? Отдаешь под Академию?

— А куда макулатуру денем? Ее у нас, пожалуй, с тонну сбудет. В школу бы перенести — так вожатая не разрешает. Здесь и без того гора бумаги, ее почти год не вывозят — то машины нет, то не принимают. Ерунда какая-то... И для чего, спрашивается, собираем?..

— Будут они за твоей бумагой машину присылать!— зло сказал я.— В городе из-за талонов на книги с ума сходят. Всю ночь в очереди с бумагой стоят, тюки, как муравьи, тащат... Нужна им твоя бумага, когда народ сам несет.

— А давай сожжем, если не нужна она никому,— бухнул Кулаков.

— Сам ты никому не нужен,— отрезал я.— А макулатура нужна. Государству нужна.

— Так ведь не вывозят!— воскликнул Васька.— Не вывозят ведь!

— Не вывозят,— согласился я.— Значит сами вывезем и заставим принять.

— На чем вывезешь — на самокате, что ли?— рассмеялся Кулак.— Дивизию самокатов надо.

— Не надо дивизию! — спокойно сказал я.— Машина будет. Договорюсь...

— С отцом, что ли? — насторожился Кулак,

— Не твоя забота. Сказал, будет машина — значит будет!

— Будет машина — будет и Академия!— сдался Кулак, и мгновенно переменял тему: раз академия — значит, нужен и президент!

И все разом согласились — Академии добрых услуг нужен президент. А значит нужно его выбрать.

— Может, есть президенты-добровольцы?— неуверенно спросила Стелла Хван.— Прошу поднять руки.

Руку поднял лишь Васька.

— Ты что?— удивилась Стелла.— Аж в президенты свою кандидатуру выставляешь?

— Ничего подобного,— поднялся Кулак.— Просто слова прошу. Я вот что думаю — пусть в Академии будет и отделение по тасканию желающим тяжелых сумок с базара. Я лично — с удовольствием. Мне бицепсы все равно накачивать надо.

Мы засмеялись. А Стелла сказала:

— Твое предложение, Кулаков, мы примем во внимание.

И тогда поднялся я.

— Что, Балтабаев?— спросила Стелла.— Ты ведь уже охвачен поручением. Редактор сатирической стенгазеты...

— У меня есть предложение,— повернулся я к Камилову: — Фархад, хочешь быть президентом?

Фархад изумленно открыл рот: вот уж чего не ожидал после недавнего исключения из пионеров — так это предложения стать президентом Академии добрых услуг!

Все умолкли, ожидая, что скажет Фархад. Он залился краской и начал нервно шарить руками по парте, теребя тетрадки и учебники. Наконец он набрался духу и вымолвил:

— Но ведь... меня... ведь я...

Он смешался и умолк.

— Знаю, о чем ты думаешь,— сказал я.— Только зря. Мы ведь тебе предлагаем, чтобы ты делом оправдал себя.

Стелла обрадованно добавила:

— Хорошее предложение! Ты-то сам как, Фархад?

И тут случилось неожиданное. Фархад беззвучно плюхнулся на парту и зарылся лицом в ладони. Я подошел и тронул Фархада за плечо:

— Ты не думай, что будешь один. Вон нас сколько...

САМОСВАЛ ЗАНИМАЕТ ОЧЕРЕДЬ

Вечером я удивился, увидев, что Акрам аккуратно укладывает свои вещи в чемодан.

— Куда собираешься?— спросил я.

Брат развел руками:

— Ясно куда — к родным пучинам, к Нептуну Тихоокеанскому. Отпуск-то кончается.

Вот ведь как. А я уже и забыл, что Акрам лишь в отпуске. Сразу стало грустно.

— Когда уезжаешь?

— Завтра — самолетом из Ташкента. В шестнадцать двадцать.

— В Ташкент автобусом поедешь?

— Думал, что автобусом. Но папа, оказывается, завтра самосвал в Ташкент посылает за лесом, вот Билял Гиреевич заодно меня и подбросит.

— Папа Сервера?— воскликнул я.— Ну, конечно! Он ведь самосвал водит!

Нельзя было терять ни минуты. У меня созрел великолепный план. Нужно уговорить Биляла Гиреевича погрузить в самосвал нашу макулатуру, проводить в аэропорт Акрама, а потом сдать макулатуру. Вот и очистятся хоромы для нашей Академии.

— Ты собирайся пока,— сказал я брату.— А мне к Серверу срочно надо...

Я мчался к Мамбетову и всю дорогу заклинал небеса, чтобы отец Сервера оказался дома. Билял Гиреевич понял меня с полуслова и сразу согласился помочь.

— Мне-то что,— сказал он.— Я в город воздух везу, а вот обратно нагружусь. Но порядок есть порядок. Ты с шефом поговори — с папкой своим, значит, — пусть

Гафур Рахимович все по закону разрешит. Путевой лист нужен.

— Будет!— заверил я его и заторопился.

— И чтобы в путевой лист про вашу бумагу вписали!— крикнул уже вдогонку Билял Гиреевич.

... А папы дома все не было и не было.

— Задержится он сегодня,— вздыхала мама.— Днем предупредил, что они ночью что-то там испытывать будут.

Я скосил глаза на часы. Половина девятого.

— Мама, я на велике на рудник сгоняю,— сказал я. — Мне очень надо.

Мама вздохнула:

— Один до дома никак не доберется, другому в родных стенах не сидится, третий — и вовсе чемодан пакует.

Голос ее задрожал, и мне стало ужасно жаль маму. Я прижался лицом к маминой руке и зашептал:

— Мам, я быстро... Очень нужно, понимаешь?

— Разве что быстро.

Выкатить за калитку свою верную «Каму» было делом мгновения — скоро я уже мчал к руднику. Издали было видно — в отцовом кабинете горит свет. Я оставил велосипед на лужайке у подъезда управления и взмыл по лестнице.

— Здравствуйте, тетя Лена! — сказал я секретарше отца. Она быстро прислонила палец к губам:

— Тихо... Совещаются... Не получилось у них что-то... А тебе-то чего надо?

Я важно ответил:

— Вот — на прием пришел.

— Таинственный ночной посетитель?— улыбнулась секретарша.

Ответить я не успел — что-то загромыхало в углу и я с трудом узнал голос отца.

— Леночка,— басил отец,— вы можете быть свободны. А мы задержимся. У вас ко мне ничего?

— Ничего, Гафур Рахимович, — спешно ответила тетя Лена пластмассовой решетке на тумбочке.— Только вот ... посетитель к вам,— спохватилась она.

— Кто?

— Володя.

— Какой Володя? Из какого отдела?

— Не из отдела он. Сынок ваш — Балтабаев-младший пожаловал.

Решетка селектора затрещала. Я понял, что потешается весь кабинет. Вслед за этим отворилась дверь и выглянул взволнованный отец.

— Случилось что-нибудь?

— Угу!— кивнул я.— Самосвал нужен. Отец округлил глаза.

— Если можно — поточнее. И быстрее — у меня люди.

Я быстро объяснил ситуацию. Отец вздохнул:

— А ты не мог поговорить дома?

— Не мог. Все равно мы с тобой разминулись бы. Так и не поговорили бы — а Билял Гиреевич отвозит Акрама в город на пустой машине.

— Все знаешь!— усмехнулся отец.— Откуда утечка информации?

— Секрет фирмы!— повеселел я.

— Ладно,— согласился отец,— велю утром диспетчеру выдать Мамбетову путевку на вашу бумагу. Только не задерживайте его — на лесосклад опоздает. Договорились?

Назавтра мы грузили в чашу самосвала нашу бумагу. Ох, и много же макулатуры мы собрали, оказывается! Сервер ворчал:

— Еще месяц пособирали бы вот так, безвывозно — и пришлось бы уже не самосвал, а целый вагон подгонять. Не понимаю, зачем бумагу собирать, если так неохотно за ней приезжают.

— Не догадываешься?— спросил я.— А зачем дядечкам из «Вторсырья» к нам машину за макулатурой гонять, если книголюбы ее сами носят как муравьи? От них ведь отбоя нет. Объяснял ведь уже...

— Дела!— вздохнул Сервер.— Все равно не понимаю. Ведь чем больше, тем лучше — так ведь? Лес спасаем, деревья оберегаем.

— Всем — так,— согласился я.— А кому-то, наверное, не совсем так.

— Неправильно это!— сердито мотал головой Сервер, грузя бумагу...

Решили, что с макулатурой поеду я. Во-первых, к себе в кабину Билял Гиреевич больше двоих не возьмет. Один из двоих — Акрам. Так кому же ехать провожать Акрама, как не братишке? А значит — мне. Акрам подал руку Серверу, Юрке и Косте, мы забрались в широкую кабину, стрельнули дверцей и самосвал мягко запылжил к шоссе.

У аэропорта мы вышли и обнялись.

— Дальше идти не надо. Не люблю долгих прощаний,— твердо сказал Акрам.— Адрес знаешь — пиши на пароходство, перешлют. Буду ждать новостей из Академии. Надеюсь, одной болтовней не закончится?

Я вспыхнул:

— Ты что ж, думаешь, выбрали президента — и все? Сам видишь — бумагу везу, сарай расчистили — теперь там будет не склад, а Академия.

— Все равно пиши, что получилось.

Акрам, словно тискама, сжал мои плечи, поднял чемодан и, махнув на прощанье Билялу Гиреевичу, не оглядываясь, быстро пошел к аэровокзалу и скоро растворился в людском аквариуме...

* * *

Мы подъехали к постовому милиционеру. Я вышел и спросил:

— Скажите, пожалуйста, где тут макулатуру сдают?

— За талоны, что ли? Во-он в том доме.

Уже издалека мы увидели изрядный хвост терпеливых книголюбов. Смешно было бы становиться в очередь с самосвалом. Я решительно протиснулся к окошечку приемщика.

— Пожалуйста, примите вне очереди машину макулатуры!— гордо сказал я. — Из Катта-Каравана. Слыхали про такой?

— А мне хоть из Рио-де-Жанейро!— сонно ответил приемщик.— В порядке живой очереди. Кстати, слышал про такую?

Я кивнул. Но приемщик, похоже, не собирался успокаиваться.

— Раздвинь пошире уши и не говори, что не слышал!— громко и с вызовом сказал он.— С этими словами он по пояс хлынул в окошко - как горячая, разварившаяся каша.— Ты, пацан, наверное, думаешь, что тут одни пни сидят? Ошибаешься, дружок! Я, если хочешь знать, диплом самой чистой пробы имею! И кстати говоря, выпускник географического факультета. Не веришь? Ну так держи против своего Катта-Каравана!..

И он, на потеху очереди, расстрелял меня неслыханными и диковинными названиями:

— Бет-Пак-Дала!.. Химена-де-ла Фонтера! Фос-ду-Эмбира!.. Ван-Кань-Донг!.. Вади-Абу-Авасиг!.. Караул-Кельды!.. Принципи-да-Бейра!.. Сан-Франциско-де-ла Кадета!.. Эль-Ксар-Эль-Кебир!.. Салар-де Уюни!.. Бююк-Караштыран!.. Цаган-Хайрхан!.. Канзас-Сити!.. И так далее!!!— заключил он.

Он с явным сожалением умолк. Толпа бешено заплодировала, и приемщик, улыбаясь, раскланялся, а затем, как улитка, уполз обратно, довольный произведенным эффектом.

— А теперь — прошу в очередь, сэр!— заключил он уже из своей ракушки.

Очередь зашумела. Особенно выделялся визгливый голос морщинистой бабуся в толстых очках:

— Какой невоспитанный мальчик!.. Мы тут всю ночь дежурили, а ему без очереди охота. Совсем распустились. Вот в наше время молодые люди макулатуру без очереди не сдавали. Как сейчас помню... Ездят тут всякие!

— Бабуля, я не за талонами стою, нам надо Академию открыть, а сарай бумагой завален — ведь уже полгода не приезжают за ней в школу.

— Не за талонами?— сощурилась старушка, явно теряя ко мне всякий интерес.— Ну, тогда не жалко. Сдавай, только побыстрее.

Последние слова бабуся больно задела меня. Не жалко... Это кому же не жалко? За свои хилых двадцать кило они вон как разволновались. А наш самосвал с отборной макулатурой, получается, не жалко? Да чем же наша бумага хуже? И где, спрашивается, справедливость? Кто сможет доказать, что нашей школьной библиотеке меньше нужны Дюма и другие макулатурные классики? Почему, спрашивается, мы должны просто так валить в кучу нашу бумагу, а не получать, как и вся эта толпа, заветные талончики на книги? Где тут справедливость? Обидно...

Я досадовал на себя, на всех нас. Ну, почему нам раньше в голову не приходило, что можно самим отвозить и сдавать макулатуру? Если взяться всей школой — так давно бы уже библиотека ломилась от книжек! Нет уж, решил я, стиснем зубы и станем в очередь — в нашем самосвале никак не меньше сорока талонов! Это же сорок книг — целая полка! Добыл же однажды Юрка Воронов талончик на «Королеву Марго». Имею ли я право лишить сейчас нашу библиотеку сорока хороших книг?..

И я сказал старушке:

— Извините, бабуля, но я пошутил. Как это — не за талонами?! Разве наша бумага из другого теста?

— Тогда — в очередь!— гневно махнула она рукой, и толпа сомкнулась, явно опасаясь, как бы наш самосвал нахально не влез без очереди в образовавшуюся брешь.

— Не волнуйтесь, бабуля!— сказал я. - Мне бы только бечевки сыскать побольше бумагу перевязать.

Тут приемщик просунул голову в окошко и сказал:

— Сдавать — сдавай, а на талоны и не рассчитывай.

— Это почему же?— удивился я.

— Не положено. Школьники бумагу за деньги сдавать должны. За две копейки кило. Правило есть такое. И без всяких талонов. Это что за еще такое — выгоды

ищут, понимаешь! Не буду принимать — ясно?

Я едва не задохнулся от обиды. Да где же она — справедливость? Я скосил глаза на Биляла Гиреевича. Он, похоже, начинал нервничать. Поймав мой взгляд, он с мольбой в голосе сказал:

— Володь, ехать надо — склад ведь закроют. Как же я без леса вернусь?

— Билял Гиреевич, миленький!..— взмолился я.— Вы же видите, как... они...— я был готов расплакаться от бессилия и досады.

— погоди паниковать!— остановил он меня и сердито зыркнул на приемщика:

— Слышь, Канзас-Сити, а где еще бумагу принимают? Да только чтобы поблизости...

— Зря стараетесь, товарищ!— махнул рукой приемщик.— Никто не примет за талоны. Русским языком повторяю: по-ло-жение!.. А по две копейки — могу и без очереди.

Я опустил голову и уронил:

— Забирайте, если так...

Приемщик сказал:

— Пожалуйста, мне не жалко... Только имейте в виду: склад не резиновый, больше тонны сегодня не приму.

— Это что же будет?— вновь закипела книголюбивая старушка.— Мы мальчишку с машиной пропустим вперед, а сами пойдем домой?

Все зашумели и стали оттеснять меня от окошка. Я вернулся к машине.

— Что будем делать?— сердито спросил Билял Гиреевич.— Не везти ведь назад бумагу. Да и груз меня ждет на лесоскладе...

И тогда я вернулся к очереди и громко объявил:

— Товарищи! Кому нужна макулатура?

Все разом повернули ко мне головы.

— Продаешь, что ли? — поинтересовался какой-то парень.— Почем двадцать кило?

— Даром отдаю. Все равно государству достанется.

— Зачем даром,— отклонил мою щедрость парень.— Могу и купить. Хочешь — рубль дам?

— И я дам!— выкрикнул кто-то.

— И я...— протиснулась ко мне все та же старушка.

— Не надо мне ваших рублей — лишь бы бумага не пропала.

Я вскочил на подножку самосвала и шепнул Билялу Гиреевичу:

— Давайте задним ходом вон на ту площадку. Выгрузим.

Он понял и задергал рычагами. Скоро кузов дрогнул, натужно зашипел и, подрагивая, начал опрокидываться. Бумага полетела на землю.

— Берите, товарищи!— сказал я.— Макулатура — лучший подарок!

Просить дважды мне не пришлось. Очередь упала на нашу макулатуру и растащила ее по тюкам и тучатам. Я облегченно вздохнул — теперь и макулатура сдана, и Академию в Юркином сарае открывать можно. Билял Гиреевич потянул рычаг на себя и кузов плавно опустился.

— Поехали, что ли? — повеселел он.

Я кивнул и сел в кабину. Когда мы отъезжали, всю нашу макулатуру книголюбы уже разобрали. Они улыбались.

А мне почему-то было грустно.

«ВХОДИТЬ БЕЗ СТУКА»

Вернувшись из Ташкента, я тотчас помчался к Юрке. Здесь всю шла работа — ребята белили сарай снаружи и изнутри. Оно и понятно — кого привлечет Академия с обшарпанным фасадом. Юрка протянул мне свободную кисть:

— Держи, для тебя приготовили.

Побелка высыхала на глазах, становясь из блекло-водянистой - густо-белой: жгучее солнышко знало свое дело. Когда мы доканчивали белить сарай, та половина, что ребята начали без меня, уже высохла. Я стоял у белой стены, словно у холста, и раздумывал, как украсить ее.

— Тащи краски!— мигнул мне Сервер.— Надо сделать из сарайчика конфетку!-

На одной половине стены я крупно вывел: «Входить без стука!». На другой — «ККАДТУ».

Фархад напряг лоб, силясь расшифровать магическое слово.

— Что это значит?— не выдержал он. Я рассмеялся:

— Ну и президент — не знаешь, как собственная контора называется. Ведь это очень просто — Катта-Караванская Академия Добрых Тимуровских Услуг. Ясно?

— Язык сломаешь,— уклончиво ответил Фархад.

— Можно короче,— согласился я.— «АДУ», например — Академия добрых услуг.

— Совсем другое дело,— повеселел Фархад.— А от твоего «ККАДТУ» впечатление такое, будто шесть бурлаков разом ухватились за язык и тянут его в разные стороны.

Я остановил его:

— Ты бы, президент, больше думал не о вывеске, а о деле. Рекламу я беру на себя, а ты уж голову ломай, как работу вести. Айда в сарай, поглядим — что да где устроить.

— Не в сарай, а в Академию,— поправил меня Камиров.— Про сарай забудь.

Мы окунулись в полумрак, который рассеивал сейчас лишь сноп света, вливавшегося в дверь, а из щелей в черепичной крыше больно кололи солнечные кинжальчики.

— Так,— деловито начал Фархад.— Светящаяся крыша летом — это текущая крыша осенью. Черепицу надо будет перебрать.

— Где поставим верстак?— спросил я.

Решили — у правой стенки.

— Тогда,— рассуждал Фархад,— свет от лампочки будет падать слева.

— Кстати о лампочке,— напомнил Сервер.— Надо бы подумать и о ней. Кто проведет в сарай электричество?

— В Академию!— снова вспыхнул Фархад.

— Зря кидаешься,— усмехнулся Сервер. — Сарай, между прочим, по-узбекски значит дворец!

— Сам ты дворец!

— Тихо, драчуны, тихо!— поспешил я успокоить распалившихся академиков.— Не подменяйте дело парламентскими дебатами. А про лампочку сказано верно. Электричество нам сюда нужно в первую очередь.

— Можно от летнего душа провести,— предложил Юрка.— Там у нас есть свет.

— А кто проведет?— задумался Сервер.— Ты, что ли?

— Я не умею,— честно признался Воронов.

— Не волнуйся, мы тоже не умеем,— сказал Мамбетов.— Надо кого-нибудь из взрослых позвать.

— Может, тогда и Академия не нужна?— взорвался я.— С, первых шагов сами в добрых услугах нуждаемся. Толку от таких академиков, как от козла молока.

— Старая хохма!— скривился Сервер.— А вот беспомощности нашей нам не простят. Надо всему учиться, все уметь делать своими руками — это верно.

Фархад вздохнул:

— Ребята, я знаете чего боюсь — чтобы наша Академия не превратилась в рядовой Дом быта.

Мы были ошеломлены этим предположением. Мы, понимаешь, хотим сделать нашу Академию пионерской совестью поселка, а Фархад говорит про нее такие страшные слова. Какой еще Дом быта? Только этого не хватало...

— Погоди, Фархад,— задумчиво сказал я.— Все будет зависеть от нас самих. И потом — ни один Дом быта не ходит к заказчикам, а ждет, когда они сами его потревожат.

— Невелика разница!— хмыкнул Камилов.

— Погоди, это еще не все... В нашей Академии будут зоркие глаза и чуткие уши — разведчики. Они должны знать поселок как содержимое своего портфеля...

— ... И доносить нам, где и кто нуждается в нашей помощи?— перебил меня Фархад.

— Ты проникателен, президент!— кивнул я.

Фархад скривился:

— Не при чем тут моя проникательность,— все это еще Гайдар придумал в книжке о Тимуре.

Я пожал плечами:

— А разве мы это не знаем? Ведь мы и есть тимуровцы, гайдаровцы, а вовсе не камиловцы, мамбетовцы, или, скажем, балтабаевцы. Просто, мне кажется, мы не совершим большого преступления, если станем делать добрые дела открыто, а не под покровом тайны. Акрам, по-моему, прав.

— Можно и тайно!— сказал Сервер.

— Кое-что можно,— согласился я.— Но ведь смешно сейчас вспомнить, как мы ночью с красным фонарем для проявки фотокарточек собирали урюк у бабки Натальи.

— Пытались собирать!— поправил меня Сервер.

— Вот-вот... — продолжил я. — Андрей, пока розетку искал, чуть в колодец не свалился.

— Верно, Володя!— вступил в разговор Юрка Воронов.— Сейчас о тимуровцах знают все. И поэтому пусть знают все, где наш штаб, пусть знают, что мы умеем и что хотим делать, и пусть приходят к нам в любое время.

— Нужен Устав нашей Академии,— торжественно сказал Андрей.

— Стоп, ребята!— сказал я.— Давайте не будем начинать с бумаг. Иначе превратимся в скучную контору.

Расходясь по домам, мы договорились, что завтра каждый принесет в нашу Академию все инструменты, какие только сумеет раздобыть — ножовку, ножницы, рубанок, лобзик, молоток, гвозди, тиски... Ах, как много всего нам было теперь нужно! Мне же поручили ребята еще одно важное дело — найти в отцовской библиотеке книжку для электромонтеров, чтобы научиться свет проводить.

Папы еще не было дома, и я скользнул в его кабинет. Всю стену занимали здесь книжные полки. Я стал внимательно просматривать корешки и скоро увидел «Справочник электрика». Усевшись поудобнее в отцово кресло, я включил настольную лампу и принялся листать справочник. Он был мне явно не по зубам. Но не мог же я поставить его на место, а завтра доложить друзьям, дескать, трудное это дело — проводить электричество, а значит, надо вам, тимуровцам, бить челом в поселковый Дом быта... Нет, это было невозможно. И я, мучаясь, продолжал читать непонятные фразы. За этим невеселым занятием и застал меня отец.

— Вот и отлично!— сказал он, стягивая с себя пиджак.— Похоже, в доме растет рабочий парень. Электричеством заинтересовался?

Я вздохнул, положил книгу на столик и сказал:

— Трудно...

— Трудно! — согласился отец. — Легко только готовый шашлык кушать.

И тут он поинтересовался:

— Постой, а почему, собственно, тебя вдруг к электричеству потянуло?

— По очень важному делу,— уклончиво ответил я. — Секрет?

— Никакой не секрет — в Юркин сарай свет провести надо от летнего душа. У нас там тимуровский штаб будет. Академия добрых услуг.

— Вот теперь все понятно!— кивнул отец и, взяв справочник, поставил его обратно на полку.— Одно непонятно — неужели такой взрослый парень не понимает, что с электричеством не шутят. Так шарахнет, что ни одна академия не поможет. Мог бы сказать мне — прислали бы толклого электрика.

Я покачал головой;

— Никак нельзя, папа. Мы все должны делать своими руками.

Папа задумался. Потом вздохнул и заключил:

— А почему бы вам не поработать вместе? Смотри — столбы вы поставите, провод сами разматаете, лампочку, наконец, сами вкрутите. А электрик лишь

соединит вашу Академию с душем. Его работа по сравнению с тем, что сделаете вы,— сущий пустяк. Он только советовать будет.

Я молчал. И тогда отец сказал такое, что меня уже окончательно убедило покориться. Он спросил:

— Утюги чинить умеете? То-то же! А ведь будут и такие заказы. Не станете ведь объяснять народу, что вы таким премудростям не обучены. Вот электрик вас и научит утюги да электробритвы к жизни возвращать. Мировой он у нас парень!

— Как звать его?— спросил я.

— Эркин... Эркин Холматов. Послезавтра будет у вас. Только чур — без него не начинать! Договорились?

ОПЕРАЦИЯ «ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА»

Через три дня у аптеки, у почты, у магазина и в школьном дворе мы повесили деревянные ящички с щелочками. На ящичках я вывел надписи — «Для заявок». И чуть ниже подпись — «Академия добрых услуг», Надо ли говорить, как не терпелось нам поскорее получить первую заявку, чтобы доказать всем, на что мы способны. Быть может, больше всего мы хотели доказать это самим себе, только вслух об этом не говорили. Бывший Юркий сарай мы потихоньку подготовили к тому, чтобы в нем можно было производить мелкий ремонт — пилить, строгать, забивать. Яркая лампочка, свисавшая с потолка, бросала свет на сколоченный нами верстак, пока не засыпанный стружкой. Верстак, как и мы, жил ожиданием настоящего дела. Каждую перемену мы бегали к ящичку и... ничего в нем не находили. Ящички у аптеки, почты и магазина тоже молчали.

— Неужели никому ничего не нужно?— удивлялся Фархад.— Может, лучше походить и поспрашивать по дворам?

Нетерпение Фархада мы отлично понимали. Кроме всего прочего, он, конечно же, испытывал и досаду — как-никак он, а не кто-нибудь другой, избран президентом Академии добрых услуг. Первую записку — столь желанную и долгожданную — мы обнаружили лишь на третий день в ящичке на школьном дворе. Извлек ее сам Фархад. Его возбуждению не было конца. Глаза Фархада блестели.

— Вот видите,— говорил он,— посыпались заявки!

Бережно передавая друг другу полосатый клочок тетрадной бумаги, мы бесконечно читали: «Срочно нужна ваша помощь. Прошу с молотком, рубанком и гвоздями явиться сегодня в шесть часов вечера к оврагу». Многое в этой записке удивляло нас. Почему надо идти к оврагу? Почему автор не подписался? Почему, наконец, эта заявка была именно в школьном ящичке?

На все должен был дать нам ответ вечерний поход к оврагу.

— Ребята, надо сегодня отличиться,— сказал я. — Класс покажем во всем. И прошу одеться не как пиратам.

В половине шестого все мы — Фархад, Костя, Сервер, Юрка, Андрей и я — были в Академии. Мы захватили с собой все, что было названо в записке, а Фархад, помедлив, взял еще и ножовку.

— Где строгают, там и пилят!— авторитетно сказал он.— Если потребуется — далеко бежать будет. Лучше сразу захватить...

Мы спешно двинули к оврагу и ровно в шесть были на месте.

Постойте, вы ведь ничего не знаете о нашем овраге! О, это замечательное место! Памятник природы... Говорят, в Америке тоже есть огромный овраг — под названием Большой Каньон. Со всего света стекаются туда зеваки поглядеть на чудо природы, а их денежки бурными ручьями сбегаются в карманы ловких владельцев туристической фирмы «Овраг корпорэйшн лимитед». Я думаю, если бы кто-нибудь взялся сделать

толковую рекламу и нашему поселковому оврагу — народу хлынуло бы не меньше. И потом, что ни говори, к нам в Катта-Караван многим зевакам приехать и ближе, и дешевле. Незачем на чужие роскошные овраги пялиться.

И вот стояли мы у нашей достопримечательности — оврага, и никогошеньки не было.

— Подождем минут десять, — уныло сказал я.

— Может, опаздывает человек? — неуверенно предположил Фархад. — Бывает...

— Странно все это, — хмыкнул Сервер.

Мы разбрелись по берегу оврага, и вдруг услышали удивленный крик Андрея:

— Ребята, ко мне!

Мы сбежались.

На длинной палке, верхушка которой была расщеплена, болтался тетрадный листок с такой записью красным карандашом: «Обдурили дураков на четыре кулаков! Вашу АДУ мы АДУрачили!»

Я снял листок и хотел было разорвать в клочья, как вдруг Сервер схватил меня за локоть:

— Не рви... Пригодится....

Он взял у меня из рук листок.

— М-да! Великий грамотей, похоже, писал. Гляди — вместо «кулака» — «кулаков» написано.

— Постой, а не сам ли Кулак так посмеялся над нами?

И тут мы явственно услышали чей-то смешок. Мы разом! обернулись. Метрах в ста от нас колыхались кусты.

— А ну, окружай! — скомандовал я.

Кусты дернулись и, выскочив из них, кто-то, пригибаясь, помчался к дороге.

— Стой, говорю! — загремел Сервер.

Мы бросились догонять беглеца — это был Аркадий Дворянский, мы сразу же узнали его. Арик подбежал к старому карагачу у дороги, поднял велосипед, лежавший у ствола, и стремглав помчал по дороге. Бежать за ним не было смысла — теперь мы знали, кто разыграл нас.

— Как мы сразу не догадались, что это он написал, — вздохнул Андрей. — Так только он мог написать — известный грамотей.

— Ничего, — успокоил нас всех Сервер. — Дальше собственного дома не уйдет.

И мы спокойно пошли в поселок. У аптеки Фархад вдруг остановился.

— Загляну в ящик, — сказал он. — На всякий случай.

Фархад открыл ящичек и, к нашему удивлению, вытащил из него еще одну бумажку.

— Вот, еще одна, — недоверчиво сказал он. В голосе президента мы не уловили былой радости.

— Тоже, наверное, проделки Арика, — предположил он.

— Читай, что там, — поторопил я его.

Фархад развернул листок и прочитал: «Киса дувал продырявила, сама не починю. Помогите, ребята, а я вас молочком напою. Ханифа-апа». Фархад поднял голову:

— Что скажете?

— Похоже, что на этот раз не Арик писал. Больно грамотно...

— А может, он кого-нибудь еще подговорил?— предположил я.— Надо проверить. В один капкан дважды только болван попадает.

— Пусть только попробует!— не на шутку вспылел Сервер.— Я им настоящий капкан поставлю под их партой. Пошли к Арику,— и он решительно увлек нас за собой.

Аркадий сидел на куче бревен, сложенных пирамидой у дома, и улыбался.

— Зря ржешь,— хмуро сказал Фархад.— За такие шутки, сэр, по шее дают.

— Что, ложная тревога?— захохотал Дворянский.— Ничего, зато вы проверили свою боеспособность. Здорово мы с Васькой вас, а?

Конечно же, без Кулака и тут не обошлось. Удивительный все-таки человек. То хорошее сделает, то пакость. Ох, сложная натура... Кулак ведь, если хорошенько подумать, несчастный человек. За что ему, спрашивается, такая напасть — получать удовольствие от всяческих пакостей. И даже не знаешь, как помочь ему — ведь пропадает человек и сам этого не замечает.

— Тебя Кулак научил, да?— почти спокойно спросил я.

— Ты про нашу с ним операцию «Ложная тревога»?— улыбнулся Арик.

— Вы ей и название придумали?!— с издевкой в голосе воскликнул я.— А вот это, скажи, тоже ложная тревога?— с этими словами я протянул новую заявку.

Дворянский пробежал глазами и замотал головой:

— Не, не наша.

— Ты уверен?— я с недоверием смотрел ему в глаза.

— Честно говорю — не наша. Хотите — проверьте.

— Вместе проверим!— решительно сказал Сервер и потянул Арика за руку: — А ну, пойдём с нами к Ханифе-апе. И учти, если это новая ложь...

Арик не дал ему договорить, проворно вскочил с бревна и, высвобождая руку, протянул:

— Пожалуйста, могу и пойти — жалко что ли.

Ханифа-апа доила Кису, когда мы зашли во двор.

— Это ваша записка?— спросил я.— Вы писали?

— А разве непонятно?— забеспокоилась Ханифа-апа.— Разве я забыла подписаться?

— Да нет, подписано... А что с дувалом?

— Вот,— показала старушка.— Корова моя с дувалом поссорилась...

В глиняном дувале, выходявшем на улицу, зияла огромная брешь. Куски сухой глины валялись здесь же.

— Ума не приложу, чего они с Кисой не поделили!— досадовала Ханифа-апа.— Киса у меня смиренная — дувал валить по пустякам не станет, она у меня и ворота хорошо знает. А тут вдруг как вонзят рога!..

Я невольно поежился, мысленно порадовавшись тому, что я не дувал. Мало радости стать безъязыкой жертвой агрессии грозной Кисы. Уж не пытался ли дувал подоить Кису?..

Я глянул на Фархада и изумился. Его лицо светилось. Он, похоже, был так рад таинственной агрессивности Кисы и разрушению дувала Ханифы-апы, как будто это было драгоценным подарком лично ему. Но я понимал Фархада — президент Академии добрых услуг наконец-то добрался до дела.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

— Надо делать кирпичи!— объявил Фархад.

Мы были удивлены: это что же — кирпичный завод строить? Лишь для того, чтобы наложить заплатку на дувал?.. Мы, конечно же, шутили.

— Никакого завода не надо,— пыжился Фархад, не понимая иронии. — Все, что нам понадобится — формовка и глина. Глины у нас на целый город хватит, а формовку сколотим в сара... то есть в Академии,— поправился Фархад.

— А нужен ли тут кирпич?— засомневался я.— Налепим штук сто гуваляшек из глины, а когда катыши высохнут, забьем ими дыру. И все дела!

Фархад презрительно хмыкнул:

— Отстаете от века, товарищ редактор!

Меня, честно говоря, это обидело.

— Подумаешь, рационализатор!— не утерпел я.— Будто твой кирпич-сырец далеко от каменного века ушел.

Конец нашему спору положил рассудительный Сервер.

— Володя, ты неправ,— спокойно сказал он.— Во-первых, Фархад — президент, а значит его надо слушать. А во-вторых, кирпичи, и вправду лучше. Чем

спорить — займемся лучше делом — не то ведь опять до ночи дотянем и разойдемся ни с чем, кроме протокола спора.

Решили разделиться: Фархад с Андреем идут сколачивать формовку для выпечки кирпичей, а мы станем готовить глину.

— Кетмень или лопата есть?— деловито осведомился я у Ханифы-апы.

— В кладовке... Сейчас вынесу,— заспешила она.

У самого дувала мы стали рыть яму, рыхлить землю и легонько заливать ее водой. Яма наша, как ненасытная, шустро выпивала всю воду.

— Больше лейте,— распорядился Сервер, и мы с Костей заспешили с ведрами от колодца к яме.

— Кажется, хватит,— сказал наконец Сервер и, закатав выше колена штанины джинсов, полез в самое пекло. Ноги его, всхлипывая, сразу же глубоко провалились в мокрую вязкую глину и он, с трудом извлекая их из цепкого плена, принялся неистово топтать кашу.

— Чего уставились!— не вытерпел наконец он.— Скидывайте шузы и сигайте ко мне — глину надо месить, чтобы поспела.

Мы с удовольствием принялись топтать глину. Словно цепкий пластилин, она податливо мялась под нашими ногами и, честно говоря, было ужасно приятно ногам вот так давить ее. Рафаэлька, внук Ханифы-апы с восхищением наблюдал за работой, явно завидуя нам. Сервер задорно подмигнул ему, не переставая поднимать смачно чавкающие ноги:

— Ну, как тесто готовим? Нравится?

Несмышленьш Рафаэлька растерянно захлопал глазами и спросил:

— Это тесто, да? Значит, вы будете печь?

— Как же — конечно будем! — серьезно подтвердил Сервер.— Дувал новый будем печь. Гляди, какое тесто — как на дрожжах подходит!

Рафаэлька при этих словах встрепенулся и вдруг что есть духу помчался в дом, бросив на бегу:

— Я сейчас...

Он скоро снова подбежал к нам, держа в руке какой-то бумажный сверток. Его глаза сияли.

— Вот!— выпалил Рафаэлька.— Я в холодильнике взял. Держите! Это дрожжи, вы же сами сейчас говорили про них. Бабуля, я знаю, всегда их кладет в муку.

— В тесто,— поправил я.

— И тогда...— увлеченно продолжал Рафаэлька, явно не внимая моему замечанию,— вся мука горой поднимается. Это волшебный порошок, я знаю...

Рафаэлька на секунду умолк, чтобы перевести дыхание, потом довершил:

— Вы его тоже насыпьте в ваше тесто — его сразу много станет.

Костя захохотал, да и мы с Сервером с трудом сдерживались. Но черные Рафаэлькины глаза излучали такую радость, что мы оба, закусывая до боли губы, утерпели, не рассмеялись. А Сервер, не глядя на Костю, сердито сказал:

— Зря смеешься. Рафаэлька дело говорит.

Мы взяли у Рафаэльки пачку дрожжей и незаметно спрятали ее, чтобы потом потихоньку вернуть Ханифе-апе.

Тут подошел Юрка Воронов с мешками за плечом. Он нес наломанный в овраге сухой камыш. Его мы мелко нарезали садовыми ножницами и, высыпав в готовую глину, хорошенько все перемешали. Это нам Фархад наказал сделать так — чтобы кирпичи наши прочнее были. Скоро глина поспела, и мы стали ждать Фархада с Андреем. Наконец они появились, торжественно неся две формовки по два отделения в каждой и с держалками. Мы принялись осматривать диковинное рукоделие наших товарищей.

— Как сколачивали?— спросил я.— Размеры точные, не ошиблись?

Фархад не скрывал довольной улыбки:

— Все точно, можешь не сомневаться.

Его перебил Андрей:

— Слушайте, что Фархад придумал!— горячо рассказывал он.— Поставили мы два кирпича, подогнали под их размеры со всех сторон по досточке — и сколотили их. Проще пареной репы.

— Техника на грани фантастики!— кивнул я.— Сказка, ставшая былью!

Я потянулся к формовке, которую держал Андрей:

— Давай сюда эту штуковину — испытаем в деле.

Я зачерпнул кетменем глину и хотел было наполнить ею формовку, как вдруг Фархад, дернувшись, выхватил формовку прямо из-под занесенного над ней кетменя — глина гулко шмякнулась на землю.

— Ты что?— рассердился я.— Шутишь?

— Это я шучу?! — закричал Фархад.— Ты пойд и сам сколоти формовку — вот потом и порть ее сколько угодно.

— Порчу?— удивился я.— Может, ты ее в музей отослать хочешь? Это другое дело. А я хотел слепить первый кирпич.

— Кто ж так лепит!— усмехнулся Фархад.— Сначала формовку надо песочком посыпать — иначе ведь глину потом и клещами не отдерешь — отмыть придется.

Я тут же позабыл о своей вспышке и примиряюще сказал:

— Так бы сразу и объяснил, откуда ж я знаю, что еще и песок нужен.

Скоро вдоль всего дувала на солнышке жарились красавцы-кирпичи, присыпанные песочком, словно сахаром. Мы не могли на них налюбоваться. Эти кирпичики казались нам сейчас лучшим в мире лакомством — так бы и попробовали на вкус. С сожалением вываливали мы из формовки последние два кирпича — дело это нам пришлось по душе.

— Ну все!— вздохнул Фархад.— Теперь дня три сохнуть будут. Пусть лежат — главное, чтобы никто не подавил.

— Ничего,— успокоил я его.— Здесь слоны не ходят.

— Есть народ и пострашнее слонов,— со значением сказал Сервер.

— Ты о Кулаке?— догадался я.— Так мы его заранее предупредим. Кстати, и за вчерашнюю ложную тревогу мы с ним еще не рассчитались...

Ваську Кулакова мы нашли не дома, а все на тех же бревнах, что были свалены у ворот Дворянского. Кулак с Ариком играли в карты. Увидя нас, они поспешно сгребли карты с крутобокого бревна и встали.

— Ну, как дела?— спросил Кулак.

— Как в овраге!— ответил я.— Думаешь, мы не знаем, кто нас туда спровадил? Твоя работа!

Кулак криво улыбнулся:

— Ладно, чего уж там.

— Слушай внимательно, Кулак,— сказал я.— Советуем запомнить следующее...

И тут я стал загибать пальцы и перечислять:

— Первое — мы сделали кирпичи... Второе — они сохнут около дувала Ханифы-апы. И наконец, третье — если хоть один из них окажется сломанным...

Сервер не дал мне закончить, спешно выступил вперед и выпалил:

— ...то мы, Кулак, тебя самого заместо кирпича используем, тобой дырку в заборе залепим. В живой барельеф превратим!

— Было бы отлично!— усмехнулся я.— Глядите, какой жирный — его на всю дыру хватит.

Васька сжал кулаки:

— Потихе... Сами, небось, до смерти рады, что у Академии дело появилось, а на меня же еще и тянете.

— Мы предупредили, а ты слышал!— поставил точку Сервер.

Как мучительно долго тянулись дни! Мы трижды в день бегали к кирпичам и проверяли — высохли ли. Нам даже начало казаться, что в последнее время солнышко совсем ослабло. Но наконец, в очередной раз простукав кирпичи, Фархад торжественно объявил:

— Готово! Звенят!.. Хрусталь! Хоть в сервант ставь!

Мы в мгновение ока замесили ямку поменьше первой и быстро залатали дыру в дувале, а затем аккуратно обмазали все глиной. Я поднял с земли острую палочку и вывел на податливой глине — «Объект сдан заказчику с оценкой...». Тут я замялся и велел Рафаэльке бежать за Ханифой-апой.

— Отлично!— всплеснула она руками, любуясь нашей работой, и я спокойно довершил: «...с оценкой отлично». И чуть ниже подписал — «АДУ»

О НЕОБХОДИМОСТИ БОРЬБЫ С ЭХОМ

Все дышало скорыми каникулами. Лето стремительно наступало на Катта-Караван. Словно чьи-то гигантские легкие обдували поселок опаляющим жаром. В классе мы настезь распахивали окна и в них тугой волной вползала духота. Тяжелее всех переживал жару Грызун — он отдувался, как вскипевший чайник, усердно вытирал лицо платком, и разве что не выкипал и не гремел крышкой... И все равно было радостно сознавать, что наступает лето, а с ним — долгожданные каникулы...

Верная примета наступающих каникул — всегдашняя в эту пору тревога школьной библиотекариши Тани Абдуллаевой. Книги для нее — как цыплята для наседки. Все боится, как бы не остались, бедняжки, без глазу, спешит поскорей назад возвратить. Вот и на этот раз, совершая обход классов, появилась она и у нас:

— Завтра же сдайте все книги в библиотеку.

Она поворошила листочки, которые веером держала в руке, и передала один Стелле Хван:

— Держи, командир, вот ваши задолжники.

На листочке был выписан длинный ряд фамилий, в том числе и моя. Все правильно — две недели назад я взял два Майн Рида и до сих пор не прочел. И вот — надо возвращать... А возвращать книжки мне, конечно же, ужасно не хотелось, тем более, что приближались каникулы — когда же еще, спрашивается, книжки читать, как не в каникулы?

Мои размышления прервало изумленное восклицание Стеллы:

— Кулаков, да ты что?!

— Что?— повернул к ней голову Кулак.

— Вот, у Тани все здесь написано... Ты еще в январе взял читать «Историю морского пиратства» и до сих пор не вернул.

— Не вернул...— подтвердил Васька.

— А в чем дело?

— Читаю... И вообще — не успел сдать...

— Извини, но за полгода можно так прочитать, что и сам пиратом заделаешься.

— А он и есть пират!— хохотнул Сервер.— Только не морской, а сухопутный.

— Завтра же чтобы принес! — приказала Стелла и продолжала изучать список, оставленный библиотекарем.

— Дворянский!— вновь воскликнула она.— Да ведь ты Кулакова переплюнул! Аж с сентября за тобой числится «Занимательная грамматика»!

Все засмеялись. А пуще всех — Васька Кулаков.

— Понятно теперь, откуда у Арика такое мастерство в изложении мыслей на бумаге,— выдавил он сквозь смех.

— Не говори!— согласился я.— Не письмо, а прямо-таки резьба по бумаге!

— Не надо шутить, ребята!— нахмурилась Стелла.— За таких вот читателей нам могут снять баллы — плакала тогда наша правофланговая лента!

Тут мне почудилось, что в окно заглянула зубастая акула... И облизнулась...

Стелла сердито глянула на Дворянского:

— Книгу хоть не потерял?

— Дома она,— нехотя пробурчал Арик.

Долго не могла успокоиться Стелла, изучая список книг. Я понимал: ругая задолжников, она, конечно же, сейчас запоздало сетует и на себя. Вот ведь как нехорошо получилось — о библиотечных книгах вспомнили аж перед каникулами. А надо бы весь год наблюдать за тем, как отряд посещает библиотеку, а, главное, как читает. Упустили...

Назавтра все принесли книги. И только Васька виновато пожал плечами:

— Честное слово, забыл!

В глазах его не было и намека на огорчение. Подумаешь, забыл... Ну, завтра принесу. Ну, через год. Ну через сто лет. Не украл ведь. И словно прочитав эти его мысли, я сказал:

— Васька, а ведь ты украл книгу! Украл ведь!

Васька побагровел и набычился:

— Чего-чего?

— Украл, говорю, — терпеливо повторил я. — На целых полгода украл. Ведь сколько человек могли бы ее прочесть, а ты утащил книжку домой и держишь как в тюрьме. Пират ты и есть!

— Выйдем, да?— выкрикнул Кулак и с грохотом откинул крышку парты.

— Спокойно!— сказал я.— Прежде всего не выходи из себя. Раз злишься — значит неправ. Обидно тебе, что правду говорят, вот и кидаешься на людей. Иди-ка лучше за книгой.

— Сам иди!— мотнул головой Васька.— Очень нужно. Тебя больно испугался.

— Хорошо,— неожиданно для всех и для самого себя согласился я.— Сам пойду, если настаиваешь. И учти — не ради тебя, а ради всех нас. К тебе иду...

Я вышел из-за парты и направился к двери. И тут меня остановил дрогнувший голос Кулака:

— Чего уж тут,— отмахнулся я.— Сам схожу,

— Погоди... Я сам сбегая...

— Не надо! — заторопился Васька. — Батяка сейчас дома, а ты ведь ему про меня наябедничаешь — будет мне тогда вечером взбучка.

— Ремня испугался?— усмехнулся я.— То-то же... Ну ладно, если через десять минут не вернешься, так и знай — расскажем отцу.

— Вернусь,— буркнул Кулак и скрылся за дверью.

Я посмотрел на часы... Ровно через десять минут запыхавшийся Васька вновь появился на пороге. В руках он держал книгу, которая была у него в заточении четыре месяца.

— А теперь давай считать,— сказал я и вышел к доске.— Итак, дано пять минут — так?— я вопросительно глянул на Ваську.

Кулак растерянно моргал.

— Чего пять минут?

— Дано,— повторил я,— что ты всего лишь за пять минут можешь принести книгу в школу. Ясно?

— Ясно — чего уж тут,— пробурчал Васька.

— Теперь требуется доказать — сколько раз за четыре с половиной месяца ты мог успеть это сделать без напоминаний.

Я застучал мелом по доске, разгоняя и вновь собирая цифры и наконец торжественно объявил:

— Шестнадцать тысяч двести раз!

Цифра была потрясающей. Васька почесал затылок:

— М-да, занимательная математика...

Домой мы шли вдвоем с Сервером. Шли молча и каждый думал о своем. Я, например, размышлял о Ваське. Но оказалось, что и Сервер думает о том же. Потому что он вдруг спросил неожиданно — слова словно сами выпрыгнули из его головы — так им стало тесно.

— Интересно,— удивился вслух Сервер,— и долго еще его отцовский ремешок будет нас полосовать?

— Ты о ком это?— уставился я на друга.

— О Кулаке — о ком еще... Ведь что получается... Батя его ремешком потчует, а эхо нам достается. Злой он, Кулак, становится и зло свое на нас всех вымещает. Это он за ремень отцовский нам мстит. И всем вокруг плохо.

— А что делать?

Сервер вздохнул:

— Надо бы поговорить с Васькиным отцом, не дело это — лупцевать парня, а через него - еще и полпоселка. Мой дед говорил, что злоба — она как семечко от арбуза: одно посеешь — глядь, а уже целая бахча вырастает.

— А давай поручим бороться с этим эхом Фархаду! Он у нас президент — пусть всем нам великую услугу окажет и избавит от Васькиных проказ.

Но подумав, я возразил сам себе:

— Один он не справится, тут надо всем вместе.

Будем бороться с эхом.

БОСИКОМ ПО ГВОЗДЯМ

Вот мы и семиклассники! Сданы экзамены, и лето принимает нас в свои жаркие и желанные объятия. Обошлось без потерь. Даже Аркадия Дворянского и Ваську Кулакова мы не оставили за бортом нашего быстроходного крейсера. Акула была посрамлена... Правда, Арик не без труда выудил по русскому языку дохлую троечку, а Кулак солидно поволновался, пока не узнал, что работу по математике выполнил на три с плюсом. Это не помешало ему потом стремглав обежать полпоселка и как бы невзначай сообщить всем, что у него — четыре с минусом.

— Почти четверка! — гордо заключал Кулак рассказ о своих фантастических успехах в науках.

Что ж, эта его «почти четверка» радовала всех нас — немало пришлось поработать, чтобы привить Ваське желание хотя бы малость учить математику. Напутствуя нас в лето, Мумин Ахмедович сказал:

— Завтра у вас начинается недельная практика. Зайдите в свой класс, оглядите его хорошенько хозяйским глазом — и вы сами увидите, что надо сделать. В сентябре вы придете сюда же — вот и подготовьте класс так, чтобы вам самим приятно было жить и работать в нем.

Я слушал директора и думал про себя: ну вот, теперь весь класс станет филиалом нашей Академии Добрых Услуг. Разве что обслуживать мы станем самих себя... После торжественных проводов учебного года мы гурьбой повалили обратно в класс — будто не на каникулы прозвенел звонок, а вовсе даже наоборот. Мы спешили в класс, чтобы, как сказал только что Мумин Ахмедович, поскорее взглянуть на него не привычным, а хозяйским глазом. То, что увидели наши глаза, было чудовищно. В окнах были выбиты три стекла, ни одной живой парты мы не нашли — все были измараны чернилами, а Васькина вдобавок еще изрезана ножичком. Но подойдя к классной доске, которая верой и правдой служила нам, услужливо подставляя себя под всяческую писанину, мы и вовсе огорчились. Во многих местах прохудился линолеум, которым была обита доска, а в двух местах зияли сквозные тоннели — не мышь, а целого кота можно было просунуть в них.

— Поразительно! — только и вымолвила Стелла. — И когда это мы успели доску прогрызть? Вот уж чего не заметила...

Я кивнул:

— Вот что значит — глянуть вокруг себя хозяйским глазом. А ты и на пол посмотри. Удивительно, что мы его и вовсе не стерли до самого подвала.

— Работенки хватает! — согласился Сервер. — Предлагаю, не теряя времени, сейчас и начать.

— Что начать? — удивилась Стелла.

— Ну и вопросыки ты задаешь, — разозлился Мамбетов, — Ясно что — ремонт.

— Так ведь у нас краски нет... И кисти где возьмем?

Сервер рассмеялся:

— Шутить изволите, отец отряда? Или же ты хочешь, чтобы мы парты прямо в классе покрасили, а потом к солнышку бить челом стали — заходи, мол, милое, в класс — гостем будешь, а заодно и наши парты подсушишь?.. Да и пол не выкрасишь, если парты здесь стоять будут. Вынести надо парты.

Стелла облегченно вздохнула:

— Ну, это другое дело.

Она сразу же обрела обычную свою уверенность и стала деловито распоряжаться:

— Мальчики... Девочки... А ну-ка, дружно вынесем все парты во двор.

Я взялся за парту, стоявшую у самой двери, и позвал Ваську:

— Кулак, хватай с того краю.

Васька не спеша подошел к парте и, легонько отстранив меня от нее, взялся за крышку обеими руками и, крякнув, к великому нашему удивлению медленно, но уверенно, принял парту на себя. Лицо его побагровело — будто ему вставили в рот

воронку, влили ведро томатного сока, а до этого туго перетянули шею, чтобы весь томат в голове запереть...

— Надорвешься ведь, Вась!— попыталась урезонить его Стелла, но Кулак, не отвечая, начал потихоньку дрейфовать к двери, которую мы спешно распахнули на обе створки. Выйдя в коридор, Васька остановился на мгновение, замер, как самолет перед стартом, а потом уверенно, легко зашагал к двери, ведущей во двор. Мы с восхищением провожали взглядом нашего силача. Из оцепенения нас вывел нервный голосок Стеллы.

— Ну что же вы, ребята?! — воскликнула она. — Взялись, что ли?..

Пустой класс стал непривычно гулок. Мы решили, что утром начнем ремонт. Школьный завхоз Лутфулла-ака обещал дать кисти, краски, стекло — словом, все необходимое.

— А линолеум есть? — спросил я. — Доску надо починить, никуда не годится.

Лутфулла-ака вздохнул:

— Можно найти, но... Видел я вашу доску — ее поменять бы нужно, а не ремонтировать. И еще две доски в школе каши просят — в пятом и в десятом.

— В десятом?— удивился я. — Они же взрослые уже! Твист, что ли, на доске пляшут?

— А вы что пляшете на своей?— спросил Лутфулла-ака. — Андижанскую польку?.. Ваша не лучше.

— Где же взять новую доску?— спросил я, чтобы не отвечать на резонный вопрос завхоза.

Завхоз пожал плечами:

— Не положены нам на этот год доски новые.

Ребята заспешили домой, а мы с Сервером и Фархадом еще раз зашли в класс — поглядеть на нашу худую доску.

— Может, сами починим? — вздохнул Фархад.

— Давай-ка сначала снимем ее со стены, — предложил я.

Мы приподняли доску, чтобы скобы не вылезли из крючьев, и поставили ее на пол. Фархад заглянул за доску — не прохудилась ли и там, и тут его внимание привлек какой-то листок. Он прочел и поднял на нас удивленные глаза.

— Что такое?— спросил я. — Что-нибудь сверхъестественное?

— Еще бы! — кивнул Камилов. — Прочти-ка сам.

— Пожалуйста!— согласился я и стал читать. На листочке было написано: «Фабрика при школе № 2 г. Газалкента». Было чему удивляться...

— Что же это значит?— спросил я. Спросил не потому, что ждал ответа. Сам себя спросил, потому что знал — с этой минуты не будет мне покоя, пока не узнаю, что это за таинственная фабрика при школе.

— Дела!— протянул Сервер. — Сплошные загадки. Причем тут школа и фабрика?

— Погоди!— остановил я его. — Газалкент — это ведь за Чирчиком. Совсем недалеко.

— Так уж и недалеко!— запротестовал Мамбетов. — Километров сорок будет.

— Я же говорю, что недалеко!— обрадованно повторил я. — За три часа запросто можно на велике доехать.

— А зачем?— спросил Фархад.

— А тебе непонятно? Попросим новую доску для нашего класса — вот зачем.

— Так тебе и дадут. Подумаешь — приехали гости дорогие, доску им новенькую подавай.

— Не хочешь — не езжай!— отрезал я, обидевшись на Фархада.— А как ты, Сервер?

— Поехали!— согласился он.— Я всегда готов. Только... Только как ребята посмотрят... Некрасиво получится — все парты красят, ремонтом занимаются, а мы на великах междугородние прогулки устраиваем.

— Так ведь не для своего же удовольствия станем прогуливаться, а для общей пользы,— возразил я.— Доска не нам с тобой нужна — всему классу.

— Все равно неудобно перед девчонками.

— Заладил свое — неудобно, неудобно!— разозлился я.— Если хочешь знать — неудобно только босиком - по гвоздям ходить, да и то йоги наловчились...

— А в Болгарии по горящим углям босиком ходят, — вставил Фархад. — И не обжигаются. Я по телику видел в «Клубе кинопутешествий».

— Вот-вот!— обрадованно подхватил я.— А ведь тоже, небось, неудобно?

Я хотел было сказать еще и о том, что проще всего — быть путешественником без отрыва от телевизора. Но... удержался. И без того Камиллов сегодня сердит без меры. Поразмыслив малость, я решил, что Сервер прав.

— Пусть будет по-твоему,— сказал я.— Завтра утром выкрасим свои парты и поедем — идет?

— Совсем другое дело!— повеселел Сервер.— А то ведь неудобно...

Он недоговорил, встретив мой насмешливый взгляд.

— Молчу... Молчу...— с готовностью отозвался он на этот взгляд. — А то ты опять загнешь что-нибудь.

— Про босиком по гвоздям!— подсказал Фархад.— Это наш Балтабаич умеет.

СЧЕТ НА ТЫСЯЧИ

Когда утром я прикатил на велосипеде в школу, Фархад один-одинешенек уже ходил вокруг своей парты.

— Завхоза нет,— сказал Фархад. — Я уже час здесь кручусь, а его все нет. Думал, возьму краску и начну...

Договорить он не успел, потому что к нам подходил бодрой походкой долгожданный завхоз Лутфулла-ака,

— На практику с утра пораньше? Молодцы — ничего не скажешь,— похвалил он.— Пойдемте, краску и шпаклевку дам.

Мы протиснулись в кладовку и взяли две банки зеленой краски. Это я настоял, чтобы зеленую взять — где-то вычитал, что очень уж благотворно на учащихся действует зеленый цвет. Это психологи установили. Вот как хитроумно они рассуждали: древний человек землю зеленой видел. В основном, конечно... Вот у него глаз за тысячелетия-то и развился так, что от зеленого цвета были ему только удовольствия и отдых. А стало быть, лучше всего парту красить зеленой краской — пускай глаза на ней, как на курорте, отдыхают.

Лутфулла-ака, конечно, добродушно посмеивался, слушая мои психологические рассуждения, но краску дал. Банку со шпаклевкой мы поставили на парту Васьки. Сам парту изрезал — сам и заделывай... Тут подъехал и Сервер. Покрасить каждому по парте

было делом какого-нибудь часа. Три парты стояли в сторонке, поблескивая красивыми зелеными крышками.

— Ну, что?— обернулся я к Серверу,— теперь удобно?

— В смысле — ехать?— догадался Мамбетов.

— Ну.

— Удобно... Только давай сначала еще по одной парте покрасим.

Я восхитился таким его небывалым рвением:

— Понравилось, что ли?

— Нет... Но когда мы уедем, ребята тоже быстро покончат с партами и будут работать в классе. Неудобно...

Я вздохнул и взялся за кисть. А еще через час мы усаживались на свои велосипеды, и одноклассники, уже узнавшие о нашей задумке, провожали нас в неблизкий путь. Фархада, который, продумав всю ночь, твердо решил ехать с нами, мы насилу уговорили остаться — кому-то надо было руководить ремонтными работами. А лучшего прораба, чем президент Академии Добрых Услуг, трудно было бы сыскать.

Широкая асфальтовая лента разматывалась перед нами, как нитка гигантского, но невидимого клубка. Мы крутили педали, то и дело читая на обочине указатели — «До Газалкента 35 км», «...30 км», «...10 км». Дорога незаметно для глаз, но весьма заметно для ног, поднималась все выше. Мы уже порядком устали, когда, наконец, у чайханы, уютно расположившейся под огромной зеленой тюбетейкой чинары, увидели заветный щит: «г. Газалкент». Оставалось пересечь железнодорожный переезд. Но у переезда толпилась орава машин — их задержал здесь шлагбаум.

— Электричка не прошла,— устало сказал я, спрыгивая на землю. — Айда в чайхану — хоть чаю попьем, сейчас ноги отвалятся. Сил нет.

Мы уселись на широкую тахту, одетую ковром, и чайханщик резво поставил перед нами чайник с двумя пиалами. На медном подносике лежали хрустальные кристаллы навата — местного сахара.

— Издалека едем, джигиты?— приветливо улыбнулся чайханщик.

— Уже приехали,— буркнул я, едва живой от усталости.— А едем из Катта-Каравана.

И тут случилось вот что. Чайханщик всплеснул руками и воскликнул:

— Вай, из Катта-Каравана! Ай, молодцы, джигиты. У меня ведь в вашем поселке брат живет, он тоже в чайхане работает.

— Азим-ака, что ли? — недоверчиво спросил Сервер.

— Ай, молодец!— еще раз восхитился чайханщик.— Ты брата моего знаешь? Давно видел?

Его глаза лучились.

— Да кто ж его не знает!— улыбнулся Сервер. — Азима-ака все знают.

— Правильно, правильно! — обрадованно закивал чайханщик.— Все его знают, хороший человек мой брат. Ну, как его здоровье?

Сервер пожал плечами:

— Хорошее здоровье, не жалуется.

— Как жена, дети? Все здоровы?

— Тоже здоровы.

— А дома как?.. Дрова есть? Корова здорова?

— Здорова корова— ответил Сервер.— Наверное, здорова — чего ей хворать?

— Ну а настроение как, хорошее?

— Хорошее.

— А как на работе — план по товарообороту выполняет?

— Выполняет,— безвольно повторил Сервер.

— А посетители довольны?

— Довольны,— панически кивнул Сервер.

— В книгу жалоб не пишут?

— Пишут!— Сервер, похоже начинал терять терпение.

Чайханщик схватился за сердце.

— Вай, дорогой! Что пишут?

— Благодарность пишут!— поспешил вставить я, боясь, как бы Сервер не наговорил с три короба.— За высокую культуру обслуживания!

Чайханщик сразу повеселел.

— Вай, дорогой! Совсем другое дело. Я чуть не испугался. Что, думаю, за два дня могло измениться, почему люди жалобную книгу тревожат?

— А почему за два дня?— удивился я.

— Как почему? Брат у меня позавчера гостил. Все хорошо было.

— Так значит вы с ним виделись позавчера, а нам столько вопросов задаете?

— Конечно, дорогой, конечно. Два дня брата не видел — сто вопросов язык щиплют. А за добрую весть я земляков моего брата сейчас волшебной шурпой угощу.

Мы хотели было возразить, но чайханщик, замахав руками и не слушая нас, побежал к гигантскому котлу и скоро принес две касы, над которыми вился белый дымок.

— Кушайте, джигиты!— сказал чайханщик, ставя чашки на ковер перед нами.— Мировая шурпа! Газалкентская особая!

— Но мы...— начал было я, но чайханщик сердито сказал:

— Обижает, дорогой. Ты будешь кушать, а я буду думать, что это брат кушает, и у меня вот здесь будет хорошо.

И чайханщик гулко постучал кулаком по тому месту груди, где у него было сердце.

— Ты хочешь, чтобы здесь было плохо, да?

— Ну что вы!— испугался я.— Пусть будет хорошо. Мы шурпу с удовольствием поедем.

— Спасибо, дорогой!— расплылся чайханщик.— Пусть под тобой тысяча велосипедов состарятся! Пусть у твоей мамы двадцать пять внуков будет.

Мы с Сервером испуганно утопили ложки в казах с шурпой и почувствовали как уходит из нас усталость. Шурпа, действительно, была очень вкусной. Аккуратно вытерев стенки касы кусками лепешки, которые тотчас отправили в рот, мы понесли было касы к чайханщику, но увидя это, он предупредительно пошел к нам навстречу, протестующе показывая, что касы надо поставить обратно на тахту, откуда он их сам заберет.

— А брату моему привет передайте, земляки дорогие! — попросил он. — Вы когда домой поедете?

— Вечером и поедем.

— Вечером?— воскликнул чайханщик.— Обязательно сначала ко мне загляните.

— Что-нибудь передать брату хотите?— с готовностью спросил я.— Мы всегда пожалуйста, у нас багажники пустые.

Чайханщик покачал головой.

— Ничего не надо. Просто вечером плов будет. Покушаете перед дорогой. Вы ведь не кушали еще знаменитый газалкентский плов?

...Чайханщик объяснил нам, где школа, и мы нашли ее без труда. Тем более, что, напутствуя нас, он сказал:

— Как увидишь, где тысяча велосипедов стоит — тут слазь, тут кончай дорогу, тут школа.

И действительно, мы увидели около школы огромный велопарк. Стояли тут и мопеды, и даже три мотоцикла.

— Тут гараж или школа?— удивились мы, с трудом пробираясь сквозь бурелом техники. Дорогу нам преградил мальчишка с нарукавной повязкой.

Он спросил:

— Вы откуда?

— Из Катта-Каравана. Хотим узнать, где доски делают. Понимаешь, у нас доска совсем прохудилась. Стали мы ее снимать, а на обороте ярлык... Вот мы

удивились и решили поехать.

Мальчишка заулыбался и показал нам свободное место на стоянке.

— Сюда ставьте свои велосипеды... А вы что же, не поверили наклейке?

Я пожал плечами:

— Не знаю... Странно как-то... Фабрика-школа. Разве так бывает?

— А вот так бывает? — дежурный обвел рукой море велосипедов.— Бывает вот так, чтобы вся школа на своих велосипедах приезжала?

— А почему бы и нет?— ответил Сервер.— Велосипеды во всех магазинах продают.

Мальчишка кивнул.

— Продают, верно. Но все эти велосипеды мы купили на деньги, которые сами заработали на нашей школьной фабрике. Три тыщи досок в год — это вам не шутка!

Вальтер (так звали нашего нового знакомого) повел нас на фабрику, расположившуюся во дворе школы. Под огромными сводами гремели, гудели, пели, ухали и взвизгивали всевозможные станки, молоты, сверла. И всюду у станков и механизмов стояли ребята, ловко управляясь с брусками и рейками, лихо разматывая широкое коричневое полотно линолеума. Четверо мальчишек деловито грузили на машину готовые доски.

— Куда отправляете?— спросил я Вальтера.

— Ясно куда,— покровительственным тоном объяснил он.— Генеральному заказчику, министерству просвещения республики.

Тут подоспел перерыв и нас окружили ребята, забранные в черные фартуки, как в латы.

— Вот,— показал на нас Вальтер.— Из Катта-Каравана приехали. У них доска испортилась.

— Дырки в ней,— виновато сказал я. Вальтер изменился в лице.

— Дырки говоришь? А по чьей вине? Не нашей?

— Да что вы?— испуганно замахал я руками.— Отличная была доска. А Васька Кулаков в нее ножичек бросал на перемене. И другие тоже...

Вальтер развел руками:

— Так и Большой Чимган потихоньку продырявить можно. Да и любую другую гору.

— погоди, Вальтер!— остановил его мальчишка, фартук которого был густо усыпан стружкой.— Ребята за помощью приехали, а ты их отчитываешь. Надо бы познакомиться сначала.

Он протянул мне руку:

— Латиф.

Скоро мы разговаривали так, словно всю жизнь были друзьями. Мы узнали, что фабрика при школе существует уже пятнадцать лет. Сначала у них был только один станок. Но потом стали набирать силу, появились деньги, станки... Мы смотрели и слушали и все равно не верили своим глазам и ушам. Да только как было не поверить, если на наших глазах в те часы, что мы были здесь, были изготовлены целых пять досок. Латиф, который был начальником смены, разрешил нам постоять у долбежного и сверлильного станка. И грузить на машину готовые доски мы с Сервером помогали. Когда прощались, Латиф сказал:

— Вы не обижайтесь, ребята, но мы не можем вам дать новенькую доску. Да и как вы ее повезете? Не на велосипеде ведь...

Мы смутились.

— И не думайте об этом!— с жаром сказал я.— Мы просто так приехали. Опытом обменяться... В смысле — у вас его подзанять. У нас есть Академия Добрых Услуг, теперь мы знаем, как нужно работать.

— Так-то оно так,— задумчиво протянул Латиф. — Знаете что: мы дадим вам линолеум — увидите, будет доска как новая.

Латиф принес материалы и мы надежно прикрепили их к нашим багажникам — так, чтобы груз не мешал в пути.

— А хотите, приедем как-нибудь и поможем починить?— предложил Латиф.

— Ну вот еще,— застыдился я.— Сами починим, не маленькие. У нас тоже отличный столяр есть. Фархад Камиров. А вы, конечно, приезжайте. В гости...

Я, конечно же, бессовестно соврал про Фархада. Но уж очень мне хотелось, чтобы и у нас был отличный столяр. А собственно говоря, почему соврал? Разве наш президент не старается, не учится? Будет из него супер-столяр — можете быть уверены...

Чайхану мы объехали стороной. Чайханщик, конечно, хороший человек, да и плов тоже сокровище, но ведь надо и самим про совесть помнить.

ШУТИМ ЛИ МЫ?

Нам прислал заявку Азим-ака. Чайханщик... Уже давно мы с тревогой ждали дня, когда неотвратно придется объясниться с ним по поводу высохших деревьев. Азим-ака уклончиво писал в своей заявке: «Дорогие академики! Надо посоветоваться —

как быть с деревьями. Был у нас пустырь без деревьев. Теперь пустырь с деревьями. Непорядок...» Фархад читал заявку вслух, Воронов — наш главный отрядный ответчик за трудовые десанты — все ниже опускал голову. Но ниже земли ее все равно не опустишь, даже если ляжешь.

— Дождлся?— зло спросил я, тыча в Воронова взглядом.— Академик недоделанный! Скажи спасибо, что Азим-ака великодушен, как мушкетер. Нас бы, по справедливости, надо шпагой пощекотать за погибшие деревца, а он еще и церемонится. Посоветоваться приглашает — вместо того, чтобы дать каждому из нас по шее.

Собственно, все, что я запальчиво говорил сейчас Юрке, относилось ко всем нам. Помнится, по моей инициативе мы уже болтали однажды на сборе о том, что надо бы смыть это позорное пятно. Но так все разговором и осталось. Так что злиться я мог только на самого себя. Трепачем оказался первоклассным: критиковать — критиковал, а чтобы исправить дело — и пальцем не пошевелил. От такого крикуна пользы мало. А если сказать точнее — и вовсе никакой. Эх, прав был Акрам, говоря о великой пользе личного примера. Ведь я уверен — будь Акрам сейчас здесь, а не в море, он бы, в пику нам, один весь пустырь в сад превратил. Чтоб знали, чем дело от груды слов отличается.

К чайхане мы подошли впятером — я, Юрка, Фархад, Сервер и Стелла. Стелла молодец. Узнала про заявку от Азима-ака и сразу же сказала:

— Я тоже пойду. Разговор предстоит малоприятный и увливать не имеет права никто из нас.

Завидя нас, Азим-ака вышел навстречу. Я сказал растерянно:

— Здравствуйте, Азим-ака. Вот мы и пришли...

И неожиданно для самого себя выпалил, совершенно дурацки улыбаясь:

— А вам большой привет от брата!

— От брата?— изумился Азим-ака.— Вы были в Газалкенте? А что вы там делали?

— Как это что... Шурпу ели... Знаменитая шурпа. Газалкентская особая!

Азим-ака просиял:

— Да-а. Брат у меня — мастер что надо. Ну, а как его здоровье — не спросили?

— Крепкое здоровье, — заверил я. — Богатырское.

— Ну, а как у него дома?

Я вздохнул. История, похоже, повторялась. И, чтобы не терять времени, одним духом выложил:

— Жена здорова, дети здоровы, корова здорова, настроение хорошее, план по товарообороту выполняется и перевыполняется!

— Молодец!— похвалил Азим-ака.— Я ведь, честно говоря, к сердитому разговору готовился, а теперь и сердиться не могу. Раз у брата хорошо, значит и мне хорошо. Корова, говоришь, здорова? Это когда же он корову успел купить? Неделю назад ее еще не было. Шустрый парень. Что ж, значит, и вправду, все хорошо!

— Хорошо, да не очень,— вздохнул я и кивнул на пустырь с засохшими прутиками.— Думаете, мы не знаем, зачем вы нас позвали. Вон — засохли...

Азим-ака опустил голову, будто это он был виноват в случившемся, а не мы, громко взявшиеся озеленить пустырек около чайханы.

— Наверное, здесь земля плохая,— сказал Азим-ака.— Плодородный слой тонкий, как лепешка — корням не за что уцепится... Знаете что — давайте лучше

разобьем здесь хороший цветник и поставим для стариков две новенькие тахты — посетителей много, не хватает ведь на всех.

— А что будем делать с высохшими деревьями?— спросил я.

— С деревьями?— встрепенулся Азим-ака и ответил уклончиво: — А деревья... Это... Наверное, они мешать будут... Да и засохли они — сам ведь говоришь.

— Ясно, что засохли,— вздохнула Стелла.— Тахта — это, конечно, проще. Ее поливать не надо — так стоять будет. Все понятно — айда, ребята...

Мы пошли выкорчевывать засохшие деревца, и каждый из нас чувствовал в эту минуту, будто несет на себе неподъемный груз. Не глядя друг на друга, мы молча выкапывали засохшие прутья, они гулко откликались на каждое прикосновение лопаты, и в этом бессловесном гуле мы слышали укоризну. Никогда бы не подумал, что это несказанно тяжелое дело — выкапывать погибшие по твоей вине деревца. Как ругали мы себя в эти минуты. Но и запоздалое раскаяние уже ничем не могло помочь — оставалось доводить начатое до конца. Азим-ака, видимо, понял, какое настроение владело нами — подошел и громко стал говорить о том, какой здесь будет чудесный цветник, как будут радоваться поселковые аксакалы, любуясь пышным цветением и восседая при этом на новеньких тахтах, которые мы, конечно же, сделаем сами.

Вырытые деревца мы сложили у тандыра, теперь они годились лишь на то, чтобы опалая жаром румяные бока самсы — а уж ее-то Азим-ака умел готовить мастерски.

— Как насчет досок?— спросил я.— Тахты из чего делать будем?

Азим-ака с готовностью ответил:

— Будут доски. Я уже говорил с Гафуром Рахимовичем — отцом твоим. С лесосклада позавчера доски привезли, а нам завтра дадут.

— Тогда завтра и придем,— сказал я.— А цветник осенью начнем сажать — сейчас все равно нельзя.

— А можно и деревья еще раз попробовать,— осторожно предложил Азим-ака.— Может, приживутся?

— Так ведь земля плохая,— с плохо скрываемой иронией ответил я.

Азим-ака улыбнулся:

— А теперь будет хорошая! Я почему-то уверен!

Стелла не выдержала:

— Деликатничаете вы с нами, Азим-ака. И напрасно. Нас бы надо самих, вместо самсы, в тандыр налепить и на этих вот прутьях малость поджарить.

— Верно!— подхватил я.— Тогда и земля сразу хорошая станет. И розы расцветут. И аксакалы обрадуются...

Азим-ака с испугом поглядел на нас, пытаюсь понять — шутим ли мы.

ЧЕЙ ПРОЕКТ ПОБЕДИТ?

Так подкрался сам собою момент, которого мы с нетерпением ждали. Можно было отправляться к отцу Васьки Кулакова — «бороться с эхом». Все очень просто. Васькин папа — столяр знаменитый, он из дерева любые штуки умеет выделывать. Что для него тахту срубить — это он запросто. Дело не в тахте, конечно. Ее мы сами сделать хотим. Но лучшего повода найти путь к сердцу Николая Степановича вряд ли сыщешь.

— Готовьте доски!— наказали мы Азиму-ака и отправились напрямиком к Николаю Степанычу.

У дома мы встретили Ваську. Увидев, как решительно шагает наша пятерка, Кулак изменился в лице.

— Вы куда, ребята?— спросил он.— Что случилось?

— К бате твоему идем.

У Васьки запрыгали глаза — чуть с лица не убежали.

— А зачем, ребята? Может, не надо, а? Я ведь больше не буду.

Никогда бы не подумал, что Кулак может так струсить. Мы не выдержали и рассмеялись. А мне почему-то грустно за него стало.

— Ну даешь, Кулак! В чем опять провинился — ну-ка, честно признавайся. Мы ведь не ругаться идем, а...

Я вспомнил, как Азим-ака зазывал нас в своей заявке, и завершил:

— Советоваться идем к твоему бате. По столярному делу нам подмога требуется. Две тахты надо около чайханы построить для аксакалов.

— Фу ты!— вздохнул Васька.— А я подумал...

— Ладно, веди лучше к бате. Петух один тоже думал-думал и в шурпу попал.

Васька пропустил нас в калитку и тут же, забежав вперед, заискивающе спросил:

— Ребята, а вы, правда, только про тахты будете с батей говорить?..

Николай Степанович работал в своей мастерской. Пол был увит барашками кудрявой стружки, пахло клеем.

— Вот это инструменты!— восхищенно воскликнул Фархад, оглядывая стены, увешанные столярными доспехами.— Не то, что в нашей Академии.

Восклицание Камилова явно пришлось по душе Николаю Степановичу.

— Верно-верно, — добродушно посмеиваясь, сказал он. — Струмент — первое дело во всяком, можно сказать, предприятии. Без струмента только корову пасти. Да и то хворостинка нужна.

Он спохватился.

— Погодите, ребята, а чего пожаловали целой делегацией. Может, Васька чего снова набедокурил?— Николай Степанович недобро глянул на сына, в глазах его в эту минуту уже не было того счастливого благодушия, которое читалось в них, когда он любовно оглядывал инструменты.

— Говори!— подступил он к Ваське.— Чего натворил?

Васька испуганно закрылся рукой, ожидая, что сейчас будет очередная трепка.

— Погодите!— воскликнул я.— Мы не из-за Васьки пришли.

— Не из-за Васьки?— удивился Николай Степанович, сомневаясь, что нас могло привести к нему что-нибудь другое, а не очередная злая шалость сына.

— Мы к вам советоваться пришли,— начал я свой хитроумный, как я полагал, «закидон».— Нам без вас никак не обойтись,— ну вот честное слово!

— Иди ты!— восхитился Николай Степанович.— Что случилось-то?

— Понимаете, хотим мы для аксакалов две тахты построить, а как — не знаем. Научите, пожалуйста. Вы ведь знаменитый мастер, про вас в поселке говорят — первый столяр района. И далее области, если не всей Средней Азии...

Я безудержно врал, никто Николаю Степановичу таких громких титулов у нас не присваивал. Столяр, впрочем, он был, и правда, хороший. Николай Степанович зарделся от удовольствия, слова мои, похоже, в самую точку попали.

— Тахту говорите?— спросил он, нервно шаря по верстаку. Пальцы его слегка подрагивали. Мне даже совестно стало — вот ведь как разволновался человек от огульной похвалы.— Тахта — это дело простое. Тут перво-наперво чертеж надо сообразить. Нарисовать, значит.

Он положил на верстак какую-то рваную бумажонку, из-за уха вызволил карандаш и нахмурил лоб.

— Глядите сюда,— пригласил он.— Вместе будем думать.

Мы сгрудились у верстака, и только Васька продолжал стоять в стороне, все еще не веря, что трепки не будет.

— Николай Степанович, а можно, Васька тоже думать будет?— спросил я.

— А пуцай думает!— радушно разрешил тот.— Мне не жалко. Только вот думалка у него слабая.

— Иди к нам, Вась,— пригласил я.— Чего отбиваешься.

— Я — пожалуйста!— с готовностью отозвался Васька.— Где, где надо думать, покажите...

И тут я предложил:

— А давайте конкурс на лучший проект проведем! Чей лучше получится — тот и станем в тахту превращать. Васька, тащи бумаги, да побольше.

Кулак помчался в дом.

— И карандаши не забудь!— запустил ему вдогонку Фархад.

— И будильник!— добавил я.— Заведем, чтобы все разом сдавали. По-честному.

Скоро мы уселись по разным углам и, ревниво поглядывая друг на друга, принялись проектировать тахту. Николай Степанович тоже сидел за верстаком, закусив губу и испытывая, как и мы, приторно-сладкие муки творчества.

Но вот загремел будильник. Вздыхая, мы понесли наши листки к Николаю Степановичу. Он неспешно разглядывал их, посмеиваясь чему-то. А посмеяться было чему.

— Это ж разве тахта?— улыбался Сервер, разглядывая мой проект.— Это же корабль эпохи Христофора Колумба. На твою тахту паруса поставить — и поплыть можно.

— Твоя не лучше!— отбивался я.— Такую тахту только в Луна-парке ставить — детей и слабонервных пугать.

Дошла очередь до Васькиного проекта,— и все мы, глянув на бумажку, испещренную каракулями, не сговариваясь, хором воскликнули:

— Ого, а в этом что-то есть!

Сервер патетически звякнул:

— Какая смелость решения темы!

— Оригинальный полет мысли!— подхватил я.

— Можно принять!— добавил Фархад.

— За основу!— уточнила Стелла.

— Аксакалы ахнут!— пообещал Юрка Воронов.— Вот увидите — аксакалы соревноваться станут за право на этой тахте сидеть.

Кулак слушал нас, изумленно вздыбив верхнюю губу, а Николай Степанович переводил взгляды с одного на другого, силясь понять — шутим мы или говорим искренне. Но мы держались уверенно, ни тени улыбки нельзя было увидеть на наших лицах, озабоченных лишь успехом общей затеи. Николай Степанович дрогнул и, взяв в руки Васькин листок, стал пристально изучать его.

— Вы думаете, интересный проект? — все еще с сомнением в голосе спросил он.— А я почему-то не вижу ничего особенного.

— Ну что вы! — дружно запротестовали мы.— Очень оригинально.

— Вот бы не подумал,— растерянно проговорил Николай Степанович.— Разве что если вот здесь изменить форму спинки, а тут ножку позатейливее украсить.

— Вот-вот!— подхватил я.— Так и сделаем. Давайте строить по Васькиному проекту с вашими добавлениями. Это будет ваш с Васькой коллективный проект. Мы даже потом специальную табличку на тахте прикрепим — построена, мол, по особому проекту отца и сына Кулаковых. Пусть аксакалы знают, кто им радость подарил.

Николай Степанович еще раз с сомнением глянул на Васькину мазню и наконец заколебался, улыбаясь, подошел к Ваське и потрепал его за чуб.

— Победил ты, Вась, так товарищи говорят,— в голосе его звучала гордость.— Вот бы не подумал, что и в твоей башке мысли водятся.

— Водятся! Еще какие водятся!— подхватил я.— Он у вас, знаете, какой сообразительный — что хотите придумать может. Такое иной раз придумает, что мы только удивляемся.

Уж тут-то я был честен — от Васьки можно было ожидать чего угодно.

— Сообразительный, говорите? — обрадовался Николай Степанович.— Наконец-то. Давно пора.

— В него только верить надо,— тихонько сказал я и еще тише добавил: — И не лупить! Если можно...

Николай Степанович помолчал, опустив голову. Потом шумно вздохнул и согласился:

— Это можно. Если сообразительный...— И сказал вдруг с жаром: — Я ведь, ребята, столярному делу его обучить хочу. Чтоб не угасло со мной ремесло мое, секреты мои.

— А меня будете учить?— встрепенулся Фархад.— Мы с Васькой вместе у вас уроки брать будем.

— Еще и дневник заведите,— смешался Николай Степанович.— Отметки ставить буду.

— И заведем!— задорно тряхнул головой Фархад.— Заведем ведь, Васька? Заведем, спрашиваю?

— Заведем, если надо,— нехотя согласился Васька, поддаваясь напору Камилова.— У меня запасной есть.

— Неси сюда сейчас же!— потребовал Фархад.— Заполним и сразу же первую тему запишем.

— Какую тему?— насторожился Васька.

— Ясно какую. Только что пройденную. «Генеральный проект тахты для чайханы поселка Катта-Караван» — вот какую. Правильно я говорю, Николай Степанович?

— Факт!— согласился столяр.

— И отметку Ваське поставить не забудьте,— напомнил я.

— Четверку, что ли? — заволновался Николай Степанович.

— А это уж вам решать, педагогу!

— Педагог,— замороженно повторил Николай Степанович. Прислушался и сказал еще раз: — Педагог...

Будто хотел посмотреть со стороны на это внезапное для себя слово.

Когда расходились, Васька вдруг окликнул Фархада каким-то странным голосом. Мы с удивлением глянули на Кулака и не узнали его. Только что безмерно счастливого Ваську — победителя конкурса — будто подменили. Перед нами стоял совсем непривычный Васька. Он был бледен, губы дрожали.

— Глянь, ребята, Васька мерзнет!— хохотнул Сервер.— От счастья в озноб бросило! Будешь, Вася, знать, как побеждать.

— Вась, ты чего, а?— спросил я, заподозрив неладное.

Кулак сделал неуверенный шаг вперед и молвил:

— Ребята... Фархад... я вам... одну страшную вещь... хотел сказать. Очень важную...

— Так какую все-таки — страшную или важную?— улыбнулся Сервер.

— Ну так говори, коли хотел,— развел руками Фархад.— Что случилось? Может, самоотвод своему проекту даешь? Смотри, не рискуй, а то ведь примем отвод.

И тут случилось и вовсе неожиданное. Васька как-то странно дернулся, тяжело развернулся и, махнув рукой, скрылся за калиткой. Мы переглянулись. Сервер сказал, вздыхая:

— Похоже, перегрелся наш лауреат в жарких лучах славы. Ничего, до свадьбы заживет. Остынет...

УРТОК ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР

Зато наутро Ваську нельзя было узнать. К чайхане он примчался первым, глаза его сияли, прямо излучали радость и нетерпение. Азим-ака, не хуже нас знавший Васькино неуправляемое нутро, пугливо поглядывал на Кулака, невесть отчего крутившегося у чайханы уже с полчаса. Когда подошли и мы, Азим-ака спросил, показывая на Ваську:

— А зачем разбойника позвали?

— Как зачем?— воскликнул я.— Васька у нас — главный архитектор. Он вчера знает какой проект тахты придумал? Ваши аксакалы закачаются!

— Закачаются?— испугался Азим-ака. — А не упадут с тахты, если она закачается?

Мы рассмеялись.

— Крепкая будет тахта, вы не сомневайтесь. Мы ведь в другом смысле.

По совету Николая Степановича мы выбрали бруски для стоек и широкие доски и понесли их в нашу Академию — строгать.

— Только не попортьте лес!— напутствовал нас Азим-ака.

Наконец-то наш верстак в бывшем сарае Юрки Воронова увидел настоящее дело. Мы по очереди строгали доски и бруски, не давая передышку рубанку. В обед забежал с работы Николай Степанович и придирчиво оглядел все, что было уже готово.

— Грязно... грязно снимаете стружку, — нахмурился он. — Доска — она ласку любит, а вы с нее, как с не любимого чада, три шкуры спускаете. Поглядите, как это делается, — и он взял рубанок из рук Фархада.

И случилось чудо. Рубанок, который только что ретиво брыкался, давился стружкой и норовил выпрыгнуть из рук, послушно потек по доске, певуче снимая красивую, ровную стружку.

— Р-раз! — подпевал рубанку Николай Степанович. — Р-раз! Р-раз! Р-р-р-раз! — провел по всей длине бруска. Вот, теперь совсем другое дело.

Брусок, и правда, стал ужасно красивым.

— Ясно теперь, как струмент в руках держать? То-то же... Ну, я пошел, продолжайте пока.

И мы продолжали. К вечеру остругали все, что захватили. У нас ужасно болели с непривычки руки, сизые мозоли ныли. Но что такое мозоли по сравнению с заготовками? Ерунда на постном масле. Мы долго не хотели расходиться, любуясь аккуратно составленными в угол струганными досками и брусками, бесконечно гладили их поверхности, чтобы убедиться — хорошо ли остругано. Потом пришел Николай Степанович и, конечно же, стал укладывать на верстак наши заготовки — доводить до совершенства.

Скоро сказка сказывается, не скоро тахта делается. Добрая неделя ушла у нас на то, чтобы сначала отполировать до блеска заготовки, потом, по совету Николая Степановича, выпилить из фанеры узорчатые украшения для спинок и, наконец, собрать две тахты. О, это была для нас торжественная минута. В субботу в полдень обе новенькие, сияющие светло-зеленой краской тахты красовались у чайханы. Пришедшие в обед в чайхану аксакалы поглаживали белые бороды и цокали, качали головами, любуясь нашим подарком чайхане. Мы перетянули ленточками то место, откуда забираются на тахту, Азим-ака положил на обе тахты по ковру и я сказал, обращаясь ко всем, кто пришел в чайхану:

— Дорогие товарищи аксакалы и просто рядовые обедающие! Разрешите торжественно открыть две новые тахты, которые дарит вам наша поселковая Академия Добрых Услуг.

Все заплодировали, а я, протягивая ножницы растерявшемуся Николаю Степановичу и Ваське, продолжил:

— Почетное право разрезать ленточки предоставляется главному архитектору тахты Василию Кулакову и научному консультанту Николаю Степановичу!

Все снова заплодировали, а Васька и Николай Степанович на негнущихся ногах потянулись к ленточкам и, волнуясь, принялись неумело жевать их ножницами, силясь перерезать пополам.

— А теперь, — воскликнул я, — просим сюда уважаемых аксакалов!

К нашим новеньким тахтам, улыбаясь, подошли старики — Рахим-бобо, Абдурахман-бобо и ветеран поселкового рудника Мефодий Лукич — дедушка нашего Юрки Воронова.

— Просим вас, — дорогие аксакалы, — еще раз пригласил я. — Смелее.

— Закачаются! — засмеялся Азим-ака, вспомнив наш недавний разговор.

Рахим-бобо развел руками:

— Это тахта из «Тысячи и одной ночи». Сказка, а не тахта. Кто, говорите, главный архитектор?

— Вот он! — мы вытолкали вперед смущенного и упирающегося Ваську.

Рахим-бобо почтительно прижал руки к груди и, едва склонившись, сказал:

— Спасибо, урток-товарищ главный архитектор! Аксакалы просят вас оказать нам честь и выпить с нами пиалу кок-чая.

— Кто? Я? — испугался Васька. Рахим-бобо кивнул.

— Вас просим, вас. Пожалуйте с нами на тахту! Оторопевший Васька скинул сандалии, полез на тахту и сел, поджав ноги под себя.

— А теперь и вас просим, уважаемый!— обратился Рахим-бобо к Николаю Степановичу, который тоже был явно не готов к такому повороту событий.

Николай Степанович торжественно ступил на тахту и сел рядом с Васькой. С ними сели аксакалы. Азим-ака принес чай, лепешки и виноград. Рахим-бобо не спеша сделал традиционный кайтарыш — несколько раз наполнил пиалу чаем и тут же вылил его обратно в чайник — чтобы получше заварился. Потом стал разливать чай, а первую пиалу поднес Ваське. Мы сидели на второй тахте, угощаясь чаем и искоса поглядывали на тахту, где аксакалы всю хвалили Николая Степановича за воспитание образцового сына, который в будущем, конечно, же, обещает стать гордостью поселка, если уже сейчас носит звание «Главный архитектор тахты...»

Чай был выпит, лепешки и виноград съедены. Мы засобирались домой. Николай Степанович с Васькой молча шли чуть впереди нас, крепкая рабочая рука Николая Степановича нежно и мирно покоилась на Васькином плече.

— Поздравляю!— шепнул я друзьям.— Похоже, сегодня родился новый Васька Кулаков.

Я обернулся к Стелле:

— А помнишь, ты хотела его за борт к акулам бросить — балласт, мол, и толку никакого?

Стелла смутилась.

— Это был другой Васька, Совсем другой.

Я вздохнул:

— Не только Васька — мы и сами были совсем другими. Равнодушными...

ШЕСТЬ ПИШЕМ — ДВЕНАДЦАТЬ В УМЕ

Дома я не удержался и рассказал маме о том, как мы в Васькином доме мир поселяли. И все благодаря Азиму-ака. Ведь не будь его заявки на пустырь и тахту — и не получилось бы ничего.

— А вы что же, только по заявкам работаете?— сощурилась мама.— А может, человек из скромности помощи не попросит—тогда как?

— Ты о чем? — насторожился я, почуяв подвох в маминых словах.

— А хотя бы о тетке Марьям. Ваш академик Сервер рядом ходит, а того, что матери помочь надо, упорно не замечает. Одна надрывается.

— Надрывается?— удивился я.— А чего ей надрываться?

— А представь себе, что по вашей милости. Видел у них во дворе гору капусты и моркови? А что за капуста — не задумывался?

— Не...

— То-то и оно... Ну так слушай. Общепит наш с ней договор заключил — капусту на зиму засолить. Она ведь редкая мастерица, про ее капусту все знают. Или

не хотите зимой в столовой хрустящей капустки? Это ведь лучшее в мире лекарство!

— Для школы солит?

— И для школы, и для рабочей столовой, и для больницы — для всех.

Я схватился за голову.

— И что же, на всех одна капусту режет?

— Похоже, что так.

Я даже растерялся, услышав такое. Ну и Сервер! Ну и растяпа! Ведь под самым носом было такое великолепное дело, а упустил, не заметил.

— Еще не поздно,— успокоила меня мама.— Если завтра всей своей академией на капусту навалитесь — мировая будет подмога.

— Еще как навалимся!— пообещал я.— А ты нож дашь? У тетки Марьям на всех нас ножей не хватит.

Мама улыбнулась:

— И нож дам, и доску кухонную впридачу. Похоже, похрустим зимой капусткой, а?

— Конечно, похрустим.

Утром я нещадно отчитывал Сервера, а он беспомощно оправдывался:

— Не думал я, что добрые услуги можно и маме оказывать.

Услышав про наше желание резать капусту, тетка Марьям ужасно обрадовалась.

— А я уж испугалась,— призналась она.— Как школе отказать? Понимаю ведь сердцем — нужна деткам зимой капустка, витаминчики. Но вот как порезать самой эдакую гору?

— Порежем, тетя Марьям, все порежем! — заверил ее.— Вот только ребят соберем побольше.

Я вскочил на велосипед и завертел педалями, объезжая одноклассников и объясняя им, почему нужно; срочно спешить к Мамбетову со своим ножом и кухонной доской. Скоро во дворе Мамбетовых творилось что-то невероятное. Васька с Сервером носились к крану и обратно, обмывая лысые капустные головы и спешно принося их к нам. А мы, разложив на тахте четыре огромные чистые клеенки, положили на них наши кухонные доски и весело, застучали ножами. Когда вместо горы капустных голов на клеенке лежала капустная стружка, мы навалились на морковь. Когда начали шинковать, Васька чуть тахту не сломал. Мудрено ли — атаковал капусту, будто ему поручили борцу-тяжеловесу массаж сделать. Ну и намял же он бедной капусте бока! А потом тетка Марьям начала священнодействовать у бочек, одной ей ведомым порядком укладывая в них капусту с морковью и пересыпая все это месиво крупной соляной дробью. В обед все было кончено. Шесть бочек, доверху наполненных нарезанной и намятой капустой, стояли в погребе. Каждая была придавлена громадным камнем, которые тетка Марьям заставила нас предварительно хорошенько вымыть горячей водой со стиральным порошком.

Каждый из нас был твердо убежден, что вкуснее капусты нет и не может быть на всем белом свете. Вот будет зима — все попробуем и убедимся.

— Неплохо для начала!— сказала тетка Марьям, когда мы прощались.

— А почему для начала?— подняла глаза Стелла.

Тетка Марьям улыбнулась:

— Что ж вы, милые мои, думаете — шести бочек на весь поселок хватит?

А сколько надо?

— Да еще два раза по столько.

— Ясно!— сказал я,— Шесть пишем — двенадцать в уме...

— Так мы же всю капусту порезали!— изумилась Стелла.

— Всю, что во дворе у меня была. А в поле ее, милая, считать не сосчитать. Общепитовцы на той неделе еще машину привезут.

— Правда?— упавшим голосом сказала Стелла.

— Правда, правда!— поспешил подхватить я и, чтобы тетка Марьям не подумала плохого, добавил:

— Вы не думайте, мы еще придем. С радостью. Вы только через Сервера в Академию передайте, когда нужно. Ведь это для всех капуста.

Я обернулся к Стелле:

— Верно говорю, командир?

Стелла театрально развела руками и провозгласила:

— Как обычно...

Ну, и пижонка!

ЛУЧШЕЕ В МИРЕ ЛЕКАРСТВО

— Читай, в гости зовут,— с этими словами мама протянула мне вечером письмо. Я глянул на конверт и сразу же все понял:

— От бабушки?

— Читай,— скупой ответила мама.

«...А еще,— распутывал я бабушкины закорючки,— хочу повидать дорогого внука своего — Володечку. Очень буду ждать — пусть приедет и погостит».

— Ты что ж, не рад?— удивилась мама тому, что я не принялся тотчас же, как сумасшедший, радостно прыгать вокруг стола.

— Хотеть-то хочу, — уклончиво протянул я.

— Так за чем же тогда остановка?

— Ясно за чем. Академия...

— Ну вот еще, — мама всплеснула руками.— На пару недель отлучишься — ничего с твоей Академией не будет — не развалится. Да и каникулы ведь.

— Каникулы?— удивленно спросил я.— А разве добрые дела в каникулы делать не нужно? — Я усмехнулся: — Непедагогично рассуждаете, товарищ учительница!

За окнами завизжали тормоза, будто на них, как на котенка, кто-то неловко наступил.

— Папа приехал!— встrepенулась Айгуль и побежала отпирать калитку.

Мама вздохнула.

— Послушаем, что скажет отец,— сказала она и, когда папа вошел, протянула ему письмо:

— Вот, Володьку в гости бабуля зовет.

— И отлично!— пробасил папа, забежав глазами по строчкам,— пускай едет. Билет в зубы — и вперед!

Папа обернулся ко мне:

— Рад, небось до смерти?

— До смерти — это уж точно!— саркастически заметила мама.— Видишь ли, добрые дела его держат. Они ведь академики по добрым делам.

Айгуль, конечно же, поспешила подпеть маме:

— Володечка думает, что без него тут все развалится. Пуп поселка...

— Потихе ты,— оскалился я.— Сама ты пуп. Папа расхохотался:

— Ну, и академик! Кусачки, а не рот!

— Сама виновата,— с обидой ответил я.

— Ну, так слушай!— Папа поднялся со стула и подошел ко мне.— Ехать надо. Во-первых, бабушка просит. Во-вторых, от красоты города ахнешь еще раз. Это же не город, а учебник истории!— голос папы патетически зазвенел, как посуда в шкафу во время землетрясения.

— Знаю, что учебник,— буркнул я.— Думаете, я и сам не хочу.

— Небось опять про свою Академию?— рассмеялась Айгуль.— Ну, и чудаков-человек...

— погоди, Айгуль, ты не права!— резко сказал папа.— Это здорово, что Володька за дело переживает. За это мы должны его хвалить, а не как ты сейчас... Но послушай, Володя, разве добрые дела только у нас в посёлке и можно творить?

— Нет, конечно,— согласился я.

— Ты прав!— подхватил папа, улыбаясь.— Не могу не согласиться с тобой — везде нужны добрые дела, и там тоже. Так что собирайся, брат, в дорогу.

Я долго не мог придти в себя после этого разговора. Ловко все же у папы получается — вроде бы я спорил, свое доказывал, а получилось будто бы я сам себя уговорил. Нет, я, конечно же, сразу же, в первую же секунду обрадовался, прочитав бабушкино письмо. Но это я про себя обрадовался, а вслух обрадоваться не успел — представил себе, как огорчатся ребята, узнав, куда наострил лыжи, и вся радость моя сразу же испарилась. Еще и предателем сочтут. Надо будет завтра объяснить им все. Должны ведь понять: не поехать — значит бабушку обидеть. А письмо ее — это вроде бы заявка она нам в АДУ прислала: высылайте, мол, внука — скучаю и все такое прочее. Вот и получится, что я как бы заявку поеду выполнять.

Я долго не мог уснуть, ворочался и вздыхал, и улыбался в темноте собственным рассуждениям, а особенно тому, как ловко у меня бабушкино письмо в заявку превратилось. И еще с ужасом вспоминал бабушкины угрозы из каждого ее письма. Она обещала, что живо откормит меня, хилого и тощего, дайте ей только заполучить, меня... Похоже, бабушка хотела сделать меня вторым Грызуном. Довольно! Хватит с нас одного Мубара.

...Мне приснился дурацкий сон — как будто подъезжаю я к бабушкиному вокзалу, достаю бабушкино письмо и с подножки вагона обращаюсь к встречающим:

— Товарищи! Кто тут будет гражданка Зухра Балтабаева?

Ко мне протискивается добрая моя морщинистая бабушка, стремясь заключить меня в объятия, радостно восклицает:

— Володя-джан, внук приехал! Ягненко ты мой ненаглядный!

— Минуточку, гражданка!— решительно отстраняясь от бабушки, говорю я и показываю ей, опешившей, ее же собственное письмо:

— Ваша заявка? Вызывали?

— Моя...— растерянно отвечает бабушка.

— Вот и хорошо. Рад выполнить заявку и передать вам, бабушка, самого себя в целости и сохранности.

— Ты не заболел, внучек?— испуганно спрашивает бабушка.— В дороге не продуло? Может, тебе лекарство дать?

— Лекарство?— нагло усмехаюсь я.— Лучшее в мире лекарство — соленая капуста тетки Марьям! Хочешь попробовать, бабуля?— с этими словами я открываю свой чемодан, почему-то набитый доверху соленой капустой, и ко мне вдруг разом устремляются все, кто в эту минуту был на перроне. Они отталкивают друг друга, протягивают ко мне страждущие руки и умоляюще просят:

— Капусты! Капусты! Капусты!..

Я проснулся от сильнейшей жажды — в горле пересохло, будто сто лет не пил. Чего только не приснится!— удивлялся я, жадными глотками осушая полную кружку.— Честное слово, кажется, совсем, помешался на заявках.— Так и свихнуться можно. Утром мысль о том, что надо оставить ребят и уехать, показалась мне ужасной. Я пошел на кухню. Мама чистила картошку.

— Мам, я не поеду,— сказал твердо.— Не могу я уехать от Академии. Понимаешь?..

Мама вздохнула и протянула мне второй нож:

— А картошку чистить можешь?

ТАЙНА ЛЫСОЙ ГОРЫ

Вот бы не подумал, что Рафаэлька может подарить нам приключение. Да еще какое... А между тем, все началось именно с него. Утром карапуз принес мне какую-то смятую бумажку. Меня, конечно, сразу же насторожил этот визит — Рафаэльку Ханифа-апа от себя ни на шаг не отпускала, пасла его почти как брыкливую Кису.

— Держи, это тебе,— Рафаэлька протянул мне бумажку. Я развернул и прочел: «Сыночки, снова нужна ваша помощь. Не дувалу, а мне самой, Ханифа».

— Что случилось?— спросил я.

Рафаэлька пожал плечами.

— А я не знаю. Бабушка с утра лежит, охает и не встает. Потом меня подозвала и вот эту бумажку велела тебе отнести.

— Побежали!— заторопился я.

Ханифа-апа сказала, болезненно морщась:

— Ты бы, внучек, в аптеку сбегал — сердечко пошаливает.

— Может, врача вызвать?— испугался я.

Я помчался в аптеку. Взяли у меня рецепт и головой покачали:

— Настой зверобоя... Настойка ландыша... К сожалению, у нас перебои с этими травами. А вещь, действительно, от сердца полезная. Здорово укрепляет...

— Что ж с того, что здорово!— возмутился я.— Лучше подскажите, где достать. А что вещь хорошая — так это и по рецепту ясно, это врач पहले вас знал.

Провизор пожал плечами:

— Рад бы подсказать, да не могу,— давно не завозили.

— Импортная вещь? — спросил я. — Издалека, что ли везут?

— Зачем издалека. Этим зверобоем и ландышем у нас все горные склоны усеяны.

— Усеяны!— поразился я.— Почему ж тогда в аптеке нет?

— А я почем знаю? — провизор ушел в кладовую, мои бесконечные вопросы, похоже, начали ему надоедать. Но я все равно дождался его и спросил:

— А кто знает?

— А это ты лучше в городе, в аптекоуправлении спроси! Им больше моего знать положено!

Я почувствовал, как у меня зачесались кулаки. Вот ведь история — вокруг нас горы растут залежи лекарств, а в аптеке ни одного волшебного листика. Чудеса да и только... Провизор, правда, смилостивился и объяснил мне, где аптекоуправление.

Но и в Ташкенте не обрадовали.

— Бабушке, говоришь, прописали?— спросил меня усатый дядечка в белом халате и тяжело вздохнул.— К сожалению, не только твоей.

Я не выдержал:

— Это правда, что наши горы усеяны этой травой? Почему же не собирают?

— Собирают!— оборвал меня усач.— Да только не те, кому надо, и не тогда, когда можно. Понял?

Я честно мотнул головой:

— Не-а, не понял.

— Ну, так слушай в оба!— сердито сказал он.— В горах его, действительно, много — зверобоя этого самого. Бессмертника тоже много. И ландыша. И шалфея. И тюльпанов тоже. А знаешь кого больше?— он испытующе посмотрел на меня,

— Кого же?

— Не догадался? Диких туристов — вот кого. Они ведь целыми снопами рвут ценные лекарственные травы и цветы и везут в город — себе на потеху, горам на разоренье. Гибнут цветы — вот что. Прогулочки ведь и сушить толком не умеют. Это ведь тоже уметь надо. И знать — где и как собирать — тоже надо. А то бывает, что иной добряк сам приносит нам мешок трав и добродушно предлагает:

— Берите даром — мне денег не надо. Пусть больные пользуются! Глянешь в мешок, а там уже не лекарство, а сено — очаг растапливать.

— Как же так?— огорчился я.— Неужели не понимают люди?

— Удовольствие свое они понимают — это точно. А траву не понимают.

Он совсем разволновался и даже стянул с себя очки.

— Ведь получают странные вещи,— с жаром продолжал он.— Эти варвары многолетние травы с корнями из земли выдергивают. И пустеют склоны. Походите, послушайте, как холмы и горы в наших окрестностях называются — прелюбопытная вещь.

— Как же?

— Одна — Лысой, другая — Пустой, а третья — Голой. И точно названы!

Он вздохнул.

— Вот и получается, что наши заготовители недобирают травы.

Я опустил голову. Мне почему-то стало стыдно. Я вспомнил, как и наш отряд, бродя по полям и горам, всегда собирал букеты и плел венки. А потом... Потом это засыхало и выбрасывалось.

Я поднялся.

— Извините, мы что-нибудь придумаем.

— Погодите, молодой человек! — остановил меня аптекарь. — Так и быть, сыщу для вас пачечку. Не возвращаться ведь к больной бабушке с пустыми руками.

Вернувшись в Катта-Караван, я пересказал своим друзьям беседу в аптекоуправлении.

— Де-ла-а! — протянул Сервер. — Не, ребята, лучше не болеть!

— Лучше давай думать, что будем делать. Спасать надо Лысые горы.

— А что сделаешь? Возле каждого холма злую собаку не пропишешь.

— Злую не надо, — согласился я. — Злая и сама цветы в клочья изорвет.

— По-моему, — сказал Фархад, — надо сначала походить да посмотреть — что к чему. Глядишь, и придумаем...

И, оседлав велосипеды, мы поехали к холмам и поразились тому, как много горожан возвращаются отсюда домой с охапками цветов. Это, и впрямь, были целые снопы. Мы остановили парня с девушкой, которые несли букет толщиной с бочонок тетки Марьям, и спросили:

— Не подскажите, где Лысая гора?

— Вам какая? — сощурилась девушка.

— Лысая, — повторил я.

— Так их тут много — Лысых... Какая именно?

— Любую покажите.

— Да зачем она вам? — тряхнула косой девушка. — Если вы за цветами, то лучше идите во-он туда. Там еще есть. А с Лысой что возьмете? Лысая — она и есть лысая. Вот, кстати, мы с нее последние цветы собрали, — кивнула она на бочонок.

— Все равно покажите, — упрямо повторил я. — Мы туда по другому вопросу.

— Пожалуйста, — рассмеялась девушка. — Езжайте прямо. Вы ее сами узнаете — лысина на солнышке так и блестит.

Да, мы узнали ее сами. Горка была истоптана тысячью подошв и каблучков, травы нещадно помяты и обломаны. Мы молча стояли у подножия, оглядывая жуткое разорение на склонах.

— И точно — Лысая! — сокрушенно кивнул я. — Верное имя придумано, лучше не сказать. И никакой, оказывается, нет у нее тайны.

— А я б... — разволновался Сервер, — волосы на голове у тех, кто здесь орудовал — вот так же пообрывал бы!

— Мы их только что видели! — насмешливо сказал я. — Что ж не пообрывал?

— Это кто же? — опешил Сервер.

— Да парень с девушкой, что нам сюда дорогу показали. Какую шикарную косу упустил. С нее бы и начал! — я укоризненно покачал головой, а Сервер, явно не распознав иронии в моих словах, стал растерянно оправдываться:

— Знаешь... Как-то в голову не пришло, что они тоже вредители. Такие симпатичные ребята. Иди — догадайся...

Фархад кивнул:

— Самое обидное, что они и сами не подозревают об этом. Скажи им, что гору убили, — всерьез обидятся. Наверное считают, что ужасно любят природу, жить без нее не могут.

Мы стояли у разоренной горы и были в отчаянии от своей полнейшей беспомощности. Ах, если бы мы могли положить все эти горы в необозримый сейф, запереть на замок, а ключ сдать в аптекоуправление усатому дядечке!

Домой возвращались молча. И уже у самого дома я сказал Андрею:

— Готовь фотоаппараты — есть идея!

— А что фотографировать будем? Вредителей? Браконьеров? Или, может, цветущие горы — чтобы вместо лекарств вручать больным виды на травы?

— Пленки на всех вредителей не хватит,— сказал я. — Есть другая идея. Так принесешь, что ли, завтра?

— Мне не жалко.

Мой план был прост. Следующий день ушел у нас на дежурство в аптеках. Мы дожидались всех, кто приходил сюда за лекарственными травами, объясняли им свою задумку, и тех из них, кто соглашался,— фотографировали вместе с рецептом. Вечером мы пошли в андрейкину фотолабораторию — проявлять пленку и печатать фотокарточки. Снимки удались на славу — во всяком случае, лица и рецепты были внятно видны. А это нам и требовалось.

Заведующий поселковой аптекой понял нас с полуслова. Он развил бурную деятельность — хрипло доказывал по телефону кому-то высокому, что будет жаловаться еще выше, вызывал подчиненных и отдавал распоряжения. Зато после обеда во двор аптеки вкатилась машина, увидев которую из окна он облегченно кивнул нам:

— Ваша прибыла... Разгружайте!

Машина была доверху полна брусками, фанерой, ватманом. И все мы превратились в столяров. Перво-наперво мы делали щиты, а попросту говоря — прибавляли к каждому листу фанеры ножки, а затем прикрепляли к фанере кнопками лист ватмана. Следующий день ушел у нас на два дела: я с Сервером и Фархадом занялся раскраской щитов, а остальные отправились к Андрею печатать несметное число фотографий. На каждом щите мы написали: **«Остановись и прочти! Только ты можешь нам помочь!»** Всю остальную площадь мы заклеивали десятками фотографий неудачливых посетителей аптеки, так и не получивших заветных трав. Внизу шел такой текст от имени «больных»: «В аптеке всем нам отказали. Трав нет. А ты спасешь нас, если не будешь делать гору Лысой!»

Подпись под щитами была такой: «Твои родные и друзья, а может, и ты сам».

Потом мы погрузили щиты (а их получилось больше сорока) на грузовик и повезли устанавливать там, где еще можно было хоть что-то спасти... Через три дня, в воскресенье, мы вновь приехали на велосипедах к городской окраине. Как и раньше, в город возвращались после загородных прогулок по живописным окрестностям толпы народу. И только одно отличало эти толпы от прежних — мало кто нес букеты и веники, мало кто воровато озирается, как это бывало прежде. И все улыбались друг другу, как будто были родными или просто знакомыми. Мы и сами скоро не выдержали и стали отвечать на улыбки. А Сервер сказал так:

— Лично нам эти целебные травы, думаю, не понадобятся. Улыбка — неделю жизни сберегает. А мы сегодня на сто лет вперед наулыбались.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ДРУЖЕСТВЕННОЙ ГАЛАКТИКИ

И тут на меня свалилась новость, к которой, впрочем, нужно было исподволь готовиться: Айгуль и Алишер объявили о своей свадьбе. Мы послали телеграммы —

бабушке и Акраму. Акрам, конечно же, не смог приехать. А вот бабушка не заставила ждать себя и скоро прибыла.

Выйдя из автобуса, бабушка широко разметала руки для предстоящих тесных объятий и, уже не смыкая их, так и шла метров двести, пока в эти крепкие тиски не угодили так же спешащие ей навстречу мама, папа, Айгуль и я. Смычка продолжалась долго, я не стал ей мешать и побежал к ребятам — Фархад, Сервер, Васька, Юра и Андрей уже возились в нашем дворе, сооружая из досок, на первый взгляд, нечто непонятное — деревянный тротуар вдоль всего двора.

— Это что у вас?— удивилась бабушка, подойдя к нам.

Фархад нехотя оторвался от молотка.

— Столы делаем,— объяснил он.— Гостей ведь сотни две наберется.

— А почему столы лежат на земле?— удивилась бабушка.

— Так ведь это еще не столы, а только крышки на них. Погодите, еще и столбы будем вкапывать, а уже к ним крышки эти прикрепим. Не волнуйтесь, бабушка, будет полный порядок.

— Ловко!— восхитилась бабушка.— Кто придумал?

Сервер улыбнулся:

— У нас есть главный архитектор! Васька Кулаков. Он у нас молоток!

— Кстати, о молотке, — восторженно Васька и протянул мне молоток.— Держи-ка лучше вот эту штуковину и к делу подключайся. Шибко долго гуляешь по двору — сразу видно, что оторвался от коллектива. И вообще, у чьей сестры свадьба — у нашей или у твоей?

Еще долго наши молотки яростно топили гвозди в досках. А председателем приемной комиссии стала бабушка. Это получилось само собой. Она придирчиво оглядывала гигантскую нашу работу, охала, вздыхала, а потом подошла к автору проекта столов — Ваське Кулакову, уважительно оглядела его и спросила:

— Ну, а внучек мой, ягненочек мой бесценный Володечка, хорошо помогал вам? ;

— Помогал, конечно!— кивнул Васька.

Бабушка помолчала, помялась, как бы не решаясь попросить о чем-то. Лучше бы, так и не решилась. Потому что, набравшись духу, она сказала:

— Только вы его не очень загружайте работой, слабенький он у меня, худенький. Еще надорвется... Вот и Сергей с Рубеном его у меня прошлым летом чуть до беды не довели. Вырядили Володьку пугалом огородным, он ведь и в милицию угодил... Так что

смотрите у меня!— погрозила пальцем бабушка.

Васька испуганно кивнул — хорошо, мол, не будем загружать ягненка. А я готов был провалиться сквозь землю. Да что там провалиться — продолжая движение, не сбавляя скорости, преодолеть капкан гравитации и через какую-нибудь — хоть самую завалающую черную дыру добраться до соседней дружественной галактики и только там прийти в себя от стыда и обиды.

— Смотри... Смотри, бабушка, на своего хилого ягненка!

С этими словами я поднатужился и, видать, столько слепой ярости вложил в свое движение, что два ближайших ко мне столбика, надежно врытых в землю, поднялись, ломая притоптанную вокруг них землю, и повисли в воздухе. Бабушка одной рукой схватилась за сердце, а другой привалилась к Ваське. А Васька, вот черт, восторженно

глядя на мое лихое молодечество, вдруг ловко представил дело так, будто я на стол поднимал, а штангу на соревнованиях. Потому что он стал отсчитывать, как судья:

— Один... Два... Три...

А потом махнул рукой — опускай, дескать — и радостно завопил:

— Вес взят! Есть мировой рекорд по поднятию свадебных столов для открытых помещений!

Бабушка, охая, бросилась ощупывать мою спину, голову и плечи — цел ли я. Я был цел.

— Вот видите,— снисходительно заметил Васька,— это же не ягненок, а бык!

Я торжественно и неторопливо возвращался из дружественной галактики домой. Через черную дыру, через гравитацию и через бесследно исчезающую обиду. Возвращаться было далеко, но к началу свадьбы я успел.

ЕЩЕ РАЗ О ПОЛЬЗЕ НАГЛЯДНОЙ АГИТАЦИИ

Телеграмму, которую мы послали Акраму, попала в орготдел пароходства, там ее превратили в радиоволны и они быстро добежали до корабля. Акрам прислал радиogramму: «Поздравляю. Подробности посылкой».

Посылка пришла через три недели. В ней был японский магнитофон с дарственной гравировкой и почему-то бадминтон. Тоже японский. Мы сразу догадались в каких краях нашла Акрама телеграмма. В приложенном к посылке письме Акрам писал: «Думаю, вы догадались, в чем тут дело... В бадминтон играют двое, а воланчик между ними мечется один. Вот я и желаю чтобы у вас, Алишер и Айгуль, и счастье было одно на двоих». Бабушка вытирала глаза, когда Айгуль читала вслух письмо. Потом я отозвал Айгуль в сторонку и шепнул:

— Давай по-честному. Письмо тебе, а бадминтон мне

— Вот еще!— вспыхнула Айгуль.— Это ведь свадебный подарок.

— Что с того, что свадебный! — убеждал я.— В сундуке, что ли, будешь хранить до пенсии? Дай поиграть — будь человеком.

— Ладно, бери,— сдалась сестра.— Но только — поиграть.

Я схватил бадминтон и выбежал на улицу.

— Видали?— показал я опешившим друзьям коробку, густо испещренную непонятными иероглифами.

Сразу образовалась очередь охотников испытать в деле японский бадминтон. Мы, как очумелые, носились по проселочной дороге, размахивая ракеткой, не давая воланчику плюхнуться в дорожную пыль. Зато мы скоро стали похожи на поросят. Первым опомнился Сервер. Оглядывая жутко измаранные сандалии и брюки, он вздохнул:

— Мамка мне сегодня задаст — это точно!

Я складывал бадминтон обратно в коробку, чувствуя вину за то, что из-за меня ребята вернутся домой небывало чумазые, мыть и стирать их сегодня понадобится с головы до ног. Сервер сходу завелся и стал размышлять вслух.

— Бадминтон — вещь, конечно, хорошая. Но играть в этой грязи — я извиняюсь... Сколько времени спортивную площадку шефы обещают сделать, а все нет.

— Через десять дней в школу идти — и опять будем без площадки.

И тут Ваську осенило.

— Ребята!— он заговорщицки понизил голос.— Айда к молодежному секретарю рудника! Именно сегодня, сейчас.

— Посмотри на себя в зеркало — тебя же мать родная не опознает,— возразил я.

— Вот и отлично!— радостно подхватил Васька, будто всю жизнь мечтал, чтобы его не узнавали. — Пусть увидят, каково нам без площадки. Может, быстрее поверят, что надо бы наконец вспомнить о нас.

Васькина идея теперь уже не казалась нам такой безрассудной, как вначале.

— Наглядная агитация — вещь хорошая!— солидно подтвердил я.

— Так идем, что ли? — обрадовался Васька, чувствуя, что мы вот-вот сдадимся.

Я махнул рукой:

— Веди нас к шефам, главный архитектор! Была не была.

Васька на радостях зачерпнул с дороги пригоршни пыли и круто посолил ею брюки.

— Чтоб еще нагляднее было!— доверительно сообщил нам он. — И вам советую.

— И так сойдет,— отклонил я Васькино предложение.— Держись, ребята, сейчас они все попадают от испуга.

Нам крупно повезло — у заводоуправления стоял у машины сам секретарь. У него вытянулось лицо, когда мы решительно подошли к нему. Мы курились пылью, что осела на нас на дороге во время игры.

— Что это значит, ребята?— растерянно спросил секретарь.— Может, у нас в поселке снимается исторический фильм о жизни беспризорников и вас пригласили на главные роли? Что за вид — не понимаю.

— Смотрите,— показал я коробку с бадминтоном. — На дороге играли. Играть нам больше негде, вот и измазались, как поросята — домой стыдно пойти.

Подключился Сервер:

— Сколько можно нас завтраками кормить? Каждый раз откладывают строительство спортплощадки.

Секретарь решительно захлопнул дверцу машины, бросив шоферу:

— В райком поедем только через час. Оказывается, есть неотложное дело и дома...

Скоро все комитетчики высыпали во двор — оглядывать нас. Заведующий спортивным сектором явно нервничал, понимая, что отдуваться первым делом придется ему. Так оно и случилось.

— Ну, Юлдаш, что скажешь,— спросил его секретарь.— Нравятся тебе ребята?

Юлдаш сказал упавшим голосом:

— Вы насчет спортплощадки?.. Сделаем, Усман Сафарович. Завтра и начнем.

Васька протянул недовольно:

— Я же говорил — завтраками будут кормить!

— Погодите, ребята!— властно остановил Ваську секретарь и вновь повернулся к Юлдашу.

— Договоримся, что это «завтра» будет в последний раз.— Он усмехнулся и продолжил:— Иначе на послезавтра я назначу товарищескую встречу по бадминтону между ребятами и тобой. И знаешь где — тоже на дороге! Сам буду судить матч... Идет?

Юлдаш с готовностью кивнул:

— Сделаем... Почему не сделать. Обязательно можно.

Я выступил вперед и сказал:

— Усман Сафарович, вы не думайте, мы не маленькие. Мы и сами можем сделать площадку — у нас ведь своя АДУ есть... То есть Академия Добрых Услуг. Только там ямы очень большие и бугры жуткие — их ломом не расковыряешь. Бульдозер нужен. А так мы и сами могли бы. Уже два раза нам говорили — мол, тракториста лишнего нет.

— Ясно, Юлдаш?— повторил Усман Сафарович. — Бульдозер сможешь достать?

— Достану! — торопливо ответил Юлдаш. — У Балтабаева попрошу. Гафур Рахимович не откажет...

— И учти,— продолжал секретарь.— Если Гафур Рахимович скажет, что бульдозер дать может, а тракториста свободного нет под рукой — все равно соглашайся.

— Как же так?— растерялся Юлдаш.

— Не пропадем, Юлдаш!— улыбнулся Усман Сафарович.— Я сам в кабину сяду. Думаешь, забыл, чему меня в техникуме учили? Сомневаешься? Думаешь, твой секретарь только и годится, что бумажки подсовывать?

— Вы сядете за трактор?!— изумился Юлдаш. — Сами?

— Можем поспорить, если сомневаешься,— рассмеялся секретарь.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Все бы ничего. Но вот незадача — пристали ко мне Сервер, Юрка да и другие ребята с расспросами — что это за история с пугалом огородным?.. Расскажи да расскажи... Вот ведь угораздило бабушку вспоминать уже полузабытое прошлогоднее мое приключение. Было бы что припоминать, чем гордиться, а то ведь стыд один да и только. Я было отнекивался:

— Да что вы, ребята, это ведь такая история — целый год вспоминать и рассказывать надо.

Но ребята не отступили, пришлось выкладывать все начистоту.

А получилось вот что. Прошлым летом родители спровадили меня на две недели к бабушке, уступив жарким зазывным письмам. И началась для меня веселенькая жизнь. Бабушка целыми днями не давала себе отдыха — пекла, варила, парила, жарила, фаршировала, таскала с базара тучные кошелки и, громоздя на стол горы съестного, с умилением глядела, как я все это уплетаю. За столом я чувствовал себя, как альпинист, который стоит у пока не покоренной вершины, и задрал голову, силится увидеть ее — сияющую и недоступную.

— Бабуль!— в отчаянии говорил я каждый раз. Ну, зачем такая прорва еды? Столько мы и всем классом не одолели бы. Сюда целую школу на трудовой десант приводить надо...

Бабушка неподдельно серьезно обижалась, и приходилось мириться со своей участью, терпеливо укладывая в себя, как в бездонный сундук, самсу и лепешку, виноград и лагман, плов и фисташки. Те дни превратились для меня в жуткое испытание.

А бабушка, знай, умиленно оглядывала меня и вздыхала:

- Худой-то какой! Совсем заморили моего ягненка. Уж я им напишу! Видано ли — один скелет на мальчишке болтается. Заморыш, а не ребенок...

Она гладила меня по голове и приговаривала:

— Ешь, мой ягненок... Не жалея, я еще приготовлю.

Я давился и ел, чувствуя, что ширюсь не по дням, а по часам. Спорить с бабушкой бесполезно — она вела праведную заочную войну с моими родителями, и в этом бою должна была победить ее уверенность в том, что при желании можно за неделю прибавить во мне двадцать кило живого веса. Полею, боя был, ясное дело, я. Театром военных действий...

Я уже всерьез беспокоился о том, чтобы Катта-Караванцы, увидев мою раздобревшую фигуру, не стали меня звать, как и Мубара Ахмедова, Грызуном. Только этого не хватало.

После изнурительного завтрака, который мог бы напавал уложить любого обжору, бабушка разрешала мне порезвиться. Это у нее называлось — нагуливать аппетит.

— Погуляй немного, ягненок мой,— ворковала бабушка.— На чистом воздухе, глядишь, и аппетит прорежется.

Я, отдуваясь, с трудом переступал калитку, и передо мной, хоть и ненадолго, распахивала свои хрустальные двери свобода.

Я познакомился с соседскими мальчишками — Рубеном Саркисяном и Сергеем Захаровым. Они были одноклассниками и дружили. Узнав, что я в их городе впервые, Рубен с Сергеем сразу же заявили:

— Тебе надо город показать. Тут знаешь какие памятники есть!..

И вот однажды мы поехали на главную площадь. С нее,— так сказал Рубен,— и нужно начать знакомство городом. Я, конечно же, сразу узнал ее — сколько раз видел и по телевизору и в журналах. Но мне не хотелось обманывать ожидание Рубена и Сергея и, ступив площадь, я тотчас начал мотать головой по сторонам, восхищенно охать, наблюдая тем временем краем глаз, как гиды досыта упиваются моими восторженными восклицаниями.

Между тем, площадь была великолепна. Словно отражаясь в зеркале, стояли здесь, пляясь друг на друга, два огромных древних здания, похожих почему-то из-за своих высоких башен по бокам на грозных архаров. Здания как бы присели на задние лапы перед прыжком. Лоб в лоб... Рога в рога...

— Идем вон к той мечети, — потянул меня за руку Рубен.

Главный купол, нахлобученный на тело мечети, был разбит, словно постройке проломили череп. На хрупких деревянных мостиках у купола сновали реставраторы.

— Скоро будет как новенькая!— с гордостью сказал Рубен.

Мы вернулись на площадь и вошли во дворик медресе. Дворик был пустынен, и мы стали бродить по гулким кельям. Близ одной из них мое внимание привлек мальчишка, воровато возившийся у стены. Он выковыривал крохотный кирпичик, облитый блестящей голубой глазурью.

Мальчишка зло покосился на меня.

— Чего надо? Ходишь — ходи!..

— А зачем тебе это?— удивился я.

— Если дурак — все равно не поймешь,— огрызнулся мальчишка.

— Почему не пойму?

— Да потому что спрашиваешь! Если бы понимал — не спрашивал бы.

— Вот ты и объясни! — терпеливо допытывали я. — Я, может, в первый раз в вашем городе.

— Вот-вот! — усмехнулся мальчишка. — Как для тех, кто в первый раз... Только не таких как ты, а которые не по-нашему говорят.

— Не понимаю, — искренне сознался я. — Толком объясни.

Мальчишка, не отрываясь от своего дела, захохотал:

— Я ведь говорил, что не поймешь.

— Подумаешь, умник нашелся, — сказал я, уж трудом сдерживаясь. — В кирпичках ковыряется...

— В кирпичках? — усмехнулся мальчишка. — А ты знаешь, что мне за этот кирпичик туристы дадут?

Он повертел перед моим носом вспыхнувшим на солнце голубым кирпичиком.

— Значит, ты для иностранцев выковыриваешь? — обмяк я.

— Ясно — для них. А мне этот булыган на кой черт сдался? Кирпич — не лянга и не жвачка. Зато мне за него два блока жвачки, как миленькие, отвалят.

— Ишь ты! — ахнул я. — Ловко! И давно промышляешь?

— Не записывал! — горделиво ответил мальчишка. — Вот этот, — он кивнул на кирпичик, — пожалуй, двадцатый будет.

— И много вас — таких ловкачей?

— С десяток.

— Фирма! — согласился я.

Подошли Рубен с Сергеем.

— Эти тоже промышляют? — спросил я мальчишку, показывая на своих гидов.

— Что-то не узнаю, — мотнул головой мальчишка. — Кажись, эти не бывают на нашем толчке, не видел.

— На толчке? — заинтересовался я. — А где это?

Мальчишку будто ветром сдуло.

— Что будем делать? — спросил я, кивая на трофейные кирпичики. — Не с собой ведь уносить.

— Айда в кассу сдадим, — предложил Рубен. — Пусть сами на место ставят.

Мы молча положили перед кассиршей кирпичики.

— Где взяли? — безучастно спросила она.

— Отняли тут у одного. Выковыривал... Иностранцам хотел отдать за жвачку.

Кассирша зевнула:

— Ладно, оставьте...

— А теперь будем думать! — сказал я. — Эх вы, гиды несчастные! У вас под носом хулиганы город на жвачку меняют, а вы на реставраторов глаза пялите! Ходите и ахаете от умиления! Да тут и дивизия реставраторов не угонится за такими!

Я говорил зло, но чувствовал, что сейчас ребята не обижаются на меня. Не имеют права обижаться...

— Но что же делать? — растерянно повторил Рубен. — Что-то ведь надо делать...

Мы помолчали.

— Видели, сколько там дырок в стене?— спросил я.

— Ужас сколько!— кивнул Рубен.— Из этих кирпичиков дом построить можно.

— Дом не дом, а не худо бы хоть назад вернуть.

Рубен вздохнул:

— Легко сказать — вернуть. Они их так спрятали, что и с собакой не найдешь. Кирпичи ведь не пахнут.

— С собакой не найдешь — это верно,— согласился я.— А вот со жвачкой можно.

Сергей и Рубен с удивлением уставились на меня, а я продолжал развивать идею:

— Надо только этикетки от жвачек достать! И побольше!

— Этикетки?— встрепнулся Рубен.— От жвачек?! Да у моего братишки их с две сотни будет. Он их коллекционирует, чудак.

— Вот и отлично!— воскликнул я, все еще не спеша посвящать сгоравших от любопытства друзей в свой хитроумный план.— Уговори братишку отдать нам эти обертки.

Легко сказать — уговори... Человек два года собирает.

— погоди!— остановил я Рубена.— Что, совсем маленький — братишка твой?

— В третьем классе.

— Вполне взрослый человек,— заключил я.— Ты ему объясни все как есть — он поймет. Вот увидишь.

— Я попробую — уныло протянул Рубен без всякого энтузиазма.

— Вот и отлично! — продолжил было я.

— Чего же отличного?— засомневался теперь уже Серега.

— Хорошо, этикетки мы достанем, а вот где мы иностранца возьмем, чтоб через него кирпичики назад возвращать?

— Это посложнее,— согласился я. Мы молчали, и, вздыхая, думали о том, как выйти из положения.

— Слушайте, а ведь местные ребята меня не знают — так ведь? — вскричал я.

— Ну и что с того?— удивился Рубен.— Ты ведь не иностранец.

— А если переодеться?— предложил я.

— Переодеться?— в глазах Рубена и Сереги заметались озорные искорки.— А что, это идея.

— Вот-вот!— подхватил я.— Разрядим меня, как попугая, и выпустим порхать на виду у этих хищников — увидите, они сразу клонут на наживу, и мы из них живо все кирпичики выпотрошим!

Выход был найден. Оставалась мелочь — как следует замаскировать меня под иностранца.

Закипела работа. Рубен слетал домой и притащил за пазухой, чтобы никто не увидел, туфли старшей сестры. Я ахнул, увидя, какой огромный каблук приделан к этим туфлям.

— На платформе!— авторитетно сообщил Рубен.— На ней вся Европа ходит. И Америка тоже.

— Да как же я пойду в них!— испугался я.— Свалюсь ведь после первого шага. Сообразил тоже — женские туфли приволочь.

— Ничего, потренируешься.

— А если улепетывать придется? Мало ли чего... Разве я на этих пнях убегу?

— Убежишь!— с жаром продолжал убеждать Рубен.— Туфли в руки — и убежишь.

— В руки? Ну, это совсем другое дело!— согласился я.

Сергея пошел еще дальше — принес мамину клетчатую юбку.

— Ну, ты и даешь!— опешил я. Вы под кого меня замаскировать решили — под иностранца или иностранку? На что мне юбка-то?

Сергей объяснил:

— А в некоторых странах мужики вместо брюки юбки таскают. Я часто в «Клубе кинопутешествий» видел. Точь-в-точь вот такая — клетчатая.

— Точно видел?— с сомнением спросил я.

— Да чтоб мне!..— подавился клятвой Серега.— Юбку они носили, юбку!

— Ладно, попробуем,— смирился я и нырнул в юбку. Она долго не желала держаться на мне, то и дело, плюхаясь к ногам. Я болтался в юбке, как пестик в ступе.

— Давай мы ее привяжем,— предложил Серега.— Оконфузишься ведь — посреди города юбку посеешь.

— Тащи веревку,— кивнул я.

Сергея дважды обернул меня вокруг талии веревкой и крепко связал концы. Мы подергали за подол — юбка держалась крепко.

— Совсем другое дело!— расцвел Серега.— Теперь ее с тебя и трактором не стянешь.

Стали думать дальше. Следующей пошла в дело потрепанная джинсовая курточка Рубеновского братишки. Она была нещадно мала и застегнуть ее на мне не было никакой возможности. Меня даже клали на диван и, упираясь ногой в ребра, пытались застегнуть курточку — все напрасно. Тяжело дыша, модельеры отступили.

— Что будем делать?— спросил Рубен и с надеждой посмотрел на Серегу.— Думай, специалист по моде.

Сергея не смутила неудача.

— Снимай куртку! — приказал он. — Тащи бритву и ножницы.

Получив требуемое, он принялся отпарывать пуговицы, а на их месте вырезать ножницами дырочки. Мы с удивлением наблюдали за таинственными действиями Сергея, все это он проделывал, храня гнетущее молчание. Наконец дырочки были готовы, и Серега велел мне надевать курточку. Теперь полы ее отставали друг от друга сантиметров на десять. К тому же, между юбкой и курточкой возникла такая же ничейная полоса.

— Отлично!— воскликнул Серега, не скрывая восхищения.— По ихней моде главное, чтобы пупок был виден. Ну-ка, давай мы теперь юбочку малость потревожим. Вот так, вот так — вызволяй пупок из плена... Ух, красавец!

Я безвольно позволял модельеру делать со мной все, что заблагорассудится.

— А теперь займемся курточкой!— Серега явно входил во вкус. Он выбежал во двор и скоро мы услышали радостный визг Карабаса. Мы с Рубеном насторожились.

— Кажись, с пса шкуру снимает?— предположил Рубен.

— Одалживает,— усмехнулся я, все еще не догадываясь о том, что Серега не поделил во дворе с добродушным Карабасом, вообще редко выползавшим на солнце из прохладной конуры.

Но тут вернулся Серега, восторженно потрясая цепью, которую он одолжил у Карабаса.

— Вот, что нам надо!

Я задохнулся от обиды.

— Это что же такое!— вскричал я.— Где ты видел, чтобы гостей на цепи по городу водили?

Серега досадливо махнул рукой — молчи, мол, если не понимаешь, и, метнувшись ко мне, стал ловко шнуровать цепью курточку. Концы цепи, свисавшие из нижних дырочек, он связал гремящим бантиком.

— Теперь подумаем о плечах,— сказал Серега.

Он, как ищейка, обегал комнату и скоро приволок небольшую яркую клеенку с бабушкиного сундука. Схватив ножницы, он вырезал круг посреди клеенки, и бросил ее мне:

— Суй голову!

— Чего?— возмутился я.— Клеенку одевать! Я тебе человек или стол обеденный? Эдак ты скоро на мне и хлеб станешь резать...

— Суй голову!— рассердился Серега.— Это раньше была клеенка, а теперь очень даже модная вещь, По-ихнему называется пончо.

Я повиновался.

Серега не скрывал восхищения. Теперь ему не давала покоя только моя голова. Серега мучительно думал, чем ее прикрыть.

— Только учти,— строго предупредил я.— Миску Карабаса можешь напяливать на себя.

— Погоди ты!— досадливо поморщился Серега.— Думать не мешай,

И тут отличился Рубен.

— Сомбреро!— вскричал он.— У меня ведь сохранилось сомбреро!

— И точно!— восхитился Серега.— С новогоднего карнавала осталось. Тащи скорее!

Водрузив на голову сомбреро, я подошел к трюмо. На меня смотрело диковинное существо. Похожее существа я видел только в детских журналах в разделе для смекалистых. От читателя требовалось сообразить и сообщить в редакцию, из частей тела каких животных составлено нарисованное чудище, крепко стоящее на земле на слоновьих ногах — по бокам чудища торчали орлиные крылья, ноги венчали гусиные перепонки, половину головы занимали джунгли оленьих рогов, а с другой половины уныло свисал петушиный гребешок.

Вот такое чудище и рассматривало сейчас меня из зеркала. Увидев кислую мину на моем лице, Серега подтолкнул меня к двери:

— Ты иди... Во дворе погуляй. Привыкай пока к платформе. И вообще...

Я заковылял во двор и пошел первым делом к будке Карабаса — извиняться за бесцеремонно снятую цепь. Увидя меня, Карабас пугливо взвизгнул и, поджав хвост, стрелой юркнул в конуру.

— И ты меня не признаешь,— вздохнул я.

У меня оставалось лишь одно занятие — привыкать к самому себе. Этим я и занялся. А Рубен с Серегой в это время аккуратно собирали и склеивали жвачные этикетки, придавая им вид новеньких, нетронутых. Но каждая жвачка было с сюрпризом — внутри лежал заранее написанный текст. Пока Серега занимался моей экипировкой, Рубен успел сто раз переписать его на отдельных листочках. А теперь друзья аккуратно упаковывали текст, маскируя его под этикетками жвачки. В каждой пачке были такие слова:

**Кто кирпич ворует, чтоб
У туристов клянчить жвачку,
Кирпичом получит в лоб,
И — пустую эту пачку!**

Теперь оставалось самое главное — вручить эти стихи кому надо.

Мы сложили все пачки в «шикарную» сумку, на одной стороне которой синей краской был нарисован профиль певицы с микрофоном. Вместо шнура микрофона жирно змеилась латинским шрифтом надпись — «Алла Пугачева». Обратная сторона сумки была пуста. Непорядок! — подумал я и, наскоро вырезав ножницами из плотной бумаги фигуру, напоминающую сейчас меня, приложил трафарет к сумке и обвел краской. По низу сумки я вывел тоже по-ненашему: «Балтабаев».

— Вещь! — согласился Сергей, оглядывая сумку. — Суперлюкс! Они все лопнут от зависти. За такую сумку не то что кирпич — стену отвалить не жалко.

Я вскинул брови:

— Это кому не жалко?

— Им, конечно, — пугливо отстранился Серега. — Мелким грызунам.

Мысленно пожелав себе удачи, мы поспешили на площадь. Серегу и Рубена я попросил идти по сторонам от себя и не терять бдительности — ведь в любую минуту я мог клюнуть носом в асфальт, и только своевременная страховка могла уберечь меня от увечья.

Я шел по улицам и чувствовал кожей, как меня пронизывают насквозь насмешливые взгляды прохожих. Наконец мы дошли до площади и принялись медленно прохаживаться по ней. Я добросовестно вертел головой по сторонам, силясь напустить на лицо выражение искреннего потрясения, а Рубен с Серегой, играя услужливых гидов, то и дело простирали руки по сторонам, как бы привлекая мое внимание к деталям архитектурных шедевров. На площади с независимым видом шатались мальчишки. Я незаметно ощупывал взглядом их карманы и пазухи. «Камешки прячете, — злорадно думал я. — Ничего, сейчас начнете дрейфовать в мою сторону. Только давайте, миленькие, побыстрее, пока мною милиция не заинтересовалась».

Наконец, откуда-то сбоку к Сереге осторожно пришвартовался мальчишка с бегающими глазами. Минуту он шел молча вместе с нами, потом потянул Серегу за локоть и спросил:

— Слышь, кто это с вами?

Сам, что ли, не видишь — иностранец! — ответил Серега голосом, в котором легко читалась гордость: шутка ли, он, простой мальчишка, удостоился чести быть гидом такого экзотического гостя...

— Вижу, — согласился мальчишка. — Только чудной он какой-то. И в юбке.

— Тише ты! — зашикал на него Серега. — Услышит еще, как ты про него неуважительно говоришь — это знаешь, чем грозит?

— Ну?

— Дипломатическими осложнениями — вот чем!

— Зря боишься, он ведь по-нашему все равно ни бельмеса не петрит. Да откуда гость-то?

Сергея пожал плечами и процедил:

— Издалека... Какие-то Катта-Караванские острова

— В Тихом океане, что ли?

— Где-то там... Ясно, что не в Аральском море...

— Слушай, а чего он такой маленький?..

— Лилипут он... Да и вообще их там плохо кормят. Пищевой кризис у них, понимаешь?

Мальчишка вздохнул и еще с минуту шел молчал. Потом взялся за дело уже веселее. Кивая на сумку, висевшую на моем клеенчатом плече, он спросил:

— А что в сумке? Какой товар?

— Ясно какой, — как можно равнодушнее протянула Серега. — Жвачка.

— А на что меняет — не спрашивали? — разволновался мальчишка.

— А чего спрашивать, они ее только на кирпичики меняют, на экзотику. У тебя-то ее нет — вот и ступай своей дорогой, не мешай человеку.

— У меня? — вспыхнул мальчишка. — Да у меня их знаешь сколько?

— Сколько?

Мальчишка испуганно умолк.

— А у него, вправду, есть жвачка?

В продолжение всего разговора я и ухом не повел, демонстрируя полное равнодушие к попутчику, и добросовестно глазел по сторонам. Но тут Серега обернулся ко мне и, жестикулируя, понес совершенную тарбарщину!

— Ямаури дура кукувара! — зловеще сказал он и показал на мальчишку. Потом ткнул пальцем в мою сумку и продолжил:

— Кара-кара, удостоверя!

— Ты что это ему сейчас сказал?! — восхитился мальчишка.

— Я сказал, что ты хочешь убедиться в том, что у него есть жвачка, товар то есть.

— Ловко ты по-ихнему чешешь! — похвалил он.

— Ерунда! — заскромничал Серега. — Он мне разговорник подарил — вот я за вечер и выучил основные фразы.

Пора было вступать в игру и мне. Я лениво стянул с плеча сумку, развел в стороны ее ручки, и, подняв сумку аж к лицу мальчишки, с презрительной гримасой процедил:

— Зыря, дура, удостоверя!

— Ух ты! — ахнул мальчишка. — Полная сумка!

Он обернулся к Сереге:

— Слушай, а что такое «дура» по-ихнему?

— Это значит — «хороший покупатель», — мигом ответил Серега, и глазом не моргнув.

Мальчишка полез в карман и вынул уже знакомый нам кирпичик.

— Вот... Сколько он мне за него даст?

— Сейчас спрошу,— с готовностью кивнул Серега и обернулся ко мне:

— Дура нахапос чуин-гам?

— Вот-вот!— ахнул мальчишка.— Это слово я знаю. Чуингам — это жвачка.

Мальчишка преданными глазами, в точь как у Карабаса перед обедом, смотрел на меня.

Я поднял к его носу кулак и разжал один палец.

— Одну штуку?— оскорбился «хороший покупатель». Это за такой чудный сувенирчик? Не-а, у нас есть такса — две штуки. Скажи ему, слышь...

Серега лихо буркнул:

— Дура запонтовала пару-пару.

Я протестующе замотал головой и, еще раз выставив вперед палец, сказал с покровительственной улыбкой:

— Кулако шел энд бано баш бабаш ни бумбум!

Я хотел этим сказать, что, по-моему мнению, «хороший покупатель» давно заслужил хорошенький щелбан от самого Васьки Кулакова — большого мастера этого жанра, но Серега перевел фразу так, как мы заранее об этом договорились.

— Отказывается наотрез!— сказал Серега.— Да еще и условия ставит.

— Какие еще условия?

Говорит, что будет менять баш на баш — сразу всю жвачку. Ему нужен оптовый покупатель. У него особенный товар — один пакетик за три сойдет. Месяц жевать можно, а потом еще и выгодно продать. Его жвачка от употребления становится еще новее. Понял?

— Да где же я ему столько кирпичиков достану?— расстроился мальчишка.

— А ты побольше ребят собери,— вкрадчиво подсказал Рубен, до того молчавший.— Объясни им, что есть хороший товарец. Вон крутятся — не твои дружки?

— Мои,— кивнул «хороший покупатель».— Ладно, пойду поговорю.

И он поспешил к мальчишкам, которые и сами сразу же заторопились к нему. По их оживлению было заметно, что сейчас вокруг моей сумки будет драчка.

— Дуры!— сказал Серега совсем по-иностранному, кивая на гомонящую неподалеку стаю.

— Точно!— подтвердил я.— Очень хорошие покупатели.

И вдруг мальчишки разбежались в разные стороны. Мы испугались — неужели заподозрили неладное?

Но к нам уверенной походкой шел уже знакомый нам парламентар.

— Сейчас вернутся!— сказал он.

— А куда помчались?— спросил Серега.

— За товаром — куда же еще. Все принесут, что запасли.

— Только учтите — оптом!— еще раз предупредил Серега.

— Баш на баш!— кивнул мальчишка, явно начинавший осваивать диалект Катта-Караванских островов.

Мы отошли в сторону. Покупатели не заставили себя ждать. Запыхавшиеся, красные, они подбегали к нам и, отдав кирпичик, получали от меня заветный пакетик и снова исчезали. Скоро вся сумка была доверху полна кирпичиками — здесь их лежало целых шестьдесят три штуки. Серега с Рубеном взяли сумку за обе ручки и, кряхтя, поспешили домой. Я важно шел следом...

Дома мы вывалили все кирпичики на стол и долго любовались ими. Я спешно сбросил с себя ненавистный наряд, который, ясное дело, мне успел порядком надоесть.

И тут раздался стук в калитку. Я вышел и обомлел. У калитки стоял милиционер и... старый знакомый — «хороший покупатель». Лицо его дышало ненавистью. Показывая на меня, он злорадно выпалил:

— Вот он, товарищ милиционер! Я за ним следом незаметно шел. Это они целую сумку ценных кирпичиков домой утащили. Арестуйте их!

Милиционер откозырял и строго спросил меня:

— Есть кирпичики или обознался мальчик?

— Есть... — пролепетал я, ошеломленный неожиданным поворотом событий и думая сейчас уже только о том, чтобы пугливая бабушка подольше не возвращалась с базара.

— Тогда разрешите войти в дом, — решительно сказал милиционер и двинулся в калитку.

Мальчишка показал мне язык из-за спины милиционера и исчез.

Милиционер вошел в дом и, конечно же, сразу увидел груды спасенных нами исторических кирпичиков, только жаль, что, кроме нас троих, никто на свете не знал о том, что мы их спасали, а не похищали.

— Ай-я-яй! — зацокал милиционер. — Нехорошо поступаете... К...какие вещи делаете! Что ж, будем протокол составлять.

— Дяденька милиционер... — взмолился было я, но он устало остановил меня.

— Знаю! — сказал он. — Все знаю. — Кирпичики вы случайно в арыке нашли... Так, что ли?.. Такое у вас алиби? Он вздохнул: — Знаете что — не надо мне ваших объяснений. Складывайте-ка все в сумку и айда со мной.

— В милицию, что ли? — испуганно округлил глаза Рубен.

— Зачем в милицию, — усмехнулся милиционер. — Мороженым вас буду угощать на свои трудовые сбережения — за примерное поведение...

Мы уныло, поплелись за милиционером и скоро подошли к зданию, у входа в которое висела табличка — «Инспекция по делам несовершеннолетних».

— Теперь — крышка, — уныло подумал я. — Не отвертимся. Кирпичи языка не имеют — не смогут рассказать, что мы были им друзьями...

— Товарищ старший лейтенант! — доложил милиционер. — Доставил похитителей исторических реликвий в количестве трех нарушителей.

Начальник инспекции поднял из-за стола голову.

— Что все это значит? — спросил он, кивая на кирпичики.

— Да ведь спасали мы их, а не воровали! — воскликнул я. — Мальчишки ведь у туристов на жвачку выменивают.

— Спасали?.. А доказательства? Есть у вас доказательства, что вы сами их не выламывали?

— Доказательства?— протянул я упавшим голосом.— Какие могут быть у нас доказательства...

— А стихи?— неуверенно шепнул мне Серега.— Стихи не пойдут?

— Стихи?— встрепенулся я и мигом просиял.— Ну, конечно, пойдут. Есть... есть доказательства!

Мы протянули оставшиеся у нас пакетики, в которые было упаковано наше грозное четверостишие. Он развернул пакетик, достал листок, прочитал, и лицо его расцвело улыбкой.

— Ловко! А что в остальных пакетиках?

— Да везде то же самое!— заторопился я.— Мы ведь их проучить хотели, вот и придумали...

Он еще раз внимательно прочитал изобретенное мною четверостишие и почему-то нахмурился. Наконец он сказал, обращаясь к нашему недавнему конвоиру:

— Лейтенант Авазов, кажется, вы очень любите стихи и знаете в них толк — не так ли?

— Как вам сказать?..— смущенно замялся тот.

— Тогда поглядите сюда — что вы скажете, например, о третьей строчке — на мой взгляд, высокохудожественной в особо крупных размерах!— и он с пафосом

прочитал: «Кирпичом получит в лоб!..»

Лейтенант Авазов сразу же нашелся и четко, как на экзамене, доложил:

— Статья восемьдесят восьмая — «Умышленное менее тяжкое или тяжкое телесное повреждение». Наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или

исправительными работами на срок до одного года!

У меня все похолодело. Вот так стихи! Я залепетал:

— Товарищ начальник, это ведь просто так мы. Попугать их хотели... Да и памятники мы от них защитить хотели...

— Обороняли их, значит?— коварно подсказал мне старший лейтенант и я спешно кивнул, опрометчиво соглашаясь.

— Что скажете на такой вариант толкования стихов?— обернулся он вновь к лейтенанту Авазову.

— Статья девяносто — «Превышение пределов необходимой обороны». Год исправительных работ...

— Ясно?— усмехнулся старший лейтенант.— Советую подумать над стихами еще раз... Ну, а что проучить хотели — это неплохо. Только неизвестно — проучили или нет. Теперь ведь у них нет кирпичиков, вот они всей оравой, надо полагать, и ринутся снова запастись товаром для обмена. Это вы учли?

Я вздохнул и промолчал.

— То-то же!— сказал старший лейтенант.— Придется действовать оперативно...

— Лейтенант Авазов!— обратился он к доставившему нас милиционеру.— Похоже, что мальчики правду говорят. Надо бы все отряды юных друзей милиции поднять и дежурство организовать. Есть предположение, что жвачники в ближайшие дни активизируют свою деятельность... А кирпичики,— продолжал старший лейтенант,— передайте под расписку администрации памятника. Пусть примут меры к скорейшему водворению их на старое место. И проследите за исполнением... А лучше,— добавил он,— чтобы водворяли их на место сами жвачники. Займитесь этим, лейтенант Авазов!

— Есть заняться! — козырнул лейтенант.

— И этих ребят, — показал на нас старший лейтенант, — тоже к операции подключите. Хорошие ребята — я за них ручаюсь. Оперативно мыслят! Стратегически!

Лейтенант Авазов с нескрываемым удивлением посмотрел на нас, и в его взгляде я вдруг прочитал уважение — оно было написано большими буквами и поэтому легко читалось. Я невольно отвел глаза — у меня возникло ощущение, что я читаю чужое письмо и меня застают врасплох.

НОВЫЕ РАДОСТИ И НОВЫЕ ОГОРЧЕНИЯ

И снова стартовал учебный год...

...В конце урока мама объявила:

— Завтра состоится родительское собрание, так что не забудьте сказать об этом дома. И вот еще что, — добавила она. — Есть предложение: заслушать на отчет вашей Академии о работе летом. Поэтому подумайте сами, кто будет выступать.

Ясно, этими словами мама зажгла опасный фитиль! Потому что мы стали спорить, кому идти на родительское собрание. Я сказал:

— Пусть Фархад идет, он президент — ему и отчитываться.

— Что вы, ребята! — побледнел Камилов. — Это я не могу. Поработать — пожалуйста, а языком чесать это у нас ты, Володя, мастер.

Фархад, видимо, полагал, что этим он польстил мне.

— Спасибо за комплимент! — язвительно заметил я. — Тронут высокой оценкой работоспособности моего языка.

Все ребята согласились с Фархадом. И тогда я сказал:

— Будь по-вашему. Но только чур — пойду вместе с Фархадом. У Академии есть живой президент — как же я без него приду. Получится, что я самозванец. Нехорошо получится...

И тут я поймал взгляд Васьки Кулакова. Задумчивый взгляд.

— Вась, ты чего? — тронул я его за плечо. — Стихи, что ли, пишешь?

— Вот еще, — Васька брезгливо отдернул плечо. — Что мне — писать больше нечего!

— А чего задумчивый стал?

— Знаю сам — чего. Идея у меня появилась одна, да не скажу какая.

Я пожал плечами:

— Как знаешь, урток главный архитектор!

Ах, если бы я в ту минуту поглубже заглянул в Васькины глаза и попытался прочесть, что в них. Быть может, не произошло бы тогда у нас ужасного конфуза...

Родительское собрание вела мама — как классный руководитель. Многие говорили. А потом дошла очередь и до нас с Фархадом. Стал я перечислять, что проделано за лето, и такая меня посреди этого перечисления тоска взяла, что захотелось волком завывать и выпрыгнуть в окно. Я вдруг явственно услышал насмешливый голос Акрама: «Бюрократ несчастный! На копейку добрых дел — на сто рублей барабанного боя и фанфар». Я ужасно разозлился сначала на маму, а потом, малость подумав, на самого себя. Конечно, надо было с самого начала объяснить ей, что нелепо выставлять нас самохвалями,

заставляя на собрании всенародно колотить себя в грудь, как в колокол, и звенеть на весь мир:

— Слушайте, и не говорите, что не слышали! Мы — хорошие, мы — благородные, мы — находчивые. Погладьте нас по голове!

Эх, Балтабаев, Балтабаев, куриные у тебя мозги! Не сам ли ты недавно на отрядном сборе петухом насканивал на Стеллу Хван и нещадно клевал ее за хвастовство? И вот теперь сам же и попался на ту же наживу. Я уронил голову и замолчал. Потому что вдруг все слова, до того растянутые в стройную и ясную цепочку и только ждущие своей очереди звонко выскочить изо рта, вдруг пугливо сбились в бурлящую кучу и перемешались.

— Что же ты замолчал, продолжай! — окликнула меня Роза Хегай. — Расскажи, как вы Васю Кулакова перевоспитали.

Я ужаснулся. Это что же — при Васькином отце хвастливо рассказывать, как мы к его, отцовскому, сердцу пути-дороги искали? Как Васька хулиганил напропалую — потому что, по нашим наблюдениям, Николай Степанович частенько пускал гулять свой ремешок по Васькиным мягким местам, а потом Кулак нес к нам свою ответную злость и обиду?.. Я вздохнул, не проронив ни слова, и только глубже вонзил взгляд в пол, будто хотел покрепче зацепиться за него взглядом — чтобы уже никто не сумел заставить меня поднять голову и раскрывать наши тайны.

— Ну, что ж, — поднялась из-за парты Роза. — Понятно, Балтабаев решил поскромничать.

Она улыбнулась и продолжила:

— А между тем, ребята сумели проявить много педагогического чутья и добились того, что, не скроем, долго не удавалось даже учителям. Они внушили Васе

Кулакову, что у него есть талант к изобретательству и столярному делу. Способности у мальчика скромные, но внушение, оказывается, великая вещь. И — пожалуйста!

Кулакова сегодня уже не узнать. Не дерется, не хамит, охотно принимает участие в общественно-полезных делах. Ну, а что воображает себя главным конструктором — так бог с ним, пусть воображает!

Я мельком глянул на Николая Степановича. У него полыхали уши. С такими ушами стоять на перекрестке — все движение остановить можно. Губы его трепетали. Наконец, он вымолвил, с трудом связывая слова:

— А... разве... Васятка... сами ведь признали... старается... лучший проект тахты... Чаем аксакалы наградили... Ленточку резали... Все вранье?..

Каждое слово его летело в меня как увесистый щелбан, от которого невозможно было укрыться. И тут произошло вот что. Дверца шкафа, в котором у нас стоят карты по географии и истории, да ведро с веником и швабра, с грохотом отворилась и в класс... вывалился Васька Кулаков. Он тяжело дышал, кулаки его были крепко сжаты. Все с изумлением смотрели на явление ученика из шкафа. Васька в два прыжка подлетел ко мне, лицо его исказила гримаса.

— Ты... ты... — силился выдавить. — Ты предатель... Ты... обманул меня... А я... значит, вы смеялись надо мной, когда... я старался...

— Ну, что ты, Вася! — в отчаянии вскричал я. — Никто, никто тебя не обманывал. Ты, и правда, наш главный конструктор!

Васька не слушал меня. Его душили неподдельные слезы. Он бросился к двери и уже с порога прорыдал:

— А я... я... сюрприз хотел... В шкаф спрятался, чтобы в конце собрания всем цветы вручить. Я их специально выращивал дома. Бери, Балтабаев, они твои...

Спасибо!..

Васька хлопнул дверью. Все подавленно молчали. Роза Хегай покачала головой:

— Ну, и воспитание! Без спроса в шкафу сидел. Безобразия!.. Вы бы, Николай Степанович, занялись сыном всерьез. Пропадает парень.

Николай Степанович вздрогнул и забормотал:

— Я... Это... займусь... Нынче же...

Мне показалось, что его правая рука плюхнулась с парты на колени и осторожно поползла к ремню.

— Да, Балтабаев, что-то вы не доработали, — вздохнула Роза.

Не отвечая ей, я подошел к шкафу, собрал все цветы, которые Васька, и правда, до собрания тайно снес сюда, и весь этот огромный сноп поднес Розе Хегай.

— Держите, — хмуро сказал я. — Это вам!

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Все бы хорошо, да только Васька Кулаков снова беспокойный стал. Это после того-то случая на родительском собрании. И надо же было ему в шкафу со своими цветами прятаться... Хуже всего было то, что Васька перестал нам верить. В каждом слове, в каждой затее он старался увидеть затаенный смысл. Ему казалось, что мы только и думаем, как перевоспитать его, наставлять, поучать.

— Человеком меня сделать хотите, да? — зло спрашивал он, и мы терялись, не зная, что ему ответить. — А вы и не старайтесь, — просил Васька. — Зря только силы потратите.

В другой раз он замысловато рассуждал:

— Кто я есть — Василий Кулаков, без малого четырнадцати лет от роду? Трудный подросток, бич школы — так? А может, вы сами трудные — не думали, нет? Может, я украшаю ваш маленький, но спаянный коллектив? Ведь на моем-то мрачном фоне ваши достоинства, господа, куда лучше видны!

Спорить с Васькой было трудно. Он был в общем-то прав. Словом, снова трудно стало общий язык с Васькой находить...

Когда Стелла Хван объявила, что нам досталось шефствовать над вторым классом и что надо сейчас же выбрать ответственных, Васька Кулаков тотчас подал голос:

— Знаю, родненькая, к чему клонишь...

— Вась, ты о чем? — удивилась Стелла. — Я пока никуда и не клоню.

— Клонишь, как не клонишь? Хочешь, небось, чтобы тихо-мирно Кулакова нянькой сделали. Ты, мол, Вася, человек авторитетный, ты наша последняя надежда... Не клоню на наживу! Хватит, до сих пор ваш крючок торчит.

Вот и поспорьте с таким... Стелла спорить не стала.

— Ребята, — сказала она. — Нам предстоит хорошенько подумать над новогодним утренником для малышей. Нужно, чтобы он им на всю жизнь запомнился.

— А вы им каждому по автомобилю подарите — вот и запомнят! — хохотнул из-за парты Васька.

— Нужно придумать что-нибудь такое... — продолжила Стелла и умолкла. — Ну какие будут предложения?

Она обернулась ко мне:

— Балтабаев, может быть, ты что-нибудь скажешь?

— Сюрприз нужен — вот что! — сказал я, поднимаясь, — с малышами без сюрприза никак нельзя.

— Ясно, — кивнула Стелла. — Значит, нужна комиссия по выработке проекта сюрприза.

Я с трудом не расхохотался.

— А нельзя без комиссии? — сказал я. — Может, обойдемся?

— Но все равно нужно назначить ответственных, — возразила Стелла. — С кого спрашивать будем.

Все молчали.

— Раз нет желающих, — сказал я, — то беру сюрприз на себя.

— Почему нет желающих? — поднялся Сервер. — И я готов.

— Значит, решено! — подвела итог Стелла. — Мамбетов и Балтабаев готовят сюрприз для малышатского утренника. Записываем... — и она склонилась над тетрадкой. Стелла у нас без протоколов жить не может. Наверное, прежде чем обедать садиться, или еще там чего — сама себе письменное разрешение выдает.

Но тут поднялся Васька Кулаков.

— Есть предложение, — сказал он.

— Какое предложение? — Стелла вскинула голову. — Мы слушаем! — при этом она изобразила на лице такое приторно-заинтересованное выражение, что я на Васькином месте тут и остановился бы. Но Васька, к счастью, смотрел только в собственную парту.

— Я тоже хочу сюрприз готовить. Только сам.

— А какой сюрприз? — насторожилась Стелла. — Положительного характера?

Васька вскинул брови:

— Ясно, кажется... Елку поджигать не буду... И ужа снегурочке за шиворот пихать не стану. Слово мушкетера.

— Смотри, Вася, — боязливо покачала головой Стелла. — Мы на тебя надеемся.

Кулаков поднял палец.

— Только я сам по себе, а вот они, — он кивнул на нас с Сервером, — тоже сами по себе. Сюрприз есть сюрприз.

Стелла со вздохом взялась за авторучку и медленно вписала позади нас еще и фамилию Васьки. По дороге домой мы с Сервером решили, что Васька прав — сюрприз есть сюрприз. А раз так — то пусть каждый из нас его самостоятельно готовит. Совершенно секретно друг от друга. Тут ведь главное — чтобы совершенно секретно. И тогда для малышей сразу три сюрприза получается. Наши два плюс Васькин. С тем и разошлись.

С той минуты голова моя ни о чем другом, как о предстоящем утреннике, думать уже не могла. Наконец, меня осенило: как же, надо Дедом Морозом нарядиться! Какая же елка без Деда Мороза! Вот малышам радость будет... Пришлось истребить все домашние запасы ваты... Шуба получилась отменная. В день утренника шубу, бороду и валенки я

сложил в рюкзак и отнес в фотолабораторию Андрея Никитенко — договорился с ним, что переоденусь у него. Хорош был бы сюрприз, если бы я из дома в школу в шубе шел!

Смотрю, Андрей с Васькой уже в школе вертятся, друг на друга и на меня косо поглядывают. Разошлись мы по разным углам и стали к утреннику готовиться. Я быстро надел шубу и валенки, прикрепил бороду и спрашиваю Андрея с волнением в голосе:

— Ну, как? Что скажешь?

— Ты что! — воскликнул Андрей, восхищенно оглядывая меня. — Первая премия у тебя в кармане. Дед Мороз со Знаком качества!

— У нас спор без премий, — наставительно сказал я и быстро пошел в зал, громко стуча посохом, сделанным из толстого черенка лопаты, который я тщательно забинтовал, проклеил и вывалял в вате. Я вошел в зал, и на мгновение замерли гул и веселье. А потом малыши восторженно бросились ко мне, крича:

— Дед Мороз пришел! Ура!

Я отчаянно вертел головой, ища Сервера и Ваську. Где вы, свидетели моего триумфа? Но их не было. Наверное, готовятся пока, — подумал я и пустился с ребятами в пляс. Но посреди танца все вдруг замерли. Вздых изумления прорезал тишину. Все разом устремились к дверям. Я обернулся и не поверил своим глазам.

На пороге стоял Дед Мороз... Еще один. Можно было подумать, что это со мной происходит во сне. Октябрюта бросились ко второму Деду Морозу и точно так же обступили его. Я будто со стороны наблюдал, как это было, когда в зал пришел я.

— Вот это сюрприз! — закричали ребята. — Сразу два Деда Мороза! Ура!

И тут у меня замерло дыхание. Потому что из вестибюля в зал торжественно вошел еще один Дед Мороз. Третий.

— А вот и я! — сказал Дед Мороз-Третий голосом Васьки Кулакова, да так и застыл с открытым ртом - два конкурента изумленно смотрели на него. Наше оцепенение длилось лишь мгновение. Я быстро подошел к Васькиному Деду Морозу и протянул руку:

— Разрешите представиться — Дед Мороз!

— Очень приятно, коллега! — хмуро отвечивал Васька.

— Какая встреча! — завопил Сервер, бросаясь к нам и тряся руки. — Будем знакомы!

А потом закружил утренник. Да какой! Не знаю, как малыши, а уж я его точно всю жизнь помнить буду. Дедом буду, а не забуду. Не Дедом Морозом — просто дедом...

Домой мы возвращались втроем, не снимая дед-морозовских костюмов. Правда, Кулак шел чуть поодаль.

— Вот так сюрприз! — хохотал Сервер. — Словно сговорились!

— Завтра Андрей фотокарточки печатает, — сказал я. — В классе — лопнут от смеха.

Сервер кивнул:

— Вот что значит готовиться совершенно секретно!

Васька безмолвствовал.

Я искоса поглядывал на Ваську, пугаясь его молчания. Но и тормозить не спешил. Когда пришла минута прощаться, Васька вздохнул:

— По домам, что ли? — и протянул мне руку.

Мы уже порядком удалились друг от друга, когда вдруг я услышал позади топот. Обернулся — Кулак.

- Ты чего? — удивился я.
- Слушай, давай обменяемся шубами! Я растерялся.
- А зачем? Твой Дед Мороз ничуть не хуже.
- А низачем! Просто так, на память.
- На добрую память? — любопытно спросил я.
- На нее самую.

— Тогда другое дело! — повеселел я и стал спешно стягивать с себя шубу. И Васька тоже. Прохожие, наверное, диву давались, наблюдая за двумя чудаковатыми Дедами Морозами, которые посреди улицы и ночи, хохоча и тормоша друг друга, обменивались шубой и бородой.

И тут Васька сказал такое, что с меня мигом стаяло праздничное настроение. Он тяжело положил мне руку на плечо и треснувшим голосом попросил:

- Пойдем к Фархаду. Пожалуйста.
- Да ты что? — удивился я. — Сейчас?! Ночью?!
- Сейчас, Володя. Обязательно сейчас. В этом году. Мне очень нужно... Понимаешь — очень.
- Не понимаю! — честно признался я. — Что за новогодние сюрпризы?
- Ну так слушай, — тяжело вздохнул Васька. — Помнишь, как Фархад... Как он... Помнишь галстук в макулатуре?
- Как не помнить!
- А ведь Фархад не виноват. Это я тогда ночью в кладовку влез и его галстук в его же бумагу положил.

— Ну да! — потрясенно отшатнулся я. — А не врешь? А тетрадка?.. А галстук?.. Где взял?

— Разве ж это трудно. Главное, что вбил себе в голову отомстить ему. За спортзал. Помнишь эти ключи? Если бы Фархад не сказал Андрею... Да что там Фархад и Андрей — сам я во всем был виноват, а вот почему-то на Фархада разозлился. Отомстить задумал. Сдуру, конечно... Ну, а остальное уже было делом техники.

- Как все же? — не унимался я, не веря собственным ушам.
- Элементарно! Накануне на перемене незаметно взял с его парты тетрадь. А в раздевалке — на физре — галстук. Вот и все.
- И все?! — в ужасе вскричал я, впервые за вечер почувствовав, как жарко в шубе Деда Мороза. — И ты говоришь — все?! Мы же его... Мы же...

Вася кивнул:

- Да, Володя. Его. А надо было меня... И знаешь, что самое удивительное... Поначалу я даже радовался тому, что так ловко смастерил Фархаду неприятность. А в последнее время... Знаешь, он мне снится, этот галстук. Верить? Будто я им не макулатуру перетянул, а совесть свою. Душит даже...
- И давно душит?
- А как тахту начали строить. По моему проекту.
- Чего же не признался?
- Струсил — ясно почему. Думал, вы мне тахту не дадите строить, если скажу. Боялся.

— А ведь ты тогда не тахту строил, Вась!

— Как — не тахту? — дернулся Кулаков.

— В смысле — и тахту. А главное — себя. Ясно теперь, чего ты дрожал тогда, у калитки...

Мы молчали. Потом я отчаянно махнул рукой:

— Ладно уж, психолог несчастный! С тобой все ясно... Совесть у него зачесалась... Душит... Пошли, что ли?

— Куда? — Васька испуганно вскинул глаза.

— Ясно куда. К Фархаду. Или передумал?

И чем ближе подходили мы к дому Фархада, тем тяжелее было на душе. Не знаю как Васька, а я чувствовал себя бурлаком, который, упираясь изо всех сил, тянет за собой... собственные ноги.

Мы молчали. Мысли в голове сливались в неразрешимый клубок. Нужно было понять, обязательно понять — как же так случилось, что невинного Фархада... Мы... Он ведь клялся нам... Попытка доказать. Впрочем, могло ли все у нас произойти тогда иначе? Это сейчас легко расставить самих себя и свои поступки — как расставляет Андрей на своей доске шахматные фигуры, наслаждаясь по книжкам партиями мировых мастеров.

А могло ли все получиться иначе? Наверное, могло бы. Если бы...

ЕСЛИ БЫ королева Марго не швырнула нам тяжелую перчатку...

ЕСЛИ БЫ наш капитан Стелла Хван не замыслила скормить акулам группу упитанных и аппетитных учеников...

ЕСЛИ БЫ не конкурс на лучший проект тахты...

ЕСЛИ БЫ не операция «13—30»...

ЕСЛИ БЫ злющая корова Киса вела себя прилично и не спровоцировала принудительный марафон...

ЕСЛИ БЫ тетка Марьям не затеяла сочинять лучшее в мире лекарство...

ЕСЛИ БЫ не спасительная идея открыть АДУ...

ЕСЛИ БЫ нашу некогда пышную гору не заставили обидно прозвать Лысой...

ЕСЛИ БЫ, наконец, это были не мы, а кто-нибудь другой.

А теперь — повторим пройденный материал и запишем задание на дом

Вот и все! Друзья, прощайте!

Будем жить без огорчений...

Только — чур — не забывайте

Наших злоклю-приклю-чений!

Грусть — не повод для испуга,

От забот лентяй лишь стонет.

Тот, кто за борт бросил друга,

Сам в пучине первым тонет.

*Коль в пути не очень сладко,
Лучше, если вместе все вы —
Не страшна тогда перчатка
Агрессивной королевы.*

*Дружбу, как секрет, храните,
Пусть ничто ее не тронет —
У себя не повторите
Чайных клиперов погоню.*

*Трус себя в герои красит,
С дружбой выгода враждует.
Ход конем турнир украсит,
Если честно конь гарцует,*

*Пусть дорога будет длинной —
Так шагай, чтоб мог гордиться.
Совесть — не дувал из глины,
Чтоб чинить, коль прохудится.*

*От ушей гоните шепот,
Пусть ничто вас не стреножит.
И пускай ваш добрый опыт
Добрым драчунам поможет.*

*Пусть захватит ваши думы
Автор замысла лихого —
Так построили тахту мы.
По проекту Кулакова.*

*Смелым дома не сидится,
С трусом слава не встречалась.
Пусть успех за вами мчится,
Как за нами Киса мчалась.*

*Мы от всех узнать желаем,
Что не сводит скука скулы.
Пусть ее, отряд спасая,
С хрустом слопает акула.*

*Скуке сто перчаток бросьте,
У окошка не сидите.
Ждать нелепо дружбу в гости —
Сами с ней в поход идите!*

Пусть мечта стремится к выси,
Курс с красой земной сверяя.
Пусть гора зовется Лысой,
Шевелюру не теряя.

Пусть наш опыт в вас вселяет
В силы собственные веру,
А Акрам — напоминает
Силу личного примера.

Заблуждений не таите —
Побеждать их честно надо.
Сквозь прозрение идите,
Как мы с Васькой шли к Фархаду

Мы дарить секреты рады,
Все, что нравится — берите!
Но своих секретов клады
Тоже щедро раздарите.

Одолеем все тревоги,
Сытый нам покой не нужен.
Все распахнуты дороги
Тем, кто с детства с правдой дружен.

*А совета заисходите,
Или, может, что-то в роде —
Сразу весточку пошлите
Балтабаеву Володе!*

